

САМАЯ ГЛУБОКАЯ
В МИРЕ

АКАДЕМИК Д. С. ЛИХАЧЕВ:
КУЛЬТУРА И МЫ

НАЧАЛО РОМАНА
ДЖ. ДИМОНЫ
«ПОСЛЕДНИЙ —
НА АРЛИНГТОНСКОМ
КЛАДБИЩЕ»

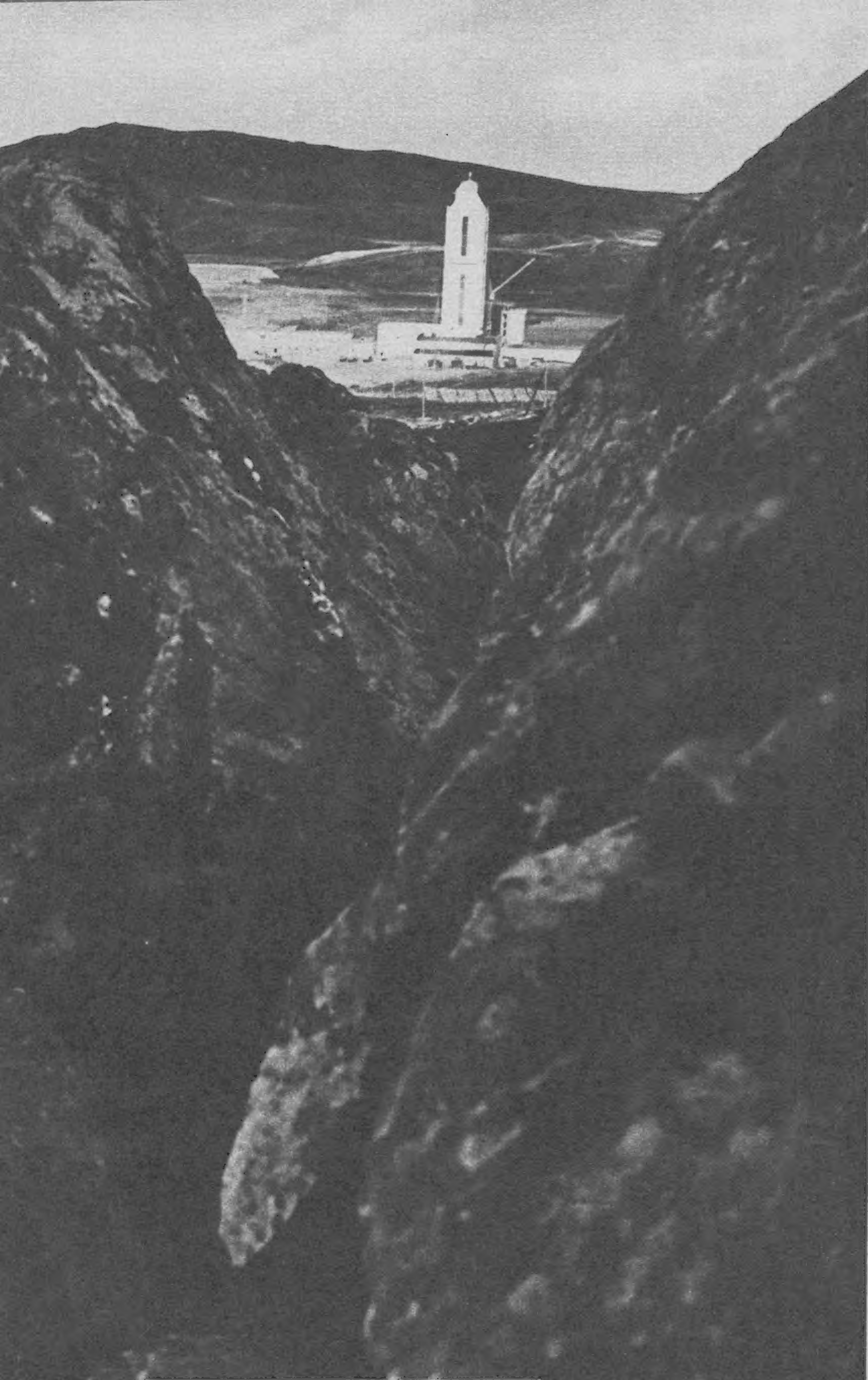
РЕКОРДЫ
«РУСЛАНА»

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 36 АВГУСТ 1985

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

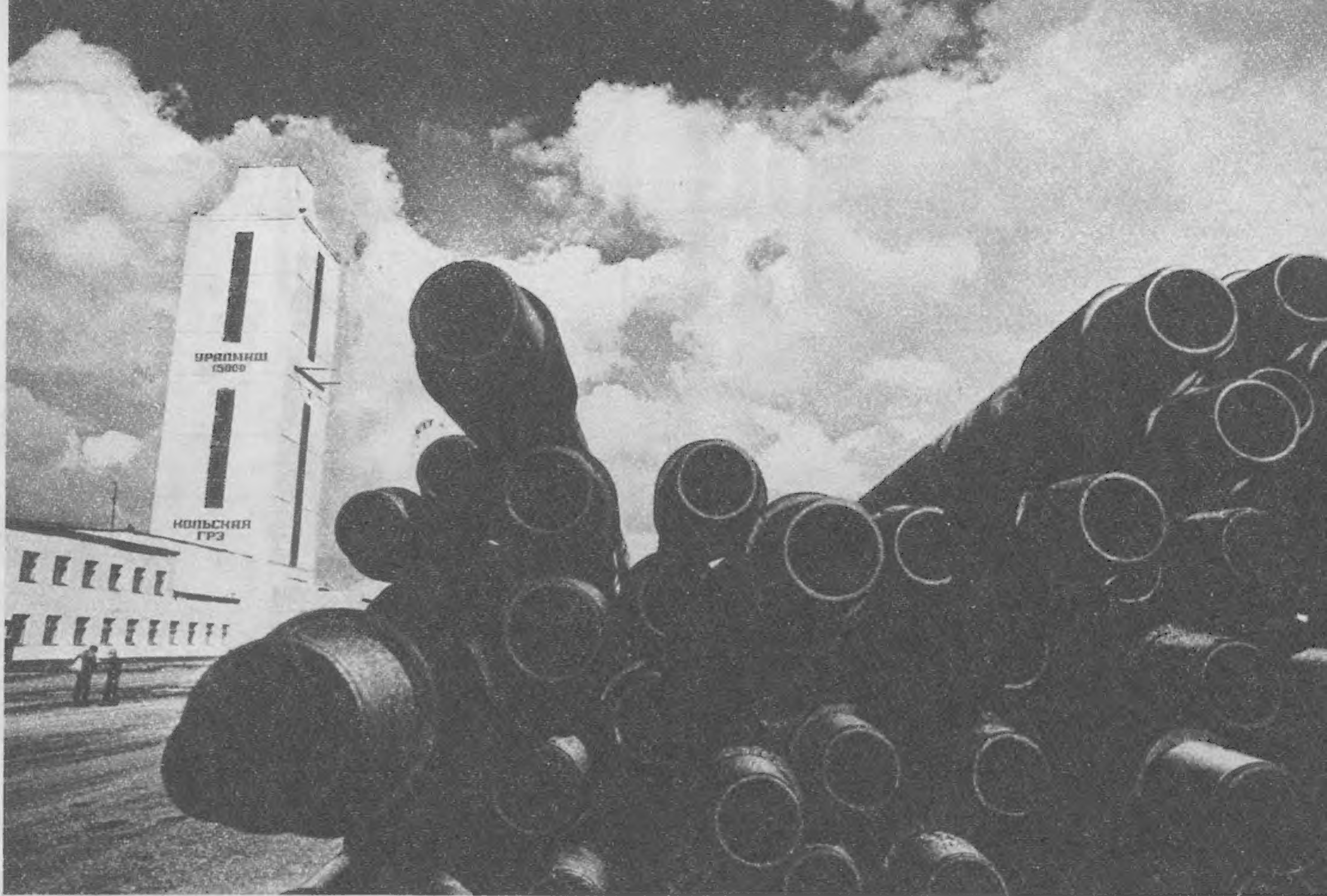
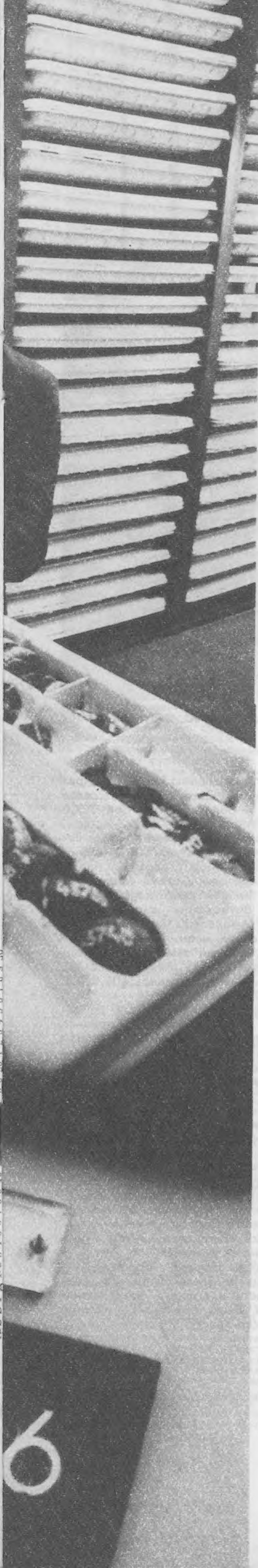
№ 36 (3033)

31 АВГУСТА —
7 СЕНТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1985

Кольская сверхглубокая.

Эти трубы уйдут в глубину.

наука ведет поиск

12066!

См.
стр. 25.

Вся семья начальника буровой А. Ф. Батищева работает в геологии.

Старший геолог экспедиции Ю. П. Смирнов с образцами керна.

Во время встречи в Кремле.

Фото В. Мусаэльяна, Ю. Лизунова (ТАСС).

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 26 августа в Москву с дружественным рабочим визитом прибыл Генеральный секретарь ЦК Народно-революционной партии Лаоса, Председатель Совета Министров ЛНДР Кейсон Фомвихан.

На Внуковском аэродроме у трапа самолета К. Фомвихана приветствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин.

27 августа Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев встретился в Кремле с Генеральным секретарем ЦК Народно-революционной партии Лаоса, Председателем Совета Министров ЛНДР Кейсоном Фомвиханом.

Состоялся обмен информацией о ходе коммунистического и социалистического строительства в Советском Союзе и Лаосе, о подготовке к XXVII съезду КПСС и IV съезду НРПЛ.

Обсуждение актуальных международных проблем подтвердило единство взглядов и оценок, касающихся обстановки в мире и перспектив ее развития.

В ходе встречи, прошедшей в атмосфере братской дружбы, сердечности и полного взаимопонимания, было принято совместное советско-лаосское заявление.

На Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева.

Вокруг процесса в Риме

Закончился первый раунд нашумевшего «процесса века», к которому свыше двух месяцев было приковано внимание многих миллионов людей далеко за пределами «вечного города». Объявлены летние каникулы — до 18 сентября, когда возобновятся судебные заседания, — поединок истины в лице невинного болгарина Сергея Антонова и лжи, которую олицетворяет на процессе террорист и клеветник Али Агджа.

Первый раунд процесса с его 35-ю заседаниями, в том числе с тремя чрезвычайными в начале августа, проходил очень медленно. Главная причина — множество «черных дыр», обнаруженных в явно недобросовестно и тенденциозно подготовленном 1200-страничном обвинительном заключении и в демонстративно вызывающем поведении единственного «свидетеля» с его частыми приступами клоунады и наглой лжи. С точки зрения юриспруденции, как признался представитель обвинения прокурор Антонио Марини, в итоге первого раунда удалось закончить лишь допрос подсудимого Иомера Багджи и установить, что он передал Агдже браунинг за несколько дней до покушения на папу римского. Да, весьма скромный итог для столь длинного судебного марафона. Но есть и другое: ни одно из обвинений — даже самое маленькое — о существовании «болгарского следа» не подтвердилось. Ни одно!

После каждого судебного заседания в самой Италии и во всем мире оставалось все меньше заблуждающихся в истинном положении дел. С этим фактом провала крупномасштабной провокации наших идейных противников не могли не согласиться многие органы массовой информации Запада, видные юристы и общественные деятели.

«Обвинение против болгарских граждан в соучастии в римском преступлении разрушилось как картонный домик», — отмечает французская «Матен». Бельгийская «Суар»: «Безусловно, что «болгарский след», о котором так много говорили, развалился». «Нью-Йорк Таймс»: «Дело, которое началось в мае как «процесс века», после перерыва в августе уже стало фарсом...»

Однако делать вывод, что суперлжец исчерпал себя, было бы преждевременно. Дело не в самой марионетке, а в ее кукловодах. Они вряд ли отказались от мысли новыми коварными пропагандистскими уловками повернуть процесс в свое русло. Видный итальянский юрист — профессор Джузеппе Консоло, квалифицируя итоги первой фазы «летнего периода» процесса как успех защиты болгарина Антонова, выразил предположение, что лжец Агджа, оказавшись в затруднительном положении, может быть, готовит новые «версии»...

Агджа требует вызова в Рим «серых волков», многие из которых, как иронично заметил один болгарский журналист, «находятся в глубокой спячке в зарубежных берлогах с крепкими решетками».

И вот необычное в практике итальянской Фемиды — после объявления летних каникул на процессе — фактическое продолжение работы суда. В августе представители римской магистратуры совершили зарубежные воjaки для допросов «серых волков». Первый допрос состоялся в Голландии — арестованного там турецкого террориста Аслана Самета за попытку с фальшивым паспортом въехать

в страну из ФРГ и незаконный ввоз браунинга точно такого же калибра, как у его «коллеги» Агджи. Первый допрос и первая сенсация. Оказалось, что А. Самет был в числе «серых волков», которые, собравшись в Вене весной 1981 года, участвовали в составлении плана покушения на Иоанна Павла II. Но был ли он в числе соучастников Агджи в Риме? Допрашиваемый это отрицал, да и Агджа всячески старается выгородить этого «серого волка», который хотел въехать в Голландию в дни пребывания там папы римского. Второй «серый волк», находящийся в тюремном заключении — в западногерманском городе Бохуме, —

Ялчин Озбей, отказался прибыть на очную ставку со своим дружкой Агджой, которого укрывал у себя после бегства последнего из стамбульской тюрьмы. Этот террорист с апломбом заявил: «Мои показания могли бы в корне изменить характер процесса в Риме». Остается гадать, что за этими словами. Расшифрованы ли они на допросах, которые вели председатель суда Северино Сантиапити и прокурор Антонио Марини в Бохуме, держится пока в тайне. Но несомненно одно: тактика «наводни на другие следы» преследует цель затянуть и запутать процесс в Риме. Самое же несправедливое в этой провокационной тактике то, что

абсолютно невинный Сергей Антонов продолжает оставаться под стражей, испытывает муки унижения, когда его водворяют на судебных заседаниях в железную клетку. Мировая общественность требует активно добиваться освобождения гражданина Болгарии, разоблачения организаторов идеологической диверсии против мира, разрядки, добрососедства между Востоком и Западом.

Николай ПАНИЕВ,
заместитель председателя
Советского национального
комитета в защиту Сергея
Антонова

Рисунок М. АБРАМОВА

В Москве экспонируется 12-я международная фотовыставка «Интерпрессфото-85». Специальным призом журнала «Огонек» отмечена серия фотографий Махмуда Даб-дуба (Палестина) «В лагере Шатилы». Воспроизводим одну фотографию из этой серии.

ЛИВАН:

Евгений КОРШУНОВ

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Этот белый двухэтажный дом, похожий на крепость, одиноко стоящий на холме в окружении фруктового сада, давно уже вызывал ненависть жителей окрестных деревень. Здесь расположился со своим штабом майор Фирой, израильский губернатор южноливанского района Хасбайя, и сегодня еще оккупированного войсками Тель-Авива. Да, Тель-Авив уже многократно заявлял, что его солдаты выведены из Ливана, а в так называемом «поясе безопасности», который израильтяне, наплевав на все международные законы, создали на ливанской земле вдоль своей границы,

находится лишь... горстка «советников», занятых обучением наемников из ЮЛА («южноливанской армии»), созданной и финансируемой сионистским государством. И хотя факты давно опровергли ложь о полном выводе израильских войск из Ливана, Тель-Авив упорно стоит на своем: нет больше израильских солдат на ливанской земле, нет — и все тут! А командованию оккупантов, продолжающих тем временем бесчинствовать на ливанской земле, строго приказано: любыми средствами избегать потерь. Ведь если в Ливане нет израильских солдат, то не

может там быть ни убитых, ни раненых израильтян!

...В то утро часовые «южноливанской армии» несли свою службу вокруг штаб-квартиры израильского губернатора Хасбайя как обычно. Одни внимательно следили за пустынной дорогой, тянувшейся внизу под холмом, другие не спускали глаз с тропинок, петляющих в кустарнике возле штаба. Позади была тревожная ночь, одна из тех ночей, когда патриоты — бойцы Фронта ливанского национального сопротивления — наносят молниеносные удары по позициям израильтян и коллаборационистов. Но ночь на

этот раз прошла спокойно, и расслабившиеся с рассветом часовые проглядели одинокого всадника, неведь откуда вдруг появившегося у стального забора, окружающего здание штаба. Как стало известно уже потом, наемные вояки кинулись кто куда, попадали на землю... И в этот момент грохнул мощный взрыв...

А вечером в программе новостей ливанского телевидения было объявлено, что еще один молодой патриот пожертвовал жизнью в борьбе за освобождение своей родины. Им стал двадцатитрехлетний коммунист Джа-мал Сати. В коммунике

Фронта ливанского национального сопротивления, опубликованном на следующий день всеми бейрутскими газетами, сообщалось, что Джамал Сати, сумевший обмануть бдительность охраны израильского штаба, приблизился почти вплотную к погову врага на муле, груженном тюками с динамитом, и взорвался. Здание штаба, в котором находились в тот момент израильские наемники, уничтожено, израильтяне и коллаборационисты немедленно окружили весь район, что не позволило установить их потери при взрыве.

В коммунике рассказывалось, что Джамал Сати родом из деревни Камед-эль-Лоз, студент, он был руководителем коммунистической группы бойцов Сопротивления, и взрыв израильского штаба был его десятой боевой операцией.

«Я сознательно иду на эту операцию, — написал он в предсмертном письме, оставленном родителям. — Не оплакивайте меня, мама! Товарищи, черпайте силы в моей пролитой крови...» Джамал Сати оставил и политическое завещание, в котором призывает молодежь Ливана не жалеть жизни в борьбе за свободу своей родины и наращивать смертоносные удары по израильским оккупантам и их пособникам. В записи на видеопленку, показанной ливанским телевидением и сделанной за несколько часов до того, как Джамал Сати отправился на операцию, зрители увидели его на фоне флага Ливанской компартии и портретов молодых патриотов, так же, как и он, погибших в борьбе за свободу. Это были портреты Лолы Аббуд, Вафы Нуреддин, Саны Мхайдали и других девушек и юношей.

Лишь в минувшем июле четверо молодых патриотов направили автомашины, груженные взрывчаткой, на позиции израильтян и ЮЛА в «поясе безопасности». Патриоты называют проводимые ими операции именами героев, павших до них.

Стала национальной героиней восемнадцатилетняя Сана Мхайдали, взорвавшая машину с динамитом в израильской автоколонне 9 апреля этого года. Тогда же молодая коммунистка Лола Аббуд, возглавлявшая боевую группу патриотов, героичес-

ки погибла в бою против превосходящих сил израильских оккупантов и их наемников. А 9 мая Вафа Нуреддин (коммунистка, 21 год) повела на операцию боевую группу, названную в честь погибшей подруги «группой Лолы Аббуд». Прикрывая отход своих товарищей, она взорвала чемодан со взрывчаткой, которую несла, среди окружавших ее израильских наемников. В свою очередь, Джамал Сати назвал свою акцию «операцией Вафы Нуреддин».

В эти дни мне довелось встретиться с руководителем одной из боевых групп, входящих во Фронт ливанского национального сопротивления и действующих в оккупированных районах Южного Ливана. Он просил назвать его просто «товарищ Н.» и не рассказывать, где и при каких условиях произошла наша встреча. Это и неудивительно — израильская разведка прилагает сегодня бешеные усилия, чтобы добыть любые сведения, которые помогли бы оккупантам разгромить патриотов.

Товарищ Н. рассказывал мне, что коммунисты явились одними из инициаторов создания Фронта ливанского национального сопротивления и их подпольные боевые группы стали наносить удары израильским агрессорам уже в сентябре 1982 года, когда израильтяне вероломно ворвались в Бейрут. В те дни оккупанты было почувствовали себя в ливанской столице хозяевами, нагло разгуливали по улицам, сидели в модных кафе на Хамре, самой фешенебельной в то время улице Бейрута. Но вот среди бела дня в дорогом кафе на Хамре патриоты застрелили израильского офицера и тяжело ранили еще одного, провели боевую акцию и скрылись.

Джамал Сати.

Вафа Нуреддин.

— Это вдохновило на борьбу тысячи ливанцев, — вспоминает товарищ Н., — вдохнуло в них уверенность, придало новые силы. Именно в те дни и родился Фронт ливанского национального сопротивления. Сегодня он объединяет боевые группы всех патриотических организаций и прогрессивных партий Ливана. Эти группы существуют и действуют раздельно, что диктуется правилами конспирации, но против общего врага. Поэтому мы говорим о боевых акциях не тех или иных партий или организаций, а об общих акциях Фронта ливанского национального сопротивления.

Я спросил товарища Н.: всегда ли проведенные операции против оккупантов вызывают необходимость самопожертвования?

— Мы против того, чтобы наши бойцы жертвовали собой, — ответил он. — Мы за то, чтобы они провели как можно больше боевых операций против врага и вернулись на базы живыми. Но бойцы вправе принимать собственные решения, сами распоряжаться своими жизнями, особенно в непредвиденные критические моменты. Так, например, решение уничтожить штаб майора Фироя, чьи головорезы особенно жестоки, было принято давно, но выполнить его нам все не удавалось. И вот товарищ Сати принял собственное решение...

Ливанские средства информации — газеты, радио, телевидение — каждый день сообщают об атаках патриотов на позиции оккупантов и ЮЛА в Южном Ливане. Ежедневно проводится несколько операций, в ходе которых израильтяне и их наемники несут потери в живой силе и технике. Израиль-

ская военная цензура не позволяет иностранным и израильским журналистам сообщать что-либо об этих потерях, всячески скрывает от общественности своей страны размах народной войны, которая ведется сегодня в Южном Ливане против оккупантов. Обозреватель израильской газеты «Гаарец» Зе-ев Шиф писал на днях, что «в поясе безопасности идет партизанская война, о которой почти ничего не знают в Израиле», и что «представители израильской армии перестали уже публиковать подробности об инцидентах, в которые вовлечена ЮЛА», то есть об атаках патриотов.

И все же сообщения о таких «инцидентах» иногда просачиваются в израильскую прессу. Так, военной цензуре Тель-Авива не удалось скрыть, что в первых числах августа было убито два израильских солдата и еще два тяжело ранено. Министру обороны Израиля Ицхаку Рабину пришлось давать объяснения, выступая по телевидению. Он пытался утверждать, что гибель израильских солдат и офицеров в Южном Ливане является... лучшим аргументом в защиту необходимости продолжать оккупацию значительной части ливанской территории, провозглашенной Тель-Авивом «поясом безопасности».

...После акции, проведенной Джамалом Сати, оккупанты и ЮЛА (которая разваливается в результате массового дезертирства и ударов патриотов) обрушили на местных жителей зверские репрессии. Проводятся облавы, прочесывания, повальные обыски. Подозреваемых в соучастии к патриотам арестовывают и увозят в неизвестном направлении, их дома взрывают специальные «зондеркоманды», а семьи и родственники изгоняются. Отныне перепуганными оккупантами взяты на учет даже все лошади, мулы и ослы в «поясе безопасности» — ведь и они теперь стали оружием в руках патриотов! Оккупанты и их пособники нервничают, трясутся от страха, и Тель-Авив вынужден признавать свое бессилие против национально-освободительной борьбы ливанского народа, все сильнее разгорающейся с каждым днем и с каждым днем рождающей все больше героев.

Бейрут.

Экипаж нового самолета: командир — заслуженный летчик-испытатель СССР В. И. Терский, бортинженер — испытатель М. М. Трошин, штурман — испытатель 1-го класса А. П. Поддубный, бортинженер — испытатель 1-го класса А. М. Шупенко, второй летчик-испытатель 1-го класса А. В. Галуненко.

«Руслан» идет на посадку

«Рус

Создатели самолета, конечно, предполагали, что интерес к нему в международном авиасалоне будет большой, и готовились к этому заранее. Однако на такое паломничество, которое началось в парижском аэропорту Ле-Бурже, члены советской делегации не рассчитывали. Чтобы познакомиться с нашим богатырем «Русланом», чей взлетный вес 405 тонн, установилась очередь. Сначала прошли руководители крупнейших фирм — «Локхид», «Боинг» и многих других. Потом появились целые бригады ведущих специалистов. Им показывали все: и уникальные мостовые краны, с помощью которых самолет «сам себя загружает», и навигационное оборудование, и систему устойчивости в полете с четырехкратным резервированием, и высокоэкономичные двигатели. Любую деталь можно было посмотреть, сфотографировать, а при желании даже пощупать.

Неподалеку стоял американский самолет-разведчик с системой «Авакс», но желающие попасть в него выслушивали «искренние сожаления» по поводу того, что не-

на уровне
мировых
стандартов

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

«Антей» — сын «Антея»

обходимо разрешение... министерства обороны США.

Все крупнейшие газеты Франции писали о «русском чуде», о богатыре, который может поднять в воздух речное судно, несколько железнодорожных вагонов, буровую вышку, мостовой пролет! Писали о принципиально новом скачке советской техники, о высоком уровне технологии. Однако почти каждая статья заканчивалась какой-нибудь глупостью, часто злой, рассчитанной на то, чтобы снизить впечатление от советского супергиганта, представленного на выставке в Ле-Бурже.

— Вначале эти выпады просто смешили, вызывали недоумение, но потом стали раздражать, — рассказывает генеральный конструктор конструкторского бюро имени Антонова Герой Социалистического Труда Петр Васильевич Балабуев. — Скажем, были у нас руководители фирмы «Локхид», смотрели, восторгались... У их крупнейшего самолета СИ-5 грузоподъемность 75 тонн, а наш АН-124, то есть «Руслан», поднимает 150 тонн, вдвое больше! Однако в авиасало-

не всюду мозолил глаза хвастливый призыв: «Если хотите видеть самый большой самолет в мире, обратитесь в «Локхид»!»

И наши товарищи, встречая посетителей выставки в гулком и просторном салоне «Руслана», уже не бесстрастно излагали технические характеристики, а невольно вступали в полемику. Ведь там, в Ле-Бурже, двадцать лет назад был представлен наш «Антей», который журналисты прозвали «летающим собором». Нынешний богатырь — его непосредственный преемник. В конструкции «Руслана» учтены все достижения «Антея», обобщен многолетний опыт его эксплуатации. Новые, разработанные под руководством Героя Социалистического Труда В. А. Лотарева двигатели — самые экономичные в мире. Расход топлива у «Руслана» на перевозку каждой тонны груза в два с половиной раза меньше, чем у других самолетов. Несмотря на свои огромные размеры — размах крыльев 73 метра, — «Руслан» требует минимального технического ухода,

предполагает высочайшую надежность в работе.

Западные журналисты всячески подчеркивали соперничество «Руслана» и СИ-5, появилась даже статья «Бой гигантов». Только какое уж тут соперничество, если фирма «Локхид» срочно переделывает все ранее выпущенные машины, выдирая из них часть фюзеляжа и навешивая новые крылья. Проект такой модернизации обойдется в несколько миллиардов долларов и позволит СИ-5 поднимать не 75, а 118 тонн.

Руководители фирмы «Локхид», пытаясь хоть чем-то сбить интерес публики к нашему самолету, пригласили спортивных комиссаров из ФАИ и... побили мировой рекорд, подняв на высоту два километра 111 тонн груза. Это был рекорд отчаяния, но шума вокруг него устроили немало.

— В августе, — говорит П. В. Балабуев, — экипаж «Руслана» во главе с заслуженным летчиком-испытателем СССР В. Терским в присутствии комиссаров ФАИ поднял 171 тонну 219 килограммов груза на высоту 10 750 метров. Это бо-

лее чем на 60 тонн превышает прежний мировой рекорд американского экипажа. Причем в одном полете установлено двадцать одно мировое достижение.

С. СЕРГЕЕВ

Песни благодарности и братства

«Песни благодарности и братства» — небольшой цикл стихов поэтов-интернационалистов, патриотов Индии. Произведения выбраны из многоликого поэтического наследия — стихов, опубликованных на страницах индийской печати в период второй мировой войны. Написанные на разных языках, в разных уголках великой древней страны, они ярко отразили в себе чувства глубокой симпатии миллионов жителей Индии к героическому советскому народу в суровые годы сражений с фашизмом. Стихи даются в переводах Феликса Бурташова.

А В А З *

В ОПАСНОСТИ ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Спешу с винтовкой в бой пойти,
Сорвав ее с плеча.
Советская земля в огне,
А я — сын Ильича.

На линии передовой
Сражаются друзья.
Все то, чем жили двадцать лет,
ВРАГУ ОТДАТЬ НЕЛЬЗЯ.

Не отсидеться в стороне,
Когда на карте жизнь.
Готов я все отдать борьбе,
Чтоб был разбит фашизм.

Как очутиться поскорей
Там, где передний край?
Мне путеводную звезду,
Товарищ, в руки дай.

И сам в суровый этот час,
Когда идут враги,
Ты Красной Армии бойцам,
Чем можешь, помоги!

За свой и твой, Товарищ, дом
Сражаются они,
Во гневе зубы крепко сжав,
Им руку протяни.

И знай, что в помощи твоей —
Залог большой мечты:
Свободной Индии рассвет
Помог разжечь и ты.

Тесни реакцию, земляк,
Но помни день и ночь:
СЕГОДНЯ ТВОЙ СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ —
СЫНАМ МОСКВЫ ПОМОЧЬ!

1941 г.

Д. П. МАДАН

НАРОДУ СССР

Занеси, о Народ, в Книгу Судеб название
великой страны,
Что в час битвы жестокой, залитая болью и
кровью,
Защищает для всех сотворенную братской
любовью
Эту самую высшую заповедь жизни от Зверя
войны:

«МИР НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ ЧЕЛОВЕКУ ВО
БЛАГО!» — России сыны,

* Сегодня имя этого поэта, ныне выдающегося общественного и политического деятеля, знают все — это президент Всемирного Совета Мира, лауреат международной Ленинской премии Ромеш Чандра.

Миллионы крестьян и рабочих,
воспитанных светлою новью,
Встав стеной, преградили путь дикому
средневековью
И низринули Ненависть в пропасть, отвагой
безмерной полны.
Занеси в свою Книгу сказанье о том, как в
суровые дни,
Когда Темные силы распали соседние
страны,
Дети гордой России, как сказочные
великаны,
Не склонив головы, в жаркой битве
сражались одни.
И был враг остановлен, отброшен, отринут
назад!
Пусть же люди о жертвах священную память
хранят.

1942 г.

Али Сардар ДЖАФРИ

ЗВЕЗДА МИРА

Ордою дикою они неслись вперед,
себя назвав орудием мессии,
фашисты Гитлера, но час пробил, и вот —
лежат в пыли, среди полей России.

А спасшиеся бродят по снегам,
взывая к небу, но безмолвны боги.
И кучи орденов — ненужный хлам
валяются в канавах вдоль дороги.

Жестокий враг еще от крови пьян,
и ищут горло жертвы руки-клещи,
их пальцев костенеющий капкан
еще готов душить детей и женщин,
проворны и привычны к воровству,
их руки шарят по телам убитых,
но час за часом пальцы, как листву,
уносят, обрывая, ветры битвы.

Враг не прошел, и радостен Шираз,
где до сих пор живет душа Хафиза.
Судьба земли решается сейчас
в России, где рассвет Победы близок.

Прохладный ветер сквозь листву струит,
не слышен здесь далекий рев орудий,
спокойно спят Хайям и Саади,
и жизнь течет меж праздников и буден.

Кровь не коснулась девственных страниц
книг «Шахнаме» — о, автор, будь спокоен:
Фирдоуси, за тысячью границ
тобою созданное спас советский воин!

И в Индии, где нежный Тадж-Махал
глядится в воды величавой Джамны,
где Мадуря скульптурный карнавал
на стенах древних башен замер в камне,

и где принцесса в дремоте ночей
глядит на мир со стен пещер Аджанты,—

повсюду слышатся приветствия друзей
вам, воины советские, гиганты,

тебе, народ советский,
твоя кровь *
спасла от полной гибели народы,
прими же благодарность и любовь
за этот луч надежды и свободы.

Нет, слезы матерей не осушить,
и не утишить боли их и беды.
Страна Советов, можно ль позабыть
все твои жертвы, подвиги, победы!

1944 г.

Г. Шанкара КУРУП *

БАРАБАН ПОБЕДЫ

(отрывок из поэмы)

Исполни, Сердце, радостью! Исполни!
Победы Барабан, греми сильнее!
Восслав Советского солдата, что средь молний
Надеждой встал высокой для людей.

Среди агонии и адской круговерти
Он вел сражение — и сокрушен вампир!
Его разящий меч планету спас от смерти,
Не дал убить любовь и отравить весь мир.

Победный меч с рукой слит воедино,
Он спаян кровью, потом и слезой.
Единство сил друзей непобедимо,
Коль выковано общию судьбой.

Исполни, Сердце, радостью! Исполни!
Исполни верой, выжившей во мгле!
Запомни, человечество, готовность
Сынов России мир дарить Земле.

Страницы этих лет уже навеки
Вошли в истории высокий, светлый Храм,
И слово о советском человеке
Знакомо всем звучащим языкам.

Исполни, Сердце, радостью Победы,
Триумфом храбрости над бандой подлецов
Советский воин, страх тебе неведом,
За муки всех ты в бой идти готов!

Валы вздымая, океанский ветер
Поет балладу о стране твоей.
Нет величавее мелодии на свете,
Возвышенней нет гимна и мощней!

Исполни, Сердце, радостью! Исполни!
Повержен будет ненавистный враг.
И трогают поющих ветров волны
Мою струну и в небе красный флаг.

Он высоко над новым миром реет,
И уплывают тучи горьких бед.
Он приближает, делает светлее
Встающий над планетой рассвет.

Еще Земля ворочается, стонет
В объятиях угрюмой темноты.
Но красный флаг неутомимо гонит
Ночной кошмар с небесной высоты.

Солдат Свободы! Знай, Победы зная
Несет великий символ в этот час,
Оно — пароль, что мир шептал веками,
Любви и равенства всех человеческих рас.

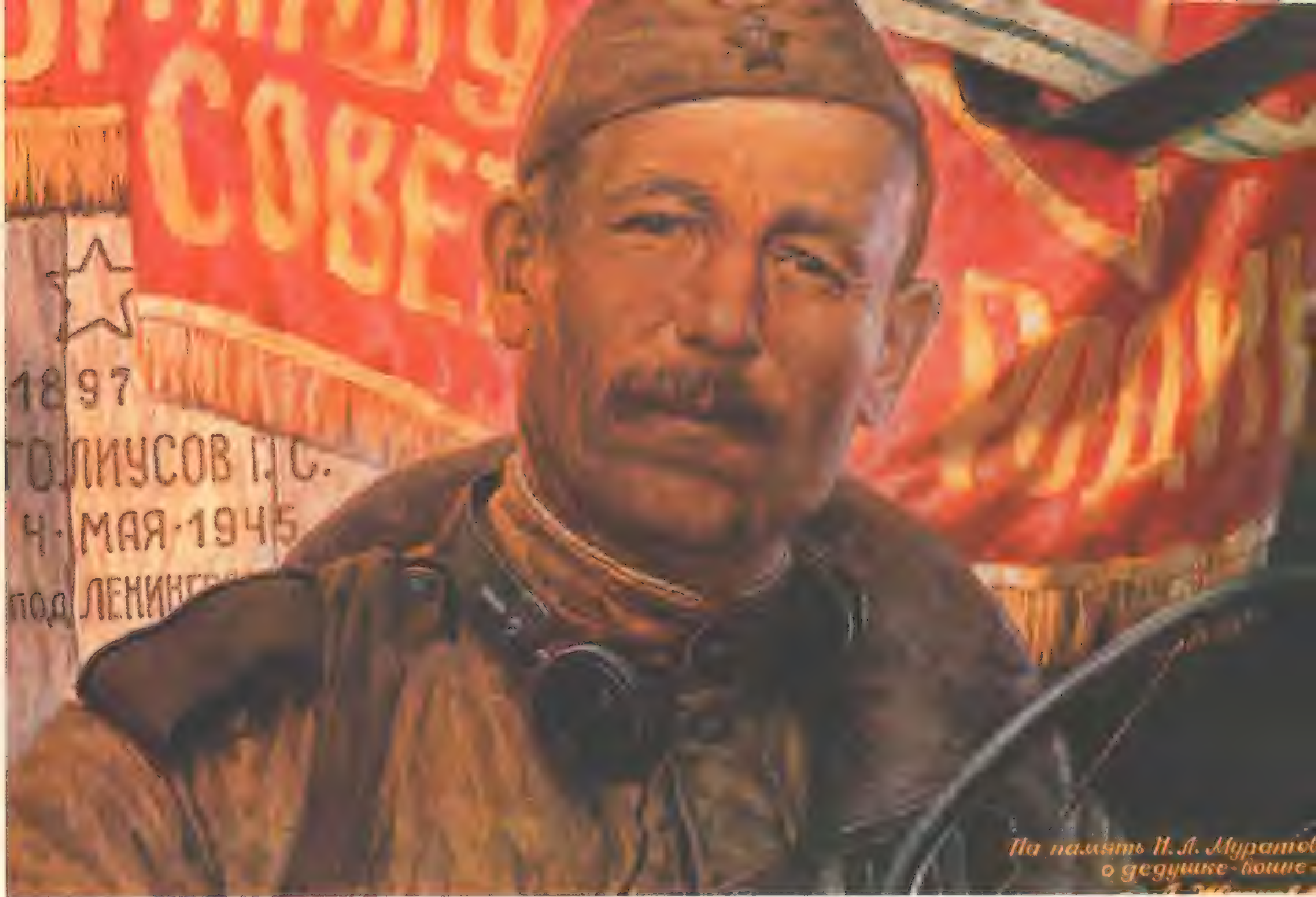
Твой серп, на алом знамени горящий,
Жнет зерна мира посреди войны
И отделяет ток жизнотворящий
От холода смертельной тишины.

Исполни, Сердце, радостью! По свету
На крыльях песни из Москвы летит.
Грохочет громко барабан Победы,
И сердце в унисон ему стучит.

И открываются со вздохом облегченья
Глаза Земли и с верою глядят
На воинов в солдатском облаченье,
Победы открывающих парад...

1945 г.

* Выдающийся поэт Индии Г. Шанкара Куруп (1900—1977 гг.) поэму «Барабан Победы» специально посвятил участникам Первого всеиндийского конгресса общества «Друзья Советского Союза» в Бомбее.

Л. Жданов. Педагог. Москва. ПОРТРЕТ Г. С. ГОЛИУСОВА. 1978.

Всесоюзная выставка самодеятельных художников.

П. Бойко. Военнослужащий. КРЕЙСЕР «МИНСК». 1983.

А. Зимин. Инженер. Татарская АССР. ПОРТРЕТ ХАКИМОВА. 1984.

Всероссийская выставка самодеятельных художников.

Несколько лет назад на Львовской площади Киева вошло в строй здание Министерства торговли Украины. В невысокой его части, на нескольких этажах размещился магазин одежды с летним кафе на крыше. Сюда с улицы ведут сто ступеней. Пока поднимался — во рту пересохло. Но зато тут — уют, красота, столики под зонтиками, заморское оборудование по охлаждению соков. Под стеклянными колпаками циркулирует ярко-желтая жидкость, а сами колпаки капелями росы покрыты — холодные! Ну, думаю, стакан березового с лимонной долькой... За гривенник тебе и запах весны, и лесная прохлада. Увы! Под одним колпаком очень сладкий апельсиновый сок, под другим — еще более сладкий сок манго. Иду во второй бар: дорогой апельсиновый сок и еще более дорогой манговый. Третий бар, четвертый — то же самое. А мне бы березового или томатного, сливового или яблочного...

Иной иностранец, попавший в это «фирменное» кафе, мог бы подумать, что вся территория нашей страны сплошь покрыта апельсиновыми деревьями и зарослями манго; что этих плодов у нас навалом, все уже наелись, а дальше девать некуда, вот и затоваривают их соками магазины. Бросают в дело даже импортную технику. Что же касается яблочного, томатного или виноградного — они такой дефицит, что покупатель разбирает их и теплыми, стоит за ними в тесных закутках.

Откровенно говоря, подобные мысли приходили в голову и мне. Но их быстро развеяли в Министерстве плодоовощного хозяйства УССР. Там показали справку: «О движении соков и повидла». Заводы этого министерства выпустили в позапрошлом году 203 муб яблочного сока (муб — это миллион условных банок). Но закончился год, а на складах остались непроданными 81 муб яблочного сока, 62 муб томатного.

Что делать? Не хотят, как утверждают работники торговли, пить такие соки, и все тут! При-

шлось их производство сократить почти на треть, согласно заказам торговли. Но и в прошлом году остатки снова возросли и на первое января нынешнего года составили по яблочному — 94, по томатному — 102 миллиона условных банок.

— Если и в этом году яблони дадут хороший урожай, это будет что-то ужасное, — услышал я в одном из отделов Министерства плодоовощного хозяйства.

Я долго не мог понять, почему соки учитывают в этих самых «муб», а водку и вино — в литрах и даже декалитрах. Но, кажется, догадался. Условная банка — это 400 граммов. В таких единицах измерения вроде больше соку получается. А если переводить его в литры — убогая картина складывается. На Украине, утопающей в садах, на одного жителя в течение года приходится всего около... четырех литров всяких соков. С пивом и другими напитками я не сравниваю. С пивом, например, все понятно. На пиве — пена. Соки же изготавливаются новейшим, так называемым асептическим способом. Если перевести это на разговорный язык — ни грамма химии. Чистейший натуральный сок хранится в огромных, герметически закрытых емкостях и разливается в стеклянную тару по мере необходимости: и в январе, и мае — свеженький. И не пенится. А ведь как красиво (если, конечно, смотреть с той стороны прилавка), когда над бокалом высокая шапка пены! Не кажется ли вам, что продажа соков стопорится по чисто эстетическим соображениям?..

В двух случаях мне посчастливилось увидеть, как можно организовать торговлю соками. В Киеве на улице Саксаганского есть соковый бар. Полуподвальное помещение, несколько столиков, стойка, на ней больше десяти сортов и видов сока. Можно выпить такого холодного, что зубы ломит, можно — умеренной температуры. Можно заказать коктейль: я выпил смесь голубичного с березовым, — букет лесных цветов, омытых росой! Работают тут два человека, выручка — 15 тысяч рублей в месяц. Посетители есть всегда. Приходят и с детьми. Из ближайших учреждений во время обеденного перерыва наведываются те, кто берет бутерброд из дому. Закажет один-два стакана сока, развернет

Вокруг стакана сока

свое домашнее — и роскошествует... Есть еще соковый бар, правда, чуть поменьше, на Печерске, и тоже никогда не пустует. Но увы! Оба эти заведения открыты Минплодоовощхозом, специалисты которого по весне с тревогой рассматривают на небо: вдруг не померзнет завязь в яблоневых садах? Вдруг не побьет градом рассаду помидоров? В двух барах много сока не продашь.

Так чем же объяснить, что в республике на душу населения вина продается во много раз больше, чем соков? Чтобы ответить на этот вопрос, мне не пришлось бродить по задворкам, выискивая, так сказать, отдельные негативные факты. Не говорю уже о вокзалах и автобусных станциях, о небольших городках и районных центрах. Да что там! Найдите стакан охлажденного томатного сока в Ялте или Симферополе. И неохлажденный — то долго искать будете. А ведь там же, рядом в совхозе «Обильный» Джанкойского района, этим соком все склады забиты. Не знают, куда девать его. Это я сегодня из радиопередачи узнал.

Я обошел все торговые точки от Бессарабки до днепровских круч.

И стало ясно, почему каждая душа населения республики потребляет в день... меньше столовой ложки соков. На всем Крещатике в разных точках имеется до двух десятков аппаратов, которые тут же, на прилавке, охлаждают соки. И ни в одном из них — ни яблочного, ни томатного. В основном манго: 55 копеек за двести граммов.

За такие деньги и пообедать можно...

Зашел и в один из магазинов. Отдел пиво-воды; рядом можно купить и вино. А сок? Продажу сока выдвинули на улицу, в стеклянную будку, насквозь прокаленную солнцем. Прямо на горячем асфальте стоят банки с соком — вот-вот вскипят. И все равно длинная очередь, потому что в другом месте и этого нет. Между тем тысячи тонн яблок, помидоров, березового сока ежегодно не используются, производственные мощности по их переработке простаивают, а в связи с сокращением выпуска плодово-ягодных вин сырьевая база еще расширится. Все это пока что работников торговли не взволновало. Это, как говорится, по другому ведомству...

«СОПУТСТВУЮЩИЙ ТРАКТОР»

«Все чаще универсамы и отделы самообслуживания гастрономов заполняют никчемным, бесполезным, а то и откровенно неподходящим «сопутствующим товаром». Сами же по себе секции и отделы с разной хозяйственной мелочью очень нужны...» Об этом шла речь в статье Н. Барыкина «Сопутствующий трактор», опубликованной в «Огоньке» в № 50, 1984 г.

Главное управление торговли рассмотрело эту статью и сообщает, что в целях улучшения торговли непродовольственными сопутствующими товарами повседневного спроса в универсамов и крупных продовольственных магазинах самообслуживания разработаны примерный перечень таких товаров — 276 наименований. «Наибольший удельный вес в этом перечне занимают товары хозяйственного назначения и домашнего обихода», — сообщает нам первый заместитель начальника Главного управления торговли Мосгорисполкома В. Белозеров. «Опре-

делено также, что продажа сопутствующих непродовольственных товаров повседневного спроса в широком ассортименте осуществляется в основном в одиннадцати универсамов торгового «Гастронома».

Эти магазины расположены в районах массовой жилой застройки, где недостаточно сеть промтоварных магазинов. Работники этих одиннадцати универсамов уже приняли участие в оптовых ярмарках и закупили необходимые непродовольственные товары почти на 10 миллионов рублей. В 1985 году непродовольственных товаров в

продовольственных магазинах будет продано на сумму, составляющую 8—10 процентов общего объема товарооборота. Напомним, что в 1984 году этот показатель по торговле «Гастрономом» составил чуть более одного процента. Но, конечно, не в процентах дело. Важно, чтобы ту или иную мелочь, то или иное ходовое, повседневное изделие можно было купить буквально на ходу, не тратя свое время, одновременно с другими, основными покупками, за которыми мы и идем в универсам.

Трудности в организации торговли непродовольственными, сопутствующими товарами объясняются недостатками складских помещений для хранения и подсортировки их, отмечается в письме из Главторга. Но при этом не сообщается, когда это препятствие будет преодолено. Письмо обходит молчанием и те строки публикации, в которых критиковался гастроном «Новозарбатский».

«Оптовые базы и промышленные предприятия закупают в универсамы непродовольственные товары одного вида большими партиями, что затрудняет их хранение, а также сужает их ассортимент», — пишет тов. Белозеров. Но ведь решение этого вопроса полностью зависит от разворотливости торговли, от уровня квалификации ее работников, от того, как они относятся к своему делу. Не случайно же тов. Белозеров признает, что некоторые недостатки в формировании ассортимента непродовольственных товаров полностью надо отнести к руководителям торговых предприятий.

Поднятые в статье «Сопутствующий трактор» вопросы находятся, как отмечается в письме, «на контроле Главторга, где состоялось совещание, наметившее меры по улучшению торговли сопутствующими товарами в московских универсамов и магазинах самообслуживания»

СТАХАНОВЦА ЗРИМЫЕ Ч

А. Стаханов. 1939 год.

Фото Г. Вайля.

ВОТ И ПОДОШЕЛ ЭТОТ ДЕНЬ — ДЕНЬ СЛАВНОГО «ЗОЛОТОГО» ЮБИЛЕЯ СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ. ГЕРОИЧЕСКИЙ ПОДВИГ ДОНЕЦКОГО ЗАБОЙЩИКА АЛЕКСЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТАХАНОВА, СОВЕРШЕННЫЙ ИМ ПОЛВЕКА НАЗАД, В НОЧЬ С 30 НА 31 АВГУСТА, ВДОХНОВИЛ НА САООТВЕРЖЕННЫЙ ТРУД МИЛЛИОНЫ. И СЕГОДНЯ, КАК И ТОГДА, В ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ, ОБРЕЛ НОВУЮ СИЛУ ЛОЗУНГ: «ДАВАЙТЕ РАБОТАТЬ ПО-СТАХАНОВСКИ». КАЖДЫЙ ДЕНЬ СТРАНА УЗНАЕТ О НОВЫХ СВЕРШЕНИЯХ ГОРНЯКОВ И МОНТАЖНИКОВ, МЕТАЛЛУРГОВ И КОМБАЙНЕРОВ, МАШИНИСТОВ И ТКАЧИХ. ИНАЧЕ И НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, ПОТОМУ ЧТО РЕШАТЬ СЛОЖНЫЕ ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕГО ПОДЪЕМА ЭКОНОМИКИ МОЖНО, — ОТМЕЧАЛОСЬ НА АПРЕЛЬСКОМ (1985 г.) ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС И СОВЕЩАНИИ ПО ВОПРОСАМ УСКОРЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА, — ТОЛЬКО ОПИРАЯСЬ НА ЖИВОЕ ТВОРЧЕСТВО НАРОДА, НА ЕГО РАЗУМ, ТАЛАНТ И ТРУД. ОБ ИНИЦИАТИВЕ И ЭНЕРГИИ РАБОЧЕГО КЛАССА, КРЕСТЬЯНСТВА И ШЛА РЕЧЬ ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ «ОГОНЬКА» В ПРЕДДВЕРИИ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЙ ДАТЫ (СМ. «ОГОНЕК» № 50 ЗА 1984 ГОД, №№ 28—30 и №№ 33—34 ЗА 1985 г.) СЕГОДНЯ МЫ ЗАВЕРШАЕМ ПУБЛИКАЦИЮ ВЫСТУПЛЕНИЙ УЧАСТНИКОВ «ВСТРЕЧИ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ».

БАМ ЕСТЬ, А ЯМ БУДЕТ!

Эльман АМИРОСЛАНОВ,
бригадир мостоотряда № 47
ГлавБамстроя

На XVII съезде комсомола прозвучало короткое, всего из трех букв слово — БАМ. Со всех концов нашей страны поехала молодежь на эту стройку. В числе многочисленных добровольцев был и я. До того жил в Подмосковье, строил дома. Пришлось переучиваться, но я этому рад. Мне посчастливилось попасть в трест Мостострой-10, лучший из двенадцати трестов по строительству мостов.

Когда встретился недавно со старыми друзьями и те стали меня расспрашивать о БАМе, я им ответил: «БАМ — это мосты, соединенные рельсами». Они почти на каждом километре трассы. Только наш трест за десять лет сдал в эксплуатацию около 900 железнодорожных и автомобильных мостов, в том числе самый большой из тех, что мы строили через Зею в Благовещенске, десятки фундаментов под водопропускные трубы, эстакады, среди них уникальную на станции Берка-Кит, паромные переправы, промба-

зы и полигоны железобетонных конструкций.

Работаем в сложнейших геологических условиях. Тут и вечная мерзлота, и низкие температуры, и высокая сейсмичность... Много чего... Нашим специалистам было над чем поломать голову. Впервые в практике наш трест приступил к сборке мостов из железобетонных и стальных элементов, изготовленных на заводах. Все это сказалось на итогах. Трест удостоен ордена Трудового Красного Знамени, а его руководителю, кан-

А ЧУСОВСКАЯ ЖДЕТ...

Владимир КУЗНЕЦОВ,
машинист электроваза
локомотивного депо
станции Чусовская,
депутат Верховного Совета СССР

Он один из самых молодых среди участников нашего «круглого стола». Ему всего 28 лет. На груди комсомольский значок и значок депутата высшего органа государственной власти. И никаких пока наград. Словом, представитель третьего или даже четвертого поколения стахановцев, но сам про себя он по своей скромности так, пожалуй, не скажет, считает, что еще малого достиг. Однако только в прошлом году провел уже несколько тяжеловесных составов и сэкономил около десяти тысяч киловатт-часов электроэнергии.

Строители строят дороги, мы водим по ним поезда. В моем избирательном округе живут металлурги, лесозаготовители и железнодорожники Чусового, Лысьвы и Паши, то есть представители тех отраслей народного хозяйства, где

не все благополучно с выполнением планов, поставками по договорам, своевременными перевозками. Конечно, была затяжная, трудная зима с заносами и сильными морозами. Все это так. Но полностью ли используются внутренние резервы? Как обстоит дело с дисциплиной труда? Возьмем наше локомотивное депо. У нас постоянно действуют школы передово-

ЕРТЫ

дидату технических наук Л. С. Блинкову присуждена Государственная премия СССР за 1984 год. Многие из нас награждены орденами и медалями.

Что же еще у нас стахановско-го? В январе прошлого года наша бригада перешла на сквозной поточный подряд. Это и есть организация работы по-новому, только не внутри бригады, а по технологической цепочке, то есть один из самых главных принципов стахановского почина. Мы заключили договора со смежниками. А дальше события развивались так: меня направили на учебу в Москву во Всесоюзную школу бригадиров. Сквозной подряд — дело непростое, тем более что намерены мы выполнить задание года за девять месяцев.

...Сегодня по БАМу идут поезда. Мы гордимся, любимся ими — наш труд! Всему миру и тем, кто не верил, доказали, на что способны советские люди и что наши планы не фантастика. Но БАМ еще не построен полностью. Впереди очень много работы, хватит на всю двенадцатую пятилетку. Мы не устали, мы к ней готовы. И очень хорошо, что впереди еще одна дорога. Нас ждет магистраль Тында — Беркамит — Якутск — Амуро-Якутская магистраль. АЯМ.

го опыта. Занятия ведут машинисты-инструкторы А. А. Середа, В. М. Селения, В. С. Боярских и другие. Убежден: выполнять наши планы вполне возможно, если мы будем еще строже спрашивать друг с друга за любую недисциплинированность и необязательность в работе. Помогают строгие меры, принятые по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Появление на работе с запахом хмельного — ЧП.

Но вот на что требуется обратить особое внимание. На совещании в ЦК КПСС по ускорению научно-технического прогресса говорилось о том, что Министерство черной металлургии не уделяло должного внимания техническому перевооружению предприятий. Не берусь судить обо всей отрасли, но положение дел в нашем депо очень тяжелое. Ему больше ста лет, а настоящей реконструкции за все это время, по существу, не было, хотя вопрос об этом ставился давно. Требуется заменить изношенное, устаревшее оборудование, увеличить производственную мощность депо. Десять лет назад был разработан проект реконструкции, но до сих пор не определен генподрядчик. Для Чусовской это самый главный вопрос, и его надо решать в первую очередь. А уж мы, машинисты, будем трудиться на совесть, — словом, по-кривоносски.

ДЕЛО ЧЕСТИ

Елена КОЛАБЕКОВА,
бригадир штукатуров-маляров,
Волгодонскэнергостроя,
депутат Верховного Совета СССР

Пожалуй, не найдешь другой работы, которая так доступна для оценки всем и каждому, как труд строителя. Он всегда на виду. Получит новосел квартиру, останется доволен, никаких переделок, — и шевельнется в нем чувство благодарности к тем, кто старался. Придет работник в новый, наполненный светом цех — и хорошее у него станет настроение. Шагает путник новой улицей, по тротуару с газонами, деревьями, — добрым словом вспомнит о нас, строителях... Строить хорошо, на совесть — дело нашей чести.

Расскажу о нашей бригаде. Наши объекты — детский сад, гости-ница, плавательный бассейн, жи-

лой дом — это же лицо города. Его красота во многом от нас зависит. Мы работаем так, чтобы не стыдно было смотреть людям в глаза. Иногда услышишь: «Ведь не для себя, и так сойдет!» Это же нечестно. Девчата моей бригады так не могут работать. Даже там, где можно похуже сделать,

у них просто-напросто похуже не получается. Так уж привыкли. Учатся у ветеранов. А они наставляют: «Делай все как следует, не торопись, скорость потом придет». И о плане не забываем, завоевали призовое место по тресту. Уже выполнили план одиннадцатой пятилетки, а план последнего, 1985 года, обязательно завершим по-стахановски, к 50-летию стахановского движения.

Когда в 1979 году меня избрали депутатом Верховного Совета СССР, честно говоря растерялась. Была проформом, не раз «выбивала» для членов бригады место в садике, путевку в дом отдыха, санатории. Но это же бригада, своя семья. А тут такая ответственность, страшно стало. Но помогли опять свои — мой заместитель Тамара Николаевна Рубцова, партгрупорг Татьяна Николаевна Ковалева, совет бригады, все девчата. Уезжаю в район по депутатским делам и знаю — на работе все будет хорошо.

ТАК ДЕРЖАТЫ

Татьяна ФЕДОРОВА,
заместитель начальника
Московского Метростроя,
Герой Социалистического
Труда

Сегодня в этом самом зале, где двенадцать лет назад были Алексей Стаханов, Петр Кривонос, Александр Бусыгин и Иван Гудов, собрались не только ветераны — представители трех поколений. Пришла и молодежь. И о ней мое слово. Она составляет пятую часть жителей планеты, ей принадлежит «завтра» Земли. 1985 год Организация Объединенных Наций провозгласила Годом молодежи. И он чудесно совпал со светлым юбилеем, которому посвящена наша встреча. Как хорошо закончил свое выступление Эльман Амиросланов с Байкало-Амурской магистрали: «Впереди очень много работы. Мы не устали, мы к ней готовы!». В его словах улавливаю истинно наш, метростроевский дух, настрой нашей комсомольской юности.

Нам, молодежи тридцатых годов, партия доверяла строить Днепрогэс и Магнитку, Комсомольск-на-Амуре и Турксиб, Ростсельмаш и Московское метро... Иван Стрельченко говорил здесь о подземных комбайнах на шахтах. У метростроителей тоже есть сейчас проходческие щиты. А тогда были просто тачки, полаты, кайла и бадьи... И ог-

ромный энтузиазм, горячее желание выполнить задание партии. Работали очень напряженно. Нужно было оседлать технику, выжать из нее все возможности. И снова впереди оказалась молодежь. Донбасский шахтер установил невиданный рекорд. Как же произошло такое чудо? Забойщик Алексей Стаханов вместе с парторгом шахты Костей Петровым нашли способ освоить эту технику — отбойный молоток — наилучшим образом, заставили действовать его бесперебойно.

Стахановцами тогда заинтересовался весь мир. Даже газета английских консерваторов «Обсервер» была вынуждена написать: «Никому не известный горняк из Донбасса Алексей Стаханов выдвинулся и стал в центре общественного внимания, превратившись за несколько дней в национального героя Советского Союза. Сотни тысяч рабочих разных отраслей хозяйства добиваются чести быть в рядах стахановцев. Всеобщее преклонение, которым окружены стахановцы, вызвано их героическими деяниями на фронте труда; этот героизм уже успел привести к колоссальному росту производства».

Вот и получилось, что мальчики и девочки, как сказал Серго Орджоникидзе о стахановцах, опробовали всем известные нормы. Почему? Да потому, что горели желанием выполнить задание партии, задание Родины. Тем же проникнуты помыслы и деяния нынешней молодежью гвардии рабочего класса. Иначе бы не было сейчас новых молодых героев труда, в том числе и тех, которые сегодня пришли сюда.

Когда смотрю на вас, молодых прекрасных людей, — я знаю, тут не только бамовцы, но и строители и рабочие КамАЗа, «Атоммаша», газоперерабатывающих заводов Оренбурга, — невольно ловлю себя на том, что мы, ветераны, будто помолодели и где-то тут, среди нас, незримо присутствует Алексей Стаханов, мужественный и красивый человек; Петр Кривонос, стоящий богатырь; Дуся Виноградова, стройная и хрупкая, похожая на балерину... Сюда многие товарищи пришли прямо с сессии Верховного Совета СССР. Я помню, как мы, такие же моло-

дые, депутаты, встречались в Большом Кремлевском Дворце на заседании первого советского парламента... Идет у нас сегодня перекличка поколений. Мы здесь сидим, смотрим друг на друга и убеждаемся: молодой человек Страны Советов — полноправный и активный участник решения важнейших политических, хозяйственных и социально-культурных проблем. Ведь более трети депутатов Советов — люди комсомольского возраста. Мне запомнилась и такая цифра: за последние пять лет государственными ведомствами было принято и реализовано двести предложений, внесенных комсомолом.

В 1935 году на Первом Всесоюзном совещании стахановцев одним из его участников были прочитаны стихи. В них были такие строчки:

**Даешь стахановцам дорогу,
Нас скоро будет миллион!**

Сейчас этой дорогой идут действительно миллионы. Миллионы новаторов, вооруженных самыми современными орудиями труда. Иные, даже средние достижения выглядят фантастическими на фоне рекордов пятидесятилетней давности. Но вот что особо важно. Не должно быть диспропорции между выработкой правопланговых и явно замедленными темпами роста среднеотраслевой производительности труда. Вот какую проблему предстоит решать. Вижу наш общий первейший долг в том, чтобы помогать тем, кто стремится вперед, кому трудно.

В годы нашей юности Чкалов, Байдуков и Беляков летали через Северный полюс в Америку, а нынче — Гагарин — в космос. Тогда строилась первая линия метро, сегодня оно в десяти городах, а будет в двадцати. Когда я училась в институте, считала на логарифмической линейке, сегодня школьники начинают пользоваться компьютерами... Наш вам наказ: «Так держать и дальше!» Преемственная связь поколений советского общества нерасторжима!

**Рассказы выступавших записали
Г. Куликовская, Л. Коробова,
В. Морозова.
Фото Л. Шерстникова**

И. АРТЕМЕНКО
Фото Я. РЮМКИНА

В мае 1945 года разгромленная и поверженная Германия безоговорочно капитулировала. Люди всей планеты с радостью и ликованием встретили Великую Победу, принесшую народам Европы долгожданный мир.

Но в странах Юго-Восточной Азии, на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана еще бушевала война. Под гнетом японских оккупантов находились Корея, Индонезия, Малайя, часть территории Китая, Бирмы, Филиппинских островов... И хотя США и Великобритания уже более трех лет вели войну с Японией и добились определенных успехов, но достигнуть решительной победы они не могли. Правительства США и Великобритании, реально оценивая военно-политическую обстановку, сознавали, что война с Японией потребует еще много сил, времени и, главное, жертв и что без Советского Союза добиться скорой победы невозможно. Вот почему президент США и премьер-министр Великобритании настойчиво добивались согласия Советского правительства на вступление СССР в эту войну.

Такая договоренность была достигнута в Крыму на Ялтинской конференции. Согласно правительства СССР на вступление в войну с Японией было продиктовано прежде всего союзническими обязательствами. Кроме того, необходимо было обеспечить безопасность советских дальневосточных границ, учитывая антисоветскую, агрессивную направленность политики милитаристской Японии, которая неоднократно совершала разбойничьи нападения на Страну Советов.

В те годы, когда Советский Союз вел упорную борьбу с фашистской Германией, Япония, грубо нарушая пакт о нейтралитете, вплотную придвинула к границам СССР Квантунскую армию — одну из своих самых мощных стратегических группировок сухопутных войск, готовую в любой момент вторгнуться на советскую территорию. Поэтому война Советского Союза против Японии являлась логическим продолжением Великой Отечественной войны. 9 августа 1945 года наши войска перешли в решительное наступление против Квантунской армии.

...Шел десятый день тяжелых, напряженных боев. Уже полностью обозначился разгром основных японских сил.

Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский потребовал от командующих фронтами организовать воздушные десанты и подвижные отряды для захвата важных городов, баз, железнодорожных станций и мостов. В города Чанчунь, Мукден, Дальний, Порт-Артур, Харбин и Гирин выслать десанты с уполномоченными для ведения переговоров с японским командованием о безоговорочной капитуляции, а в штаб Квантунской армии — парламентаров с ультиматумом главнокомандующему японскими войсками в Маньчжурии генералу Ямада Отодзо.

Мне выпала честь быть особоуполномоченным и главным парламентаром, направленным в штаб Квантунской армии. К этому времени войска Забайкальского

фронта успешно преодолели знойные пустыни, перевалив через хребты Большого Хингана, вышли в Центральную Маньчжурию к городам Чжанбэй, Долонор, Чифин, Кайлу, Тунляо, Кайтун, Чжаланьтунь, Бухэду. В едином порыве наши дивизии устремились к крупным промышленным и административным центрам — Чанчуню и Мукдену.

Штаб фронта готовился совершить необычный в военной истории 500-километровый скачок из Тамуака-Булака в Ванемяо. Парализованная Квантунская армия была уже не в состоянии создать сплошной фронт и организованно сопротивляться. Ее войска в беспорядке отходили к Чанчуню и Мукдену.

В донесениях, поступивших в штаб фронта, сообщалось, что Чанчунь, столица марионеточного государства Маньчжоу-Го, уже несколько дней обхвачена паникой. На юг, в сторону Мукдена, непрерывным потоком идут автомашины. С железнодорожных станций ежедневно отходят поезда, переполненные японцами — чиновниками, коммерсантами, владельцами предприятий.

В соответствии с решением командующего фронтом были отданы распоряжения командующему 12-й воздушной армией подготовить необходимое количество боевых и транспортных самолетов, а командующему 6-й гвардейской танковой армией выделить десантников.

К главнокомандующему Квантунской армией генералу Ямада Отодзо, находившемуся в Чанчуне, было решено направить начальника отдела оперативного управления штаба фронта полковника И. М. Артеменко, то есть меня. Выполнение поставленной задачи требовало не только смелости, но и дипломатического чутья. Учитывая фанатизм самураев и отсутствие согласия на перелет парламентаров, возвращение парламентарской миссии никем не гарантировалось. Об этом все хорошо знали, но вслух не говорили. Понимали это и мы, члены парламентарской группы.

Основная цель нашей миссии состояла в том, чтобы генерал Ямада Отодзо принял требования советского командования и подписал акт о безоговорочной капитуляции. Никаких переговоров о перемирии! Только безоговорочная капитуляция!

Генерал Ямада был весьма опытным не только в военных, но и в дипломатических вопросах. Предполагалось, что он попытается любой ценой свести переговоры к перемирию. Поэтому от поведения и выдержки уполномоченного, особенно при вручении ультиматума, зависело многое.

По всем этим вопросам я был тщательно проинструктирован командованием Забайкальского фронта. Предусматривался и ряд экстренных мер. По условному радиосигналу, переданному мной из самолета, немедленно высылался крупный десант, а при необходимости нас поддерживали бы и бомбардировщики.

Жители Харбина встречают освободителей.

Что касается гражданских властей марионеточного правительства Маньчжоу-Го, то я должен был предложить такой вариант: маньчжурские правители обращаются по радио к своему народу и разъясняют населению Маньчжурии, что японские войска капитулировали, а Красная Армия вступает в страну как освободительница от японского ига и никаких иных целей не преследует.

В тот же день командующий фронтом подписал на мое имя удостоверение следующего содержания: «Предъявитель сего полковник Артеменко командует в качестве моего уполномоченного в город Чанчунь для принятия капитулировавших японских и маньчжурских частей Чанчуньского гарнизона и войск, расположенных в прилегающих к Чанчуню районах. Все указания моего уполномоченного полковника Артеменко военным и гражданским

властям в районе Чанчуня являются обязательными и подлежат безоговорочному выполнению.

С полковником Артеменко следует пять офицеров и шесть рядовых Красной Армии.

Настоящее своей подписью удостоверяю.

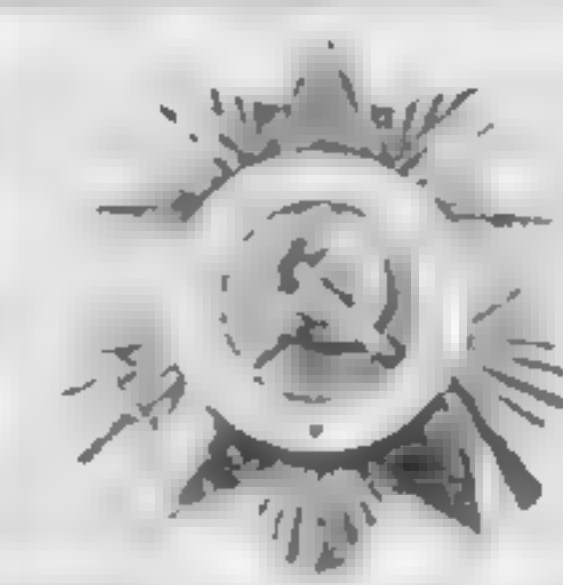
Командующий войсками Забайкальского фронта, Маршал Советского Союза.

Р. Малиновский».

Вместе с мандатом мне вручили и текст ультиматума для передачи генералу Ямада Отодзо.

В назначенное время я и сопровождающие меня майоры В. Моисеенко и А. Абрамов, капитаны И. Беззубый, П. Титаренко и Н. Барякин, старшина И. Никонов прибыли на аэродром. На аэродроме нас ожидали командующий 12-й воздушной армией маршал авиации С. А. Худяков и экипаж транспортного самолета СИ-47 во главе

ПАРЛАМЕНТ

40 лет
ПОБЕДЫ

с командиром дивизии полковником И. М. Горским. Здесь же находились и специально подобранные экипажи истребителей ЯК-9 во главе с командиром эскадрильи старшим лейтенантом Ю. Нецеретом.

В 7 часов 45 минут Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский в напутствие сказал:

— Товарищи! Вам поручается выполнение важной государственной и военной задачи, сложной и необычной в военной истории и практике войны. Полковник Артеменко перебрасывается в ставку главнокомандующего Квантунской армией в город Чанчунь, чтобы вручить генералу Ямада Отодзо ультиматум о безоговорочной капитуляции и сдаче в плен всех вооруженных сил в Маньчжурии. Самолет через Большой Хинган до Тунляо поведет командир дивизии полковник Горский, а затем до столицы Маньчжурии Чанчу-

ня — опытные летчики в сопровождении отряда истребителей ЯК-9. Состав такой экспедиции обещает многое. В пути могут быть, как и всегда на войне, неожиданности. Прошу учесть, что перелет будет выполняться в условиях отсутствия согласия и гарантий японского командования на парламентерский перелет. По международным правилам такое согласие дает противная сторона, которая гарантирует безопасность и неприкосновенность парламентеров. Однако до сего времени такого согласия японцы не дали. Помните, что от своевременного выполнения возложенной на вас задачи зависит многое, а главное — победа без лишних человеческих жертв. Желаю успеха! Будьте тверды и уверены в успехе выполняемой вами задачи и, как говорится: «Ни пуха вам, ни пера!»

Ровно в восемь 18 августа 1945-го самолет взлетел и взял курс на

восток. Большой Хинган прошли в сплошных грозовых тучах, но И. М. Горский нашел окно в облаках и посадил самолет на аэродром, за который еще вчера шли бои. В Тунляо нас встретили командующий 6-й гвардейской танковой армией генерал-полковник А. Г. Кравченко и начальник штаба генерал-лейтенант А. И. Штромберг. После короткого отдыха и обеда было проведено тщательное уточнение мероприятия, связанных с вызовом десанта.

Когда наш СИ-47 взял курс на Чанчунь, командующий Забайкальским фронтом Р. Я. Малиновский передал по радио на имя генерала Ямада телеграмму следующего содержания: «Сегодня 19 августа в 8-00 парламентерская группа в составе пяти офицеров и шести рядовых, возглавляемая уполномоченным командующего Забайкальским фронтом полковником

Артеменко, самолетом СИ-47 в сопровождении девяти истребителей отправлена в штаб Квантунской армии с ультиматумом о безоговорочной капитуляции и прекращении сопротивления. В последний раз требую обеспечить и подтвердить гарантии на парламентерский перелет. В случае нарушения международных правил вся ответственность ляжет на вас лично».

Шести советским истребителям было приказано аэродром Чанчуня, где находилось до трехсот самолетов противника, блокировать с воздуха, а трем — сопровождать наш СИ-47. И вот мы на вражеской земле. Истребители заняли взлетную полосу и направили свои пушки на вражеские самолеты. Я дал радиосигнал на вылет из Тунляо в Чанчунь десанта.

Столь неожиданное и дерзкое появление на военном аэродроме советских самолетов, взявших сразу под обстрел вражеские маши-

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕСАНТ ➡

ны, деморализовало японских летчиков и лишило их возможности организовать противодействие. Два японских «камикадзе» все же успели взлететь, но находившиеся в воздухе наши истребители принудили их покинуть зону аэродрома. Наш СИ-47 подрывил к зданию, где размещался штаб авиабазы.

Мы вышли из самолета. На встречу шагали японские офицеры, среди них полковник Асада Хатиро — начальник разведки Квантунской армии. Асада представился по-русски и доложил, что генерал Ямада просит к себе.

Выбрав удачный момент, я подал условный знак майору В. Монсеенко. Он тут же передал в штаб фронта весть о нашем приземлении и встрече с представителями японского командования. Отдав необходимые указания оставшимся на аэродроме товарищам, в сопровождении переводчика капитана П. Титаренко, а также капитана И. Беззубого и старшины И. Пинконова на своей автомашине «виллис», выгруженной из СИ-47, я отправился в штаб Квантунской армии.

Чанчунь, столица Маньчжоу-Го, не подозревал о прибытии пред-

Десантники готовятся к вылету

Советские моряки, штурмовавшие Порт-Артур. У братской могилы защитников крепости, павших в 1904—1905 гг.

«По японским самураям — огонь!»

Маршалы Советского Союза А. М. Василевский, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков и сопровождающие их офицеры в освобожденном Порт-Артуре.

ставителей советского командования. Ведь фронт находился далеко — за несколько сот километров. Но было заметно, что город готовится к осадному положению: въезды были перекрыты заградительными заставами, на перекрестках возведены укрепления с артиллерией и пулеметами.

Через тридцать минут в штабе Квантунской армии состоялась встреча с генералом Ямада. Я вручил ему ультиматум с требованием о немедленной и безоговорочной капитуляции. В то же время генералу Ямада в настоятельной форме было предложено, чтобы он выступил по радио с приказом своим войскам о немедленном прекращении огня и капитуляции перед Красной Армией, а прибывшему несколько позже премьер-министру правительства Маньчжоу-Го Чжан Цзинь-цзю обратиться по радио к народу Маньчжурии и объявить, что японские войска капитулировали и сложили оружие, что война прекращена и Красная Армия вступает в страну как освободительница народа от японских оккупантов.

Все требования советского командования, которые я как парламентар диктовал Ямада, особенно пункт о безоговорочной капитуляции, обескуражили генерала. Он под разными предлогами пытался свести все дело к переговорам о перемирии. Но его потуги были тщетны!

Промедление с решением вопроса о капитуляции ничего хорошего не сулило японскому командованию. Развязка наступила в тот момент, когда наши самолеты с воздушным десантом численностью более пятисот человек, появились над Чанчунем. Вошедший в кабинет дежурный японский офицер доложил Ямада:

— Ваше превосходительство! К столице приближается большая армада русских тяжелых самолетов под прикрытием истребителей. Наши самолеты подняться не могут. Аэродром блокирован русскими истребителями.

— Господин парламентар! На сей раз смею вас спросить как военачальник своих войск и территории, на которой вы находитесь далеко от линии фронта, что это значит? Надеюсь, вы сможете объяснить? — обратился Ямада ко мне.

— Эти самолеты вызваны мною для более успешного хода переговоров, — спокойно ответил я и добавил: — Смею вас также заверить, что независимо от вашего поведения и обращения со мной, если я в условленное время не сообщу своему командованию о положительных результатах переговоров, то город Чанчунь и его окрестности будут подвергнуты разрушительной бомбардировке с воздуха.

— Господин полковник, — спросил Ямада, — есть ли еще время предотвратит бомбардировку города? Если это в вашей власти, прошу сделать это.

Я попросил связать меня по телефону с аэродромом, где находились наш СИ-47 и мощная рация. У телефона уже была наш офицер. Я приказал передать в эфир следующую команду: «Транспортным самолетам с десантом следовать на посадку. Бомбардировщикам барражировать над городом до моего сигнала».

Последнюю фразу я повторил дважды, чтобы вразумить генерала Ямада о неотвратимых последствиях в случае волокиты с его стороны.

Ямада и премьер-министр вынуждены были принять все наши требования. Генерал Ямада снял самурайский «меч духа» и вручил его мне, признавая себя пленником советского командования. Вслед за ним то же самое сделали и все другие генералы и офицеры, находившиеся в кабинете. 19 августа 1945 года в 14.10 Ямада Отодзо подписал акт о безоговорочной капитуляции. Затем по рации он передал своим войскам приказ прекратить огонь, сложить оружие и сдать в плен на милость победителей. Выступил и премьер-министр Чжан Цзинь-цзю. В своем выступлении я подчеркнул, что «советские войска вступают в города и села Маньчжурии не как завоеватели, а как освободители китайского народа от порабощения японцев».

Началось разоружение Чанчуньского и других гарнизонов. Вскоре было отправлено самолетом и дублировано по радио донесение об успешном выполнении задания. Вечером 19 августа 1945 года над зданием штаба Квантунской армии был спущен японский флаг и поднят советский.

До вступления в город наземных войск все мероприятия, связанные не только с разоружением, но и с охраной важнейших объектов — электростанции, банка, радиостанции, почты, телеграфа, штаба Квантунской армии и других — пришлось выполнять десантникам. А я стал первым комендантом Чанчуна.

Вечером в город начали вступать передовые подразделения 6-й гвардейской танковой армии. В городе установился порядок, часть забот брали на себя прибывшие в город войска. Вскоре обязанности коменданта я передал официально назначенному военному коменданту Герою Советского Союза генерал-майору Ф. В. Карлову.

24 августа в Чанчунь прилетели Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский и генерал армии М. В. Захаров. А через неделю сюда передислоцировался весь штаб Забайкальского фронта.

Квантунская армия перестала существовать.

В результате разгрома самой сильной стратегической группировки своих войск Япония вынуждена была 2 сентября 1945 года подписать акт о капитуляции перед союзниками.

Вторая мировая война была окончена. Советский Союз принял на свои плечи решающую долю тягот и выполнил главную роль в разгроме оголтелого милитаризма не только на Западе, но и на Востоке.

Сейчас, спустя сорок лет, эти уроки забывать нельзя. Всем надо хорошо помнить, что участие Советского Союза в войне с Японией значительно ускорило окончание второй мировой войны, а это спасло от гибели многие тысячи жителей стран Восточной и Юго-Восточной Азии, избавило от жертв и страданий сам японский народ и оказало большое влияние на развитие национально-освободительной борьбы в Азии.

Начался новый этап в истории человечества.

«Белая книга» против черной лжи

«Всякая теория расового различия или превосходства в научном отношении ложна, в моральном отношении предосудительна, в социальном отношении несправедлива и опасна».

Из резолюции № 1904 Генеральной Ассамблеи ООН, 20 ноября 1963 г.

Эти строки помещены на титульном листе вышедшей недавно из печати «Белой книги»*, подготовленной Антиссионистским комитетом советской общественности совместно с Ассоциацией советских юристов. В книге приведены документы и свидетельства о подрывной деятельности сионистских центров, примеры трагических судеб людей, попавших в ловушку сионистской пропаганды.

Сионизм... Его идеология и политическая практика, пишут авторы книги, концентрируют в себе крайний национализм и расовую нетерпимость, оправдание территориальных захватов и аннексий, вооруженный авантюризм, культ вседозволенности и безнаказанности, вмешательство во внутренние дела суверенных государств.

...«Что такое «вызов из Израиля», «Туристы по заданию», «Ставка на шпионаж», «Под видом изучения иврита» — даже беглый перечень глав книги дает представление о ее содержании, основу которого составляют документы: фотокопии провокационных писем сионистских «зазывал», адресованные советским гражданам еврейской национальности, признания пойманных с поличным эмиссаров сионизма... В этих документах открыто проступает стремление сионистских заправил распространить яд антисемитизма среди евреев и неевреев, живущих в СССР и других социалистических странах. Всю эту деятельность они именуют «стимулированием выезда путем распространения среди советских евреев правдивой информации о государстве Израиль и ценностях иудаизма».

Какую «правдивую информацию» и какие «ценности» экспортирует сионизм — об этом подробный документальный рассказ, содержащий раздумья, наблюдения и жизненный опыт многих людей. Тяжелый, горький опыт, полный драматизма и кризисных ситуаций...

На основе сопоставления многочисленных фактов «Белая книга» в очередной раз демонстрирует насквозь живую сущность так называемой «настоящей национальной идеи» — того главного пропа-

гандистского прикрытия, которое использовал сионизм с момента своего зарождения. Использует и по сей день. Истинный же смысл «идеи» был и остается неизменным — скрыть сугубо классовую природу сионизма как политики и практики крупной еврейской буржуазии.

Повторяя эту ложь, многократно тиражируя ее с помощью своих средств пропаганды, современный сионизм ведет огромную по своим масштабам «охоту за душами», используя их впоследствии для продолжения подрывной антисоветской и антисоциалистической деятельности, для борьбы против национально-освободительного движения народов Ближнего Востока.

Но туман лжи при первом же соприкосновении с правдой жизни рассеивается. Это сродни прозрению. Но подчас слишком поздно приходит прозрение и тем, кого сионистская пропаганда склонила к выезду из Советского Союза и стран социалистического содружества. Об этом — их собственные свидетельства на страницах «Белой книги».

Вот лишь несколько примеров.

«...Я не встречал человека, который бы прожил в Израиле больше года и был доволен жизнью, — пишет из Израиля А. Полянов. — Преподаватель английского языка в институте работает уборщиком в школе, опытному режиссеру предлагают стать крановщиком, сотни молодых людей тщетно стучатся во все двери или бесцельно слоняются, не зная, куда себя деть...»

«...По своему недомыслию я очутился в западном мире, — эти горькие слова принадлежат еще одному из многих тысяч обманутых, Борису Болотникову. — Уже шестой год мотаюсь по свету... Я понял, что вся эта затея врагов еврейского народа, сионистов, — сплошной обман и великая афера XX века: им нужна дешевая рабочая сила и пушечное мясо...»

О пушечном мясе особо. В «Белой книге» приведены высказывания целого ряда бывших военнослужащих израильской армии, которые принимали участие в варварской агрессии против ливанского и палестинского народов.

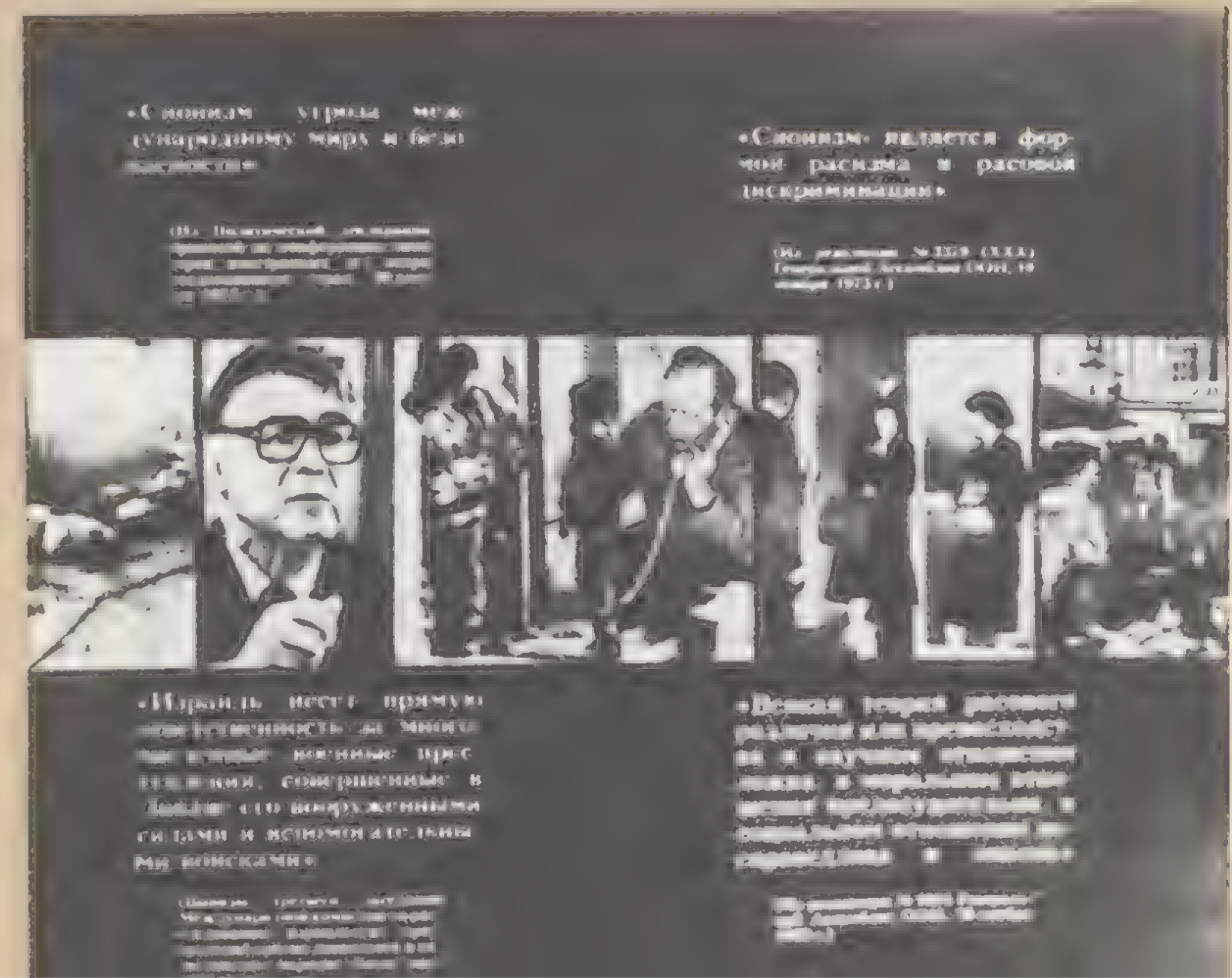
«...У меня ощущение, что на этот раз солдаты поймут, сколь велики преступления, совершенные Израилем... Мне кажется, многие страдают от сознания того, что мы превратились в дикую орду, для которой огонь, разрушение и смерть естественны...»

Это строки из дневника израильского полковника, написанные летом 1982-го. В них, как и в других воспоминаниях солдат, — прямое обвинение воинствующему сионизму.

«Белая книга» предназначена для самого широкого круга читателей. Она помогает разобратся в методах, которые применяет сионизм для достижения своих корыстных целей.

А. СОКОЛОВ

* Белая книга: новые факты, свидетельства, документы. М., «Юридическая литература», 1985 г.

2 сентября — 40 лет
со дня провозглашения
Демократической
Республики Вьетнам.
С 1976 года —
Социалистическая
Республика Вьетнам

Алексей ПАНЧЕНКО,
фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

— Мой выбор оказался точным, — продолжает он. — Женился уже после армии. К тридцати двум годам имею двоих детей — семилетнего Дык Тиена и Тхи Ценг — ей два года.

Кием охотно рассказывает о своей жизни. В школу пошел поздно: бушевала война, у родителей много детей, только сыновей пятеро, и он старший. В двадцать лет, когда учился в девятом классе, призвали в армию. Прошел от семнадцатой параллели до дельты Меконга. Участвовал в семи крупных боях. Три года не получал вестей от родных. После первого боя решил написать письмо подружке своей младшей сестры. Вы догадались, кому? Конечно же, Туен. Гордится, что участвовал в освобождении Сайгона. После армии окончил школу, выучился на электрика, женился. Разумеется, на Туен. И вот пять с

поездки, секретарь Центрального Комитета КПВ товарищ Хоанг Тунг рассказал об энергетической программе республики.

— Это наш вьетнамский план ГОЭЛРО, — подчеркнул он. — Сейчас сооружаются с братской помощью Советского Союза две крупные ГЭС — «Хоабинь» на реке Черной мощностью 1920 тысяч киловатт и «Чиан» — неподалеку от Хошимина — 400 тысяч киловатт, а также ТЭС «Фалай». С вводом их в строй производство электроэнергии в стране будет почти втрое больше чем сейчас. Программа эта рассчитана на пять лет. Она позволит стабилизировать снабжение электроэнергией промышленных предприятий, ликвидировать ее отключения в городах, построить энергоемкие заводы — металлургические, литейные, дизельных двигателей и другие.

рищ Ле Суан Тхюи. — Нефти, добытой совместным предприятием «Вьетсовпетро». Уже сейчас к месторождению тянут нефтепроводы, готовят танкеры и трубопроводы к ним.

Товарищ Ле вспомнил о празднике первого фонтана, об обряде умывания нефтью.

— Первыми бросились бывалые советские нефтяники из Баку, Тюмени, с Сахалина, им это привычно, за ними — наши бурильщики и монтажники, их ученики. Довелось и мне в мои шестьдесят пять испытать эту радость. На море я давно — во время войны мы перебрасывали оружие на Юг морем. А теперь стал настоящим нефтяником. Центральный Комитет направил сюда с группой партийных работников, учитывая особую важность района для будущего страны.

Товарищ Ле подает мне только что вышедшую книгу об округе. На обложке — цветной снимок: советский нефтяник и его вьетнамский коллега обнялись на фоне факела из первой скважины «Белый тигр». Ле Суан Тхюи открывает книгу.

ОТ КРАСНОЙ ДО МЕКОНГА

ВЫБОР

— Не завидуете тем, кто сооружает «Хоабинь»? Как-никак крупнейшая ГЭС в Юго-Восточной Азии! Престижная стройка — почти два миллиона киловатт. Да и комфорта для строителей там побольше, чем здесь. Горы, чистая река, нет пыли, а здесь, на равнине, в дельте Красной, не очень уютно.

Электрик Нгуен Дык Кием смеется:

— Пусть мне завидуют! На этой стройке я с первого дня — с мая 1980-го. Вместе с пятнадцатью тысячами вьетнамских строителей и советских друзей участвовал в пуске двух энергоблоков. «Фалай» хоть по своим масштабам втрое меньше, но уже дает ток Ханюю и многим районам Северного Вьетнама. Видите, через реку Любви от теплоэлектростанции шагают мачты ЛЭП к нашей столице? К Октябрьской годовщине третий энергоблок сдадим, а четвертый — к 41-летию победы Августовской революции. Не каждому выпадает такая удача, — Кием озорно подмигнул, — родная деревня в семи километрах от «Фалай». Хочешь — ночуй в общежитии, в поселке, рядом со стройкой, а хочешь — вскочил на велосипед и дома. Там меня ждут жена Туен и дети.

Интересуюсь символикой имен. Многие вьетнамские имена имеют несколько значений, порой шесть и даже больше. Вместе с нашим переводчиком журналистом Ланом уточняем: Туен значит Выбор.

лишним лет работы на строительстве ТЭС «Фалай».

— Сколько друзей я здесь нашел, сколько опыта приобрел — и профессионального, и партийной работы! Особенно дорого для меня общение с советскими друзьями. Какие учителя у меня были все эти годы! Когда уезжали в Союз, на Родину, думал, лучшего друга и учителя не будет. Но приходил новый наставник — и отношения у нас складывались такие же сердечные, искренние, теплые. Бывший главный инженер по эксплуатации, сейчас он главный советский эксперт на строительстве нашей ТЭС, Виктор Андреевич Грачев не раз интересовался моей работой. А ведь таких, как я, вчерашних крестьян, не имевших профессии, здесь тысячи.

— Кием явно скромничает, — вступает в беседу главный инженер ТЭС кандидат технических наук Нгуен Тхань Лам, защитивший диссертацию в ГДР и проходивший стажировку на Змиевской ГРЭС в Советском Союзе. — Как один из лучших электриков, он участвовал в монтаже сложнейшего оборудования.

— И еще, — добавил секретарь партбюро теплоэлектростанции Нгуен Ван Хиен, — у Киема добрые отношения в коллективе. Но принципиальностью никогда не поступится. Сейчас он стажировается под руководством опытных советских и вьетнамских специалистов на начальника смены.

Позже, принимая нас в конце

МЕСТО РОЖДЕНИЯ — ВУНГТАУ

Этот флакон с темной маслянистой жидкостью доставил нам в дороге массу волнений. Узнав, что в «Огоньке» есть музей сувениров, его подарил нам товарищ Ле Суан Тхюи, второй секретарь Особого округа Вунгтау — Кондао. Теперь флакон стоит в огоньковском музее рядом с первым алюминием Братска, макетом первого КамАЗа, куском молибденовой руды из монгольской горы Сокровищ. На этикетке надписи на русском и вьетнамском языках: нефть с морского шельфа месторождения Дракон.

Увы, на морскую буровую, к знаменитым ныне на всю страну скважинам «Белый тигр» и «Дракон» мы не попали: море штормило, шли сильные ливни.

— В недалеком будущем начнется промышленная добыча собственной нефти — первой в истории страны, — рассказывал това-

— Вот где истоки нашего нефтяного содружества. Послушайте, что сказал 25 июня 1959 года президент Хо Ши Мин в Баку: «Когда война Сопrotивления вьетнамского народа окончательно победит, Азербайджан вообще, Баку в частности, должен помочь Вьетнаму добыть, переработать газонефтяные продукты и построить такие же центры газонефтяной промышленности, какие в Баку».

Совместное предприятие «Вьетсовпетро» для поисково-разведочных работ и нефтедобычи на южном шельфе Вьетнама было учреждено 7 ноября 1981 года, а уже 26 мая 1984 года с поисково-бурового судна «Михаил Мирнин» разнеслась по всей республике радостная весть: одна из скважин дала нефть! Огромный объем работ был выполнен для создания «нефтяного острова» — стационарной платформы. На берегу монтировали гигантские опоры, и катamarан «Титан-2» буксировал их в море для монтажа. Сейчас уже сооружен порт, способный принимать океанские суда.

— За это время в вузах и ГПТУ Советского Союза, — сообщил нам первый заместитель генерального директора «Вьетсовпетро» Нгуен

Мавзолей Хо Ши Мина * Утренний Ханой.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Учатся и летом. К деревенским ребятишкам приехали студенты — будущие педагоги * Совместная вьетнамско-советская стройка ТЭС «Фалай». Начальник смены Фам Као Де и машинист котла Александр Минькин у главного пульта управления * Стремительной двухъярусной лентой на пять с лишним километров пролег через реку Красная мост дружбы «Тханлонг», построенный с помощью Советского Союза * Монтаж гигантской опоры в порту Вунгтау для будущего «нефтяного острова».

Нгок Кы,—подготовлены тысячи вьетнамских нефтяников. С будущего года у нас начнет действовать свой учебно-производственный комбинат.

Нгуен Нгок Кы окончил Московский нефтяной институт имени Губкина. Когда он учился, то не мог даже подумать, что когда-то судно бурения, названное в честь его учителя, члена-корреспондента Академии наук СССР Михаила Мирчинка, откроет нефть на его родине и он будет причастен к этому историческому событию. А теперь уже и сын Нгуена учится в институте в Баку. Значит, есть одна из первых в стране династий нефтяников!

— В самый канун праздника сорокалетия республики у нас будет торжественное открытие нового месторождения,— продолжает товарищ Нгуен.— Нам только что позвонили из Ханоя. Коллектив стационарной платформы награжден Орденом Труда первой степени, а судно бурения «Михаил Мирчинк» за открытие месторождения—Орденом Труда второй степени. Заслуженная награда для вьетнамских и советских нефтяников.

...А неподалеку от причалов порта Вунгтау, в ажурных сплетениях толстенных труб, работают электросварщики—готовят очередную опору для платформы нефтяного острова. Аккуратно подает стальную машину машинист крана Ле Ван Тхань, бывший крестьянин. Его учитель Георгий Разыграев доволен учеником. Георгий только что вернулся из отпуска, который проводил дома, в подмосковном Дедовске.

— Посмотрите, как следит за краном Тхань: все чисто, ухожено, все блестит, как на военном корабле. Вполне может работать самостоятельно!

Последние опорные блоки памятны для всех вьетнамских сварщиков и монтажников. Они впервые сами проводят эти ответственные операции от начала до конца. Учились у советских коллег: Нгуен Суан Фу и Ву Зуй Хынг, к примеру,—у Владимира Конева. При мне Фу доваривал последний шов. Окончив, поздравил Хынга. Тот внимательно осмотрел работу, хлопнул товарища по плечу: «Сварил, как Конев!»

«КРАСНЫЙ БУЙВОЛ»

— Помните бессонную ночь Кондрата Майданникова перед вступлением в колхоз, его сомнения и переживания в шолоховской «Поднятой целине»?—Я спрашиваю тридцатипятилетнего крестьянина Нгуен Док Фыонга, отца пятерых детей, вступившего в кооператив, читал ли он эту книгу. Док Фыонг кивает:

— Читал. Все помню. И когда отводил своего буйвола на ферму кооператива, чувствовал то же, что и ваши донские крестьяне.

— У нас весь актив и многие грамотные крестьяне знают «Поднятую целину». А кое-где даже проходили стихийно коллективные

читки. И хотя условия в наших странах разные, роман работает на строительство новой жизни,—говорит Нам Ан, председатель уездной комиссии по аграрной реформе, приехавший со мной в деревню, где создается кооператив—один из многих в Южном Вьетнаме.

— Кооператив «Благосостояние»,—говорит председатель,—организован три года назад. До этого ликвидировали помещичье землепользование. В нынешнем году 145 семей уже получили наделы, в первую очередь инвалиды войны, вдовы, борцы за независимость родины. У помещиков изъято 188 гектаров. При перераспределении учитывается число едоков в семье. Это был первый этап.

Во Ан Нинь.

Потом создали одиннадцать так называемых «групп трудовой солидарности», в каждой примерно по тридцать семей. За ними закрепили по 40—45 гектаров. По итогам работы из этих групп отобрали пять лучших—они и составили теперешний кооператив. Продолжают действовать и «группы трудовой солидарности». В них работают крестьяне, которые еще не решились вступить в кооператив. Они очень ревниво следят за его успехами: ведь урожай у кооператоров выше. К тому же кооператив недавно приобрел «красного буйвола»—транктор «МТЗ-50», подготовил своего транкториста Нгуен Ван Шау. А тот вместе с бригадами из уездной группы механизации в первую очередь готовит землю для кооператива, потом для них и в последнюю очередь—единичникам. Да кооператив и живет веселее. Вот и поступают из групп заявления о приеме в «Благосостояние».

Пока в кооперативе только один

«красный буйвол», в уезде их около ста и, как сообщил в беседе с нами министр сельского хозяйства республики Нгуен Нгок Чиу,—13 тысяч в стране. В основном—марки «Беларусь», кстати сказать, прекрасно проявивших себя в условиях этого климата. На долю «красных буйволов» пока приходится 27 процентов подготовки и обработки полей, а на долю их живых собратьев—свыше семидесяти. Страна резко увеличивает производство риса, главным образом за счет получения вторых урожаев.

— Это для нас вопрос вопросов,—подчеркнул министр.—В

улице не в сандалиях, а в закрытых европейских ботинках. Но на это были особые причины. Во Ан Нинь потерял ступню правой ноги почти пятьдесят лет назад в автомобильной катастрофе. Ботинки—для протеза. Но он, похоже, не помеха Во Ан Ниню, выдающемуся фотомастеру. В далеком 1923 году любознательный юноша, взявший в руки фотоаппарат, сделал свои первые снимки. Потом создал уникальную фотолетопись Индокитая. Объектив патриота запечатлел борьбу и страдания народа при французских колонизаторах, зверства японских милитаристов на вьетнамской земле. Посетители его многочисленных персональных выставок во Франции, Португалии, Бельгии, Испании, ГДР, Польше, Советском Союзе видели фоторепортажи Во Ан Ниня об ужасающем голоде в 1945 году, когда умерли два миллиона человек. В шестидесятые и семидесятые годы фотомастер, не расставаясь с велосипедом и фотокамерой, колесил по провинциям, объезжая войной, и снимал, снимал, снимал.

Мы очень хотели встретиться с мастером. И вот—удача! Буквально в последние часы нашего пребывания в Ханое он вернулся из очередного путешествия и встретился с нами. Загорелый, с прямыми плечами, ни за что не дашь восемьдесят. Полотняные белые брюки, рубашка-куртка с короткими рукавами. И удивительно спокойное лицо с аккуратной бородкой. Лицо человека, умеющего наблюдать и размышлять.

— Только что приехал из провинции,—сказал он после знакомства, медленно отхлебывая чай из фарфоровой чашечки.

— Не изменили своему велосипеду?

— Увы, впервые дал себя уговорить,—всерьез сокрушается Ан Нинь.—Ездил на машине. Но, знаете,—он улыбнулся,—я их все-таки обманул: последние километры до места съемки прошел пешком. А велосипеду я обязан всеми своими удачами,—с него больше увидишь, чем из автомобиля.

— Что снимали вы?

— Ароматную пагоду. Считаю, что весь ее комплекс и окрестности—красивейшее место во всем Вьетнаме. Снимал для открыток и, возможно, для альбома—народ должен понимать и ценить красивое.

— Товарищ Во Ан Нинь, вы известны как тонкий пейзажист и мастер портрета. Пополнилась ли ваша галерея за годы строительства социализма во Вьетнаме?

— Я много езжу по стране, от северных уездов и до ее самой южной точки на полуострове,—а это почти две тысячи километров. Бываю на стройках, в деревнях, где создаются кооперативы. Я помню прежний Вьетнам, где люди были унижены, подавлены. Помню безработицу. А человек без работы сникает, теряет уверенность. Таких лиц в моей дореволюционной фототеке много. Они как приговор прежней жизни. Теперь люди с каждым годом становятся все красивее и светлее, в них чувствуется достоинство. Разве может художник пройти мимо такой красоты, мимо нового в людях?

Расставаясь, мы договорились о том, что фотохудожник пришлет для «Огонька» некоторые свои работы. Он охотно согласился.

Ханой — Хошимин — Москва.

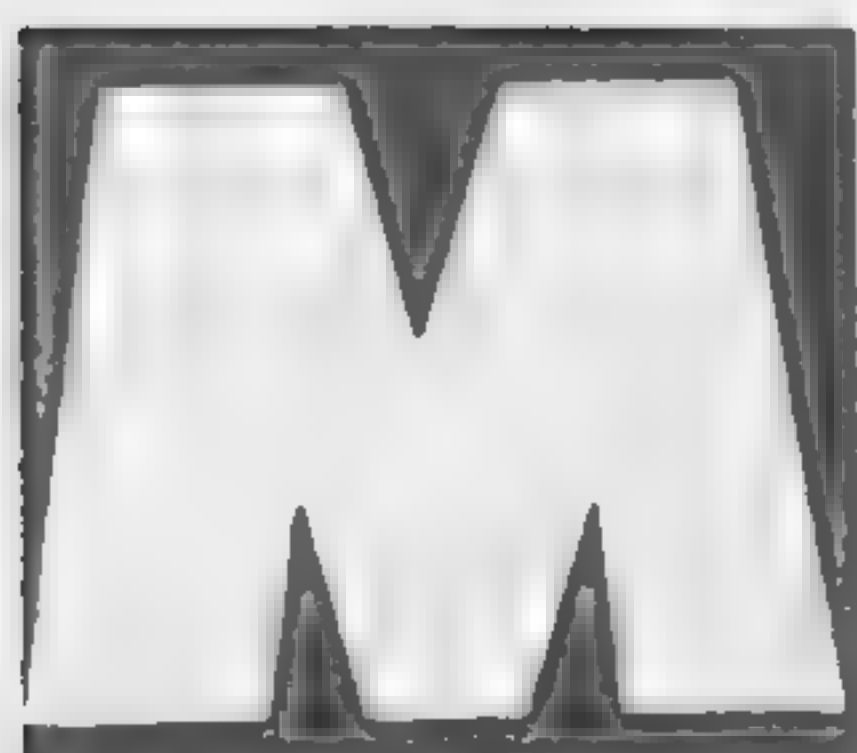
Республике 60 миллионов населения при ежегодном среднем приросте в миллион двести тысяч человек. Мы добились, что в кооперативах Северного Вьетнама стали получать вместо одного урожая риса в год по 1,9 урожая. А здесь, на Юге, большие площади не используются для второго урожая. Это и есть тот резерв, на который мы рассчитываем. И вторая задача—рост урожайности.

Теперь,—продолжал Нгуен Нгок Чиу,—у нас действуют и набирающая силу промышленность минеральных удобрений, и новые ирригационные системы, и служба защиты урожая. Большие надежды мы связываем с гидроузлом «Хоабинь», сооружаемым с помощью Советского Союза. Он создает благоприятные условия для развития сельского хозяйства в дельте реки Красной: ликвидирует вечную угрозу затоплений, будет давать воду для полива, электричество селу.

ОБЪЕКТИВ ВО АН НИНЯ

Во всем двухмиллионном Ханое в этот день при сорокаградусной жаре, пожалуй, только он шел по

Создается кооператив, которому дали имя «Благосостояние». В него только что вступили южновьетнамские крестьяне Нгуен Док Фыонг (слева) и Чан Ван Ты * Уголок северовьетнамской деревни * Цветет лотос * Певица Кам Ван очень популярна * Праздник пионеров столичного района Бадинь * На рисовых полях. Трудятся кооператоры.

Машина шла над бесконечной темной бездной, временами коротко, планерно падая и вновь находя опору, как это всегда бывает над океаном, — от него поднималась невидимая теплая мгла испарений. Эта легкая болтанка была привычна Тиббетсу, как дыхание. «Только б никто не заснул», — подумал он, вслушиваясь в тишину, поглотившую гул работающих двигателей. Впереди его, чуть ниже виднелась голова бомбардира Фериби, он сидел без шлемофона, волосы торчали круглой щеткой, мерцая в фосфорном свете приборов, эта неподвижная, как кочан, голова вызвала подозрение: «Уж не хлебнул ли Томас из фляги?..» Отстегнувшись от бронеспинки, он протянул руку к Фериби, ударил по плечу. Тот, не оборачиваясь, натянул шлемофон.

— Что стряслось, Пол?

— Следи за временем, Томас.

— Я весь внимание, Пол.

Минутная вспышка тревоги улеглась, и вдруг из невообразимой дали пришла наивная сценка детства. Он и сам уже не помнил, было ли это реальностью или манящим звуком прошлого, всегда приходящим к нему тихим успокоением, как было и тогда на их, Тиббетсов, фамильном ранчо в Калифорнии.

Он бежит вдоль желтой, бьющейся под ветром стены пшеницы от надвигающегося на него чернильного неба, в котором наослепительные мгновения отпечатываются зигзаги молний, как застигнутые на месте, раскинувшие цепкие лапки белые ящерицы. Он бежит с жутко колотящимся сердцем к дому, ярко освещенному, тоже белому, строгому, с широкими окнами и коричневой черепичной крышей, к такому знакомому, недосыгаемому сейчас дому; и когда за спиной закипает жуткий, свистящий, рассыпчатый шорох и дышит холодом в самый затылок, он видит, как распахивается дверь дома и к нему, придерживая поля золотистой шляпы, вся в светлом, спешит его мать, молодая красивая женщина с прекрасным именем — Энола Гей...

Эта картинка много раз приходила к нему в трудные минуты войны, она стала его верой, талисманом, одна мать осталась в выжженном, иссушенном жестокостью жизни сердце, и незадолго перед этим полетом, последовав традиции, по которой пилоты давали имена своим машинам, как бы одушевляя их, суеверно надеясь на спасительное действие тайного, высшего смысла, заключенного в имени, он попросил оттиснуть на фюзеляже, под самой кабиной «Энола Гей». Он всегда был скуп в проявлениях чувств и имел свои понятия о благопристойности — дорогой символ был запечатлен строгим, чуть ли не газетным шрифтом, но теперь огромная, режущая в ночи машина была необыкновенно, до самозабвения близка ему. И он взглянул на часы и разглядел стрелки, сошедшие в давно ожидаемое положение.

— Томас! — едва не сорвавшимся голосом Тиббетс вызвал бомбардира.

Тихо, с забывшим дыханием предчувствием, Фериби отозвался:

— Да, командир.

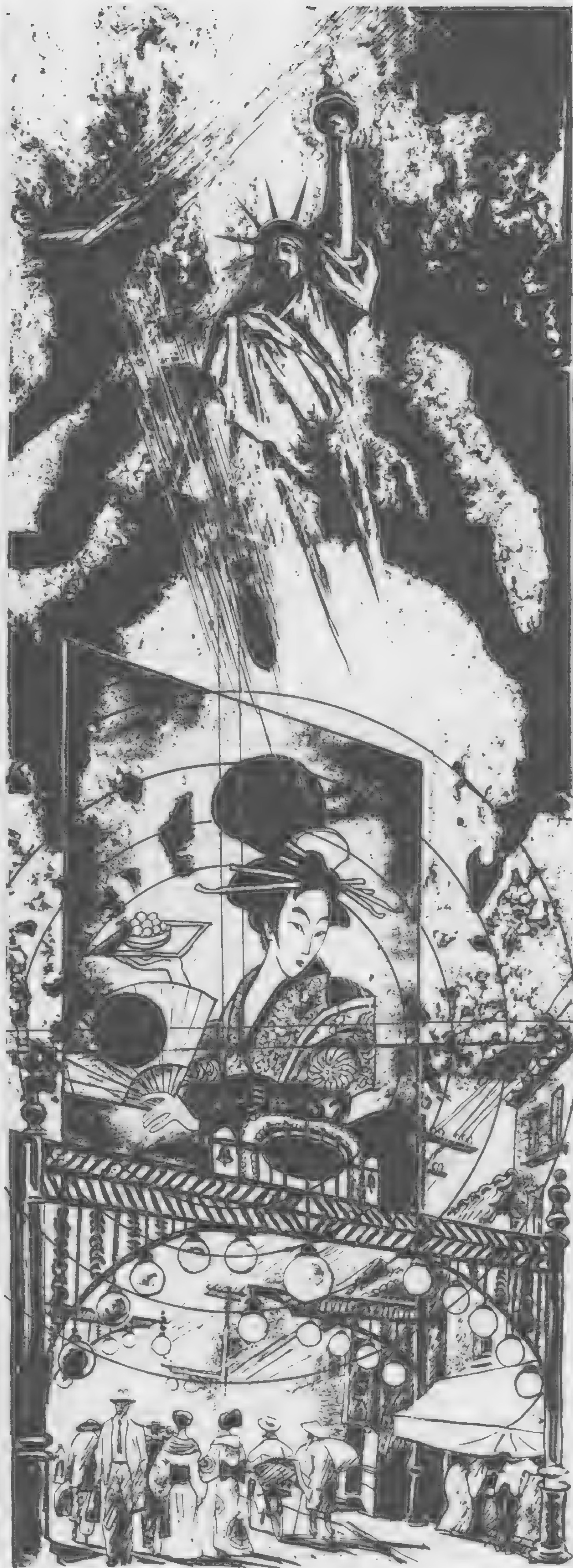
— Начинайте, Томас.

— Да, командир.

Это было рассчитано заранее — снарядить «Малыша» уже в воздухе. Тиббетс вспомнил, как трясло его при взлете на неровностях бетонки, допущенных из-за спешки дооборудования островного аэродрома, и думал, к чему могла привести, случись она, авария, если бы «Литтл бой» погрузили еще на аэродроме уже готовым к взрыву... Вероятно, тот, кто назвал трехметровое бревно «Малышом», был не

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34, 35.

Я СТАНОВЛЮСЬ СМЕРТЬЮ

только остроумен, но не так уж глуп: с бомбой действительно нужно обращаться как с младенцем.

— Да, командир,— будто еще раздумывая, повторил бомбардир.

Он взял с собой одного лейтенанта Джеппсона. Фериби бережно держал в руках металлический ящичек, и они при тусклом свете самолетного чрева, изрезанного дюралевыми ребрами, прошитого ровными нитями клепки, униженного многоцветной путаницей проводов, пробрались к створкам бомбового отсека. Гул моторов проникал сюда, в «подвал», мелкой вибрацией жутковато-тонкой металлической обшивки. Было сумрачно и пусто.

Фериби стянул с себя шлемофон, встала дыбом рыжая щетина на голове, одутловатое лицо было обесцвечено тусклым бортовым светом. Он кивнул Джеппсону, растянув толстые губы:

— С нами бог...

Вдвоем они раскрыли заскрипевшие пружинами жалюзи—лязгнули защелки фиксаторов, пахнуло резиной уплотнителей. Кромешная тьма отсека дышала холодом, пугала ревом, казалось, даже ветром близко работающих моторов.

— Свет! Свет!—нетерпеливо, как при вскрытии сейфа, простонал Фериби.

Но Джеппсон все знал сам. В отсек ударил прожекторно-яркий снопок электричества. Внизу, как в огромном гробу, лежал «Малыш», тускло, кругло отсвечивая металлом. Фериби стал протискиваться сквозь жалюзи, морща сразу оплывшее потом лицо, ища ногами опору внизу, и наконец ушел в тесноту бомбоотсека, посмотрел оттуда слепыми глазами.

— Как в аду, Джеппсон... Дай мне ту штуку из ящика, только осторожнее. И посвети сюда, в его чертову задницу.

Он тупо прошел взглядом по телу «Малыша», и хоть видел его вчера при погрузке на «Энолу Гей», поразился отвратительности этого бревна, этой огромной трубы; следы сварки бугрились, соединяя плоскости коробчатого стабилизатора. Но Фериби знал, с какой не поддающейся уразумению точностью все внутри рассчитано, центрически сгруппировано, и бомбардира охватил страх перед этим немим чудовищем. Холодом мертвечины веяло от него, предвещая глобальную гибель.

Он принял из рук Джеппсона хрупкую, тяжелую ампулу—детонатор. Пальцы его дрожали, но пазы нашлись сами собой, и он ощутил легкое ввертывание, скольжение нарезанного до поразительной гладкости металла, пока детонатор вплотную не вошел, не слипся с огромным телом «Малыша».

С минуту Фериби еще стоял над ним, вправду как над мертвым, прикрыв бесцветные ресницы, потом поднял лицо к Джеппсону, хрипло сказал:

— Передай Тиббетсу: все о'кей...—И стал выбираться наружу.

Он знал, что ему придется лезть в бомболок еще раз, но не хотел думать об этом.

Запись в бортовом журнале: 3 часа 15 минут. Сборка закончена.

Все шло так, как должно было идти.

Гул двигателей, плотный и ровный, заполнил Тиббетса по самое горло. Ладони приросли к привычному выему штурвала. Казалось, жили только зрачки, мерцавшие в глубине глазниц жесткой, острой зеленью.

Второй пилот Льюис тронул Тиббетса за плечо, предложил:

— Давай мне управление. Чертовски длинная ночь. Ты не уснешь?

Тиббетс повернул к нему отстраненное лицо, не сразу поняв Льюиса, а когда понял, покачал головой. Не желая делать Льюису неприятное прямым отказом, с задумчивой улыбкой сказал:

— Успокойся, Роби. Тебе достанется тоже.

В это время в математически точной рассчитанности ревушей над океаном «суперкрепости» начало что-то меняться, и у Тиббетса, вовлеченного в общий беспрестанный темп, замерло сердце. Вслед за тем по еле заметной разреженно-розоватой бледности вокруг себя он понял: начинается рассвет.

Светало с поразительной быстротой. Откуда-то издали, чуть правее курса, из-за необъят-

ной океанской шири, еще смутно, будто вчерне прорисованной, вставало багровое, кипящее, как лава, зарево. Оно перелилось за кромку горизонта, неудержимо и широко скользая навстречу Тиббетсу расплавленной сталью. Он с надеждой посмотрел вверх, там еще была черно-фиолетовая ночь и мерцали неясные скопища звезд. Сцепив пальцы на излуче штурвала, Тиббетс потянул его на себя, машина, оставляя позади, в холодном воздухе четыре ровных нити форсажа, гулко, с надрывом урча, пошла вверх. Но Тиббетс помнил, что набирать всю высоту еще рано, он лучше ослепнет, чем нарушит приказ, надо на все наплевать.

Стало совсем светло, тольковерху небо хранило ледяную темноту, но по мере того, как чудовищная стена теперь уже белого, прозрачного огня, о чем-то грозно напоминающая Тиббетсу, поднималась вверх, гасли ближние звезды и в космических вихрях пропадали их запредельные москитные скопища.

Взгляд его упал на часы, и в положении белой от фосфора короткой стрелки—она повисла почти отвесно—Тиббетс рассмотрел давно и подспудно ожидаемую манящую пропасть, из которой уже нет возврата. В ту же минуту внизу, среди необозримых пространств туманной бирюзы стали вырисовываться причудливые, тоже дымчатые, слабые очертания берега. Он медленно наплывал в разрывах облаков, чуть дрожа от работы моторов бесчисленными, уходящими в смутную даль клубками деревьев, среди них штриховыми пятнами виднелись села, разноцветные клочки полей, там, почти недостижимая глазу, микроскопически роилась жизнь. Томительно стиснуло грудь, когда посреди синей густоты леса Тиббетс увидел, узнав его, прямоугольник аэродрома с протяннувшимися рядами машин, похожих на крестики. Это была Иводзима, предназначенная для посадки и передачи «Малыша» шедшей позади «суперкрепости», если бы у Тиббетса появились неожиданные помехи...

Сузив глаза в язвительной улыбке, он включил внешнюю радиосвязь, вызвал неотступно следовавшую за ним «лису» и сказал ей, чтобы отваливала—все, что нужно сделать, он сделает сам. Тиббетс услышал разочарованный, как ему показалось, голос «лисы», окончившийся незакодированной сухой фразой: «Удачного полета»,—и отчетливо представил, как длинная и красивая машина, сбавив обороты винтов, притихнув, забирает влево, чтобы широкой спиралью выйти на «финишную прямую». Сегодня там, внизу, будет Ниагара из виски...

Теперь нужно было скорректировать маршрут: оставшийся в воздухе «трезубец» тоже шел к финишу. По команде Тиббетса в голубовато-золотой вышине над океаном, среди редких стад облаков произошло незаметное перемещение рукотворных существ, одно из которых несло имя матери пилота, прекрасное имя—Энола Гей, и это имя дала ей ее мать, видевшая в своей девочке прекрасное творение природы и совершенно не представлявшая, что оно будет скупое, почти грубо оттиснуто на дюрале бомбардировщика, шедшего в чудовищную даль...

4 часа 52 минуты. Пройдя остров Иводзима, взяли курс на империю.

6

Тайфун был отчетливо слышен по ночам, и Митори сквозь притушенную годами память детства воочию представляла себе посылаемое небом проклятие.

Оно начиналось наступлением странной мертвой тишины. Те, кто был в деревне, готовились уходить в горы, возвышавшиеся позади их домов.

А океанская даль пропадала во мгле, солнце гасло, как при затмении, в непроницаемом сумраке возникал разрастающийся, свистящий шорох, он надвигался на берег вместе с огромной пепельно-коричневой стеной туч и воды. Люди впрягались в тележки с одеждой и скарбом и уже с горной гряды сквозь слезы смотрели, как тайфун, презрев их надежду, рвет, бьет о берег и уносит в море жилища, деревья и камни...

Митори давно живет в городе, и тайфун беснуется далеко, приходя лишь отголосками своего грозного шороха да порывистыми ударами

ветра о стены дома, но теперь тайфун связывался ею с гибелью сына, солдата, на далеких океанских островах, где он защищал родину. Ничем не грозящий Митори тайфун был оттуда, из черной мглы, поглотившей сына, и пусть он лишь чуточку колебал дом, сердце Митори сочилось и сочилось болью.

Дом лишь немного подрагивал, и Митори была убеждена, что это душа сына прилетела к ним издали, из непроницаемой океанской мглы. Разве могла она сомкнуть глаза: наступил великий Даймонджи, праздник усопших, и душа сына должна была возвратиться на землю, всего на три дня и за эти три дня успеть побывать в своем доме, в своей семье, у своих друзей, на реке, куда бегал мальчиком, на своей любимой лагуне, должно быть, уже покрытой лотосами—они как раз тоже зацвели.

Может быть, вместе с Даймонджи—война и гибель сына заполнили голову Митори мраком беспамятства—наступил праздник Лотоса, а лотос прекрасен едва ли не так же, как прекрасны вишни, посаженные еще во времена рода Токугава, и хризантема, украшающая герб императорского дома, ибо лотос воплощает главные добродетели земли: его крупные снежной белизны цветы скрывают от взора людей тину и грязь болот, легкий аромат освежает голову, а из семян можно приготовить пищу...

Митори со светлой грустью подумала о том, что, если бы не было войны и если бы не погиб сын—по впадинам иссушенных щек Митори текли скупые слезы,—они всей семьей пошли бы на берег лагуны, наняли лодку и поплыли среди лотосов на островок, где стоит тихий чайный дом... Неужели есть большая радость жизни, чем сама жизнь со сменой дней и лет, с рождением и умиранием цветов?! А теперь Митори лишь повесила на стену какомо-но, и по ночам эта полоска бумаги с нарисованными на ней лотосами шелестит под дуновением бьющего о стены и проникающего в дом ветра: не гневается ли душа сына на то, что Митори не хватило сил, чтобы поставить перед какомо-но вазу с живыми лотосами?..

Но в эту ночь перед последним, третьим днем Даймонджи—к концу его душа сына должна покинуть землю—Митори, будто очнувшись, не услышала далекого шороха тайфуна, и стены дома не дрожали от ветра. Казалось, она даже различала пение ранних птиц, всегда предвещавшее ясное и тихое утро, и сердце ее возликовало от божьего милосердия: душа сына спокойно и светло возвратится в мир вечного поселения.

Она подумала, не разбудить ли Оцуки, мужа, его неровное, тяжелое дыхание всю ночь слышалось ей из тьмы. Но Митори ужаснулась этой мысли: завод, где работает Оцуки—она представила себе черную дымную громаду, далеко, на самой окраине города,—отнял у него все силы, подавил дух. Пусть отдохнет.

Лишь на миг ей увиделось детство, как божественный лучик свободы. Но это было так давно. Она с радостью приняла долю рабыни при муже и ни разу не позволила назвать его «ты». У Митори с Оцуки родился сын, всего один, но война убила его где-то далеко в океане, не то она была бы рабыней и при сыне, как это и начертано древним обычаем... Стоило ей подумать об этом, как она услышала легкий топоток, пробежавший сладким томительным пульсом в ее животе, и Митори, как она ни должна была скрывать от себя свою радость, тихо рассмеялась: нет же, нет, жизнь продолжается, бог дал ей в ее возрасте второго ребенка, заполнив в их с Оцуки доме пустоту, образовавшуюся с гибелью сына-солдата,—не будь божьей воли, они остались бы с Оцуки лицом к лицу перед бедствием, страшнее которого ничего нет,—с затуханием рода: кто бы воскурил по ним свечильню в дни Даймонджи? Их зов носил бы в пустой, безжизненной пустыне.

Митори тихо поднялась с циновки, наполненная беспредельным ожиданием—и праздника, и того счастья, которое придет к ним через все страдания с рождением ребенка: война утихнет, как тайфун, а жизнь останется. За окном легко синело. Скорченная на полу фигурка Оцуки, продолжавшего сидеть, с натургой дышать, вызвала у нее щемящую жалость к мужу, и она решила все приготовить до его пробуждения.

Она начала с того, что зажгла свечу на большом семейном алтаре, легкий благовонный дымок тонкой ниткой потянулся к потолку. Рядом стояли маленькие фарфоровые чашки с рисом и сакэ — угощением для сына. Митори знала, что в этот час зажигаются свечи всюду по городу — и в богатых домах, и в бедных хижинах, в задних жилых комнатах лавочек и мастерских, и давившая ее всю ночь тоска по погибшему сыну совсем растворилась: она не одна, вокруг люди, и в ней бьется плоть будущей жизни. Она стала одеваться, сегодня ей надлежало выглядеть по-праздничному.

В это время она заметила, что дыхание мужа стало спокойнее — очевидно, Оцуки проснулся. Но прежде чем он открыл глаза, Митори быстрыми мелкими шажками подбежала к циновке, на которой он спал, и стала перед ним на колени, приложив лоб к полу. И только когда муж сказал «здравствуй» — его «ты» Митори принимала как должное, — она посмотрела ему в глаза, чтобы прочесть, с какими мыслями он встречает праздник усопших предков.

Вскоре они стояли перед алтарем на коленях, беспрерывно кланяясь и повторяя слова древних сутр! В руках Оцуки был старый, желтый, как пергамент, лист бумаги — поминальник, передававшийся из поколения в поколение и теперь хранимый Оцуки как ценнейшая родовая реликвия; на этом листе бумаги были перечислены все, кто восходил к основателям клана, ведь еще Конфуций учил, что нет страшнее преступления, чем неуважение к родителям и предкам. «Будь почтителен к тени усопшего» — этот постулат древности бессмертен, и на нем стоит жизнь.

Для каждого, кто сошел в иной мир, нашлось у стоящих перед алтарем почтительное слово. Последним в списке стоял сын, и, когда Оцуки и Митори дошли до него, их на миг охватило оцепенение, но тут же оба они подумали о божьей милости, снова давшей им ребенка, и с тихим тайным трепетом радости поднялись с коленей.

За окном было светло и солнечно, уже раздавались голоса тех, кто вышел праздновать Даймонджи. Весь город высыпал на улицы, вскоре Оцуки и Митори тоже покинули свой дом, оставив в нем светлый живой мирок — горящий алтарь, чтобы душа сына побыла в этом миреке на прощание. Пестро одетая праздничная толпа двигалась по направлению к кладбищу. У многих в руках были яркие бумажные гирлянды и фонарики, веселое многоцветье играло в лучах утреннего солнца.

Было похоже на то, что люди забыли о войне. Может быть, потому, что война обходила их город, американские самолеты не причиняли ему никакого вреда. Уже давно, слышав сирены воздушной тревоги, призывающие бежать в укрытия, люди оставались на местах,

Сутра — священный текст буддизма.

у ткацких станков или у домашних жаровен... А может быть, война, уносящая жизни японцев, тоже подпадала под величие Даймонджи, ибо Даймонджи — праздник смерти, той, которая после всех трудов, волнений и страданий наступает естественным свержением с себя уз страстей и погружением в покой и безмолвие, в ничем не нарушаемое благополучие — нирвану, такая смерть принимается с радостью, как при хакари.

Происходил неподвластный сознанию людей, бесконечный обман, который увлек за собой и Оцуки с Митори: если богу было угодно взять у них сына так, как он взял его, то такова божья воля, их сын прошел бусидо — путь воина, а венец бусидо — смерть... Но бог и вознаградил их страдания — у них снова будет сын...

Кладбище походило на огромный пестрый перенаселенный остров, и пестрота эта была подчинена определенной геометрии: люди растекались вдоль длинных рядов надгробий, возле которых стояли бамбуковые шесты — на них вешали живые и бумажные цветы, разноцветные фонарики, на каменные плиты ставили масляные лампы. Брат с братом, сестра с сестрой, сосед с соседом собирались вместе, чтобы выпить по чашечке сакэ в память сошедших с земли праотцев или выкурить по трубке в знак расположения друг к другу.

Целый день длилось торжество, в сумерках таинственной тучей будто вправду запердельного звездного мерцания зажглись бумажные фонарики и масляные лампы, чтобы светло было погостившим на земле душам удаляться в пределы их вечного обитания. Светилось кладбище огромным, неярким сиянием, и это сияние было в самом деле островком среди тьмы войны, в которую был погружен весь город. И когда люди покинули приютивший их светозарный остров, влились в глухие улицы, они сами стали похожи на лишь гостящих в этом мире пришельцев, будто Хиросима превратилась в город привидений.

В тесной безмолвной толпе Оцуки и Митори ступили на мост через прорезавшую город Оту. Берега угадывались в скоплениях деревьев, Оцуки остановился у перил. Жена подошла, чтобы узнать, не стало ли ему плохо. Он показал ей на округлые пятна, похожие на темные облака, и она поняла его: это были ивы. Красивее ив, растущих на берегах Оты, наверно, нет во всей Японии, может быть, во всем мире, и Митори вдруг вспомнила, как они с Оцуки гуляли здесь по берегу, когда их сын был совсем маленьким.

Сквозь всю череду беспредельно дорогих ей событий, сопутствовавших рождению их мальчика, одно это наполнило тогда ее душу безумным счастьем — ведь только сын наследует все, что возведено отцом. В этой череде был день, когда они с Оцуки вошли с новорожденным в невообразимо прекрасный храм, чтобы отдать сына под покровительство бога. Был поразивший ее эпизод на улице, когда их трехлетний ребенок вдруг низко, как это де-

лают взрослые, поклонился такому же, как он, карапузу, и тот, смешавшись, ответил тем же, и это воспламенило в Митори надежду на что-то высокое и достойное, что понесет их ребенка в свою жизнь. Сквозь все эти большие и маленькие, но одинаково трогательные материнские приобретения Митори пробилась к тому дню, когда они втроем гуляли по разбитым на берегу среди гранитных глыб чистым песчаным аллеям, раздвигая длинные нити ивовых ветвей с нежной, как рисовая бумага, весенней листвой...

В тот день был мальчишеский праздник флагов, и утром Оцуки, как это принято, водрузил над крышей бамбуковый шест со склеенной им огромной бумажной рыбой — такие шесты с гордостью выставляли все, у кого в семье были мальчики, — и ветер, к великой радости сына, надул рыбу, и она, купаясь в небесной лазури, заколыхалась, будто поплыла в голубом океане. А потом они пошли гулять на Оту, нарядив своего сына в костюм самурая, и там, в прибрежном парке, были сотни таких же наряженных воинами, обедающих славными мальчишками. Это была незабываемая картина, но сейчас она отдалась в Митори и Оцуки запоздалым смутным испугом: уж не накликали ли они тогда беду на голову своего сына, не дорого ли он заплатил, уже взрослым, за этот свой игрушечный самурайский наряд? Этот испуг распространился на ребенка, которому только предстояло родиться, ведь в том маленьком их «самурае» уже как бы жил этот ребенок — истина сдвинулась во времени, согласуемая с чаяниями Митори и Оцуки.

Но нет, нет, и вокруг, и в них самих царили удивительная гармония, согласие с дао — с этим озаряющим душу, данным свыше призраком Пути, по которому и должно следовать до конца своих дней. Дао было для Митори таким же привычным, как биение сердца, несознаваемой ею добродетелью, инстинктивной потребностью жить по каким-то изначальным законам самой природы...

Погруженный в земные радости и печали, рассудок ее был невообразимо далек от принесенных в этот мир жестокостей, разорвавших древние связи и поругавших, вывернувших наизнанку, бросивших в непролазную мглу само дао. Да разве одна Митори взвешивала добро и зло на весах памяти и яви? И, может, сегодняшний Даймонджи был инстинктивной, наивной попыткой раскинувшегося на заросших ивами берегах Оты города защититься от другого, уже шедшего к нему праздника смерти, вовсе не укладывавшегося ни в какие представления о добре и зле, ни в какие верования и догматы, ни в какие мыслимые и немыслимые пределы человеческих потрясений.

В колоссальной протяженности земной жизни до этого невиданного Даймонджи оставался ничтожный миг.

Продолжение следует.

КОЛОКОЛА ИСТОРИИ

Монография Анны Гвоздевой «Колокола истории» — первая крупная работа о творчестве старейшего советского исторического

Анна Гвоздева. Колокола истории. М., Советский писатель, 1984.

романиста, автора известных романов о Дальнем Востоке Николая Задорнова.

Сразу же отметим, что книга А. Гвоздевой — серьезное исследование, она читается с интересом благодаря глубине анализа произведений, приводимые в ней факты привлекают своей новизной.

Жизненный путь писателя может служить примером для юношей, думающих о том, кого в жизни взять за образец. Задорнов вырос в Забайкалье, работал в Сибири и на Урале антером, заведующим литературной частью в театрах, пока не освоил профессию журналиста и не «врос» прочно в Комсомольск-на-Амуре, пока для него не стали родными Амур, Сахалин и Камчатка.

Крайне обостренная обстановка на наших дальневосточных рубежах накануне Великой Отечественной войны требовала от всех дальневосточников предельного напряжения сил. Молодой литератор (а то время Задорнову не было еще и тридцати лет) решил рассказать о том, какой тяжелой ценой доставались русским землепроходцам дальневосточные открития.

Главная задача, которую поставила перед собой А. Гвоздева, —

исследование творчества Задорнова. Поэтому она сосредоточила основное внимание на истории написания романов, на специфике творческой манеры художника. В то же время автор монографии вслед за Н. Н. Задорновым не боится публицистических «выходов» в нашу современность, в частности через всю книгу она последовательно проводит мысль, что Приамурье, Камчатка и Сахалин исторически принадлежали русскому государству, что открытие дальневосточных земель и их мирное освоение русскими в содружестве с коренным населением потребовали большой энергии, жертв и труда многих поколений русского народа.

Первые части романа Н. Задорнова «Амур-батюшка» начали выходить перед самой войной, а завершение вся амурская эпопея получила уже после войны. В эти годы созрел и возмужал талант автора. А. Гвоздева подчеркивает, что писатель все более полно осмысливал роль русского народа в освоении новых земель и морей на Востоке. Критик подчеркивает, что фигуры землепроходцев, мореплавателей, государственных деятелей, особенно таких выдающихся, как Невельской, Муравьев, Путятин, Завойко, не заслоняют

историческую перспективу: за первопроходцами шли переселенцы из России, именно они-то ставили срубы и города, закладывали верфи, добывали пушнину, селили хлеб, а главное — несли культуру и ремесла малым народностям Дальнего Востока.

Исследователь обращает внимание читателей на хорошее знание Задорновым не только советских архивных материалов, но и архивов Японии, во время посещения которой ему разрешили (исключительно редкий для Японии случай) ознакомиться с материалами императорского архива. Документальная основа произведений Задорнова — одна из привлекательнейших черт его творческого метода. Как справедливо указывает автор монографии, писатель с большим мастерством изображает конкретные исторические деятели и вместе с тем дает собирательный образ народа обеих стран: матросов, казаков, купцов, рыбаков, ремесленников. Интересную и полезную книгу о русском писателе выпустила А. Гвоздева. Безусловно, она дает многое для более глубокого постижения советской исторической романистики.

М. МИНОКИН, доктор филологических наук

М. ТАЙМАНОВ,
международный
гроссмейстер,
шахматный обозреватель
«Огонька»

Еще не поблекли яркие впечатления от поистине эпического столятидесятидневного сражения за шахматную корону, еще не стихли острые дискуссии по поводу беспрецедентного его финала, а герои матча вновь астапуют в бескомпромиссную дуэль.

2 сентября в Москве, в зале имени Чайковского, начнется второй поединок за первенство мира между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым. Забудутся будоражившие всех споры о том, кому в большей степени благоприятствовало волевое решение президента ФИДЕ прервать изнурительный матч — отстававшему на два очка претенденту или чемпиону мира, заметно уставшему на финише. Резюме напрашивается само собой: в выигрыше оказался шахматный мир, получивший частичную возможность вновь наблюдать за единоборством сильнейших гроссмейстеров современности.

Впрочем, истекшие полгода не стали паузой в событиях, связанных с борьбой за шахматный трон. Для непосредственных ее участников А. Карпова и Г. Каспарова это были месяцы, насыщенные многотрудной подготовкой к грядущему поединку, для потенциальных претендентов следующего цикла — гроссмейстерской элиты мира — весенне-летний период прошел в горячих отборочных боях зональных и межзональных масштабов.

Правда, несмотря на большой интерес к этим весьма представительным состязаниям, их спортивное значение в настоящий момент потеряло привычную весомость. Они стали подобны трассе, ограниченной тупиком. Имея целью выявление претендента на первенство мира, отборочный цикл оказывается конкурсом на вакантное место, которое... прочно занято. А. Карпов и Г. Каспаров значительно превосходят по силе всех остальных гроссмейстеров.

И все же, поскольку «плох тот солдат, который не хочет стать генералом», в межзональных турнирах приняли участие практически все, кто вправе ставить перед собой подобную цель или хотя бы мечтать о ней. Приятно, что в числе главных героев межзональных сражений — наши гроссмейстеры. Их успехи нагляднее всего подчеркивают сухие цифры. При том, что из 52 участников 3 межзональных турниров наших было всего 10, в группу 12 победителей, получивших право продолжить борьбу на претендентском уровне, попало шестеро! И среди них не только такие опытные борцы, как неуязвимый экс-чемпион мира М. Таль, участник предыдущего

форума претендентов А. Белявский и обладатель почетной шестой строки во всемирной «табели о рангах» Р. Ваганян, но и новобранцы — А. Юсупов, А. Соколов и А. Чернин. Такое массированное наступление молодых вызвало буквально смятение за рубежом. Так, известный английский шахматный эксперт Леонард Барден, мечта которого — «британская гегемония» в шахматах, писал на страницах газеты «Гардиан»: «Мы все еще не можем решить проблему Смыслова, который в предыдущем цикле дошел до финала претендентских соревнований и был побежден лишь Каспаровым, а перед нами уже возникают проблемы Юсупова, Гаврикова и Чернина». Этот список может быть продолжен...

Но это события, так сказать, на дальних подступах к Олимпу. У дерзких соискателей впереди еще и претендентский турнир шестнадцати сильнейших гроссмейстеров мира, и дополнительные решающие матчи между его победителями. И лишь тому, кто с честью пройдет чрез горнило всех этих сложнейших состязаний, выпадает право бросить вызов одному из

на. Как играть, заранее ограничивая себя и в выборе дебютов, и в расходовании творческой энергии? М. Ботвинник, например, избегал подобной формы подготовки, предпочитая закрытые тренировочные партии со спарринг-партнерами желаемого стиля. Но, с другой стороны, участие в публичных состязаниях имеет свои несомненные преимущества, как практические, так и психологические. Эта своеобразная «игра мускулов» — демонстрация силы при сохранении строгой тайны взятых на вооружение новых боевых средств — самоутверждение и дезинформация соперника одновременно. Но для этого нужны решимость и вера в себя.

Теперь уже ясно, что заданная цель оказалась достигнутой в равной степени обоими соперниками. Сначала Г. Каспаров уверенно и убедительно выиграл у Р. Хюбнера в Гамбурге (4,5:1,5) и у У. Андерсена в Белграде (4:2), а затем А. Карпов без видимых усилий, непринужденно занял 1-е место в матч-турнире в Амстердаме. Его отрыв от главного конкурента, Я. Тиммана, при желании мог быть и более значительным, но А. Кар-

дебютный репертуар. И без того широкий у обоих соперников, он потребует обновления, хотя не исключено, что по некоторым, уже прошедшим испытания схемам дискуссия будет продолжена.

В процессе подготовки перед партнерами могла возникнуть и актуальная проблема «интенсификации производства».

Не секрет, что в предыдущем поединке «щит» оказался прочнее меча. В лимитированном, а потому более динамичном матче должна возрасти роль инициативы, атаки. Это требует и определенной психологической перестройки. Кстати, некоторые огрехи психологического свойства, допущенные в прошлом, оба партнера самокритично признали и, конечно же, сделали необходимые выводы. Можно не сомневаться поэтому, что Г. Каспаров, наученный горьким опытом, не повторит удручающего фальстарта, связанного, по авторитетному мнению его соперника, «с излишней самоуверенностью перед началом матча и чрезмерно оптимистичной оценкой его шансов некоторыми специалистами и журналистами». С другой стороны, А. Карпов навер-

И

СНОВА

В БОЙ...

участников предстоящего матча на первенство мира. Тому из них, кого постигнет неудача...

А на самом Олимпе тем временем идет всесторонняя подготовка к грядущему суровому испытанию. Судя по высказываниям соперников, программа А. Карпова и Г. Каспарова была сходной.

«Прежде всего, — планировал чемпион мира еще полгода назад, — следует отдохнуть, затем осмыслить ход прошедшего матча, заново внимательно проанализировать все 48 партий и сделать выводы на будущее как в шахматном, так и в психологическом плане. Вероятно, я приму участие в одном турнире».

Г. Каспаров придерживался подобной же схемы: «До нашего нового матча — ровно полгода. За это время нужно не только отдохнуть, восстановить силы, но и как следует подготовиться к сентябрьскому соревнованию. В конце мая — начале июня хотел бы выступить в крупном международном турнире или сыграть матч с кем-нибудь из гроссмейстеров. Ну, а затем начнется непосредственная подготовка к новому матчу на первенство мира».

Нет сомнения, что эти программы со всей тщательностью осуществлены партнерами. Но, как в глыбе айсберга, в них большая часть скрыта от посторонних взглядов и на поверхности лишь публичные выступления. При этом роль таких выступлений накануне решающих сражений неоднознач-

на оставался верен своей тактике «экономичности». Обеспечив первое место еще в первом круге, он вернулся к мыслям о предстоящем поединке. Как недавно подметил Г. Каспаров, «чемпион мира выигрывает обычно ровно столько, сколько требуется для победы».

Что касается успеха Г. Каспарова, то он тоже произвел большое впечатление, особенно в Гамбурге. Рассказывают, что, когда поверженного Р. Хюбнера интервьюировали о причине его столь крупного поражения, произошел такой диалог:

Корреспондент: Может быть, вы плохо готовились к матчу?

Р. Хюбнер: Что вы! За завтраком я изучал партии А. Алехина, а за обедом — книги Ботвинника!

Корреспондент: Так в чем же дело?

Р. Хюбнер: К сожалению, я не ужинал...

Итак, практическая подготовка прошла у соперников весьма успешно. А что со скрытой частью айсберга? Здесь судить много сложнее. Можно, конечно, предположить, что оба гроссмейстера со всей самокритичностью, скрупулезно исследовали опыт предыдущего поединка. Можно предположить, что с учетом нового регламента они пересмотрели матчевую стратегию — ведь теперь число партий будет строго лимитировано и значение каждой из них неизмеримо возрастает. Очевидно, что претерпит какие-то изменения

няка извлечет пользу из уроков матча, где порой ему не хватало творческой резкости и стремления «ковать железо, пока горячо»... Что же касается физической подготовки, то, судя по всему, памятуя прошлое, ей гроссмейстеры уделили особое внимание даже независимо от того, что нынешний матч по регламенту будет по крайней мере вдвое менее изнурительным, чем предыдущий.

Словом, задач перед каждым из соперников стояло немало и от успешности их решения зависит теперь судьба сражения. Напомним, по новой формуле оно длится до шести побед или пока один из партнеров наберет 12,5 или 13 очков. При ничейном счете 12:12 А. Карпов сохранит звание чемпиона мира.

Но не станем заниматься прогнозами. Как показывает опыт, это — неблагоприятное занятие. Даже застраховав себя, казалось бы, на 100 процентов предсказание победы в прошлом матче Ка...ву, вашему покорному слуге, как витевато представлялись в старину, пришлось все же признать себя несостоятельным оракулом. А потому наберемся терпения и доверим решение всех сомнений самим соперникам. Тем более что впечатления нас ждут самые яркие. Гарантеей тому — замечательное мастерство чемпиона мира и претендента.

Итак, внимание! За столиком Анатолий Карпов и Гарри Каспаров. Судья пускает часы...

Культура и мы

Д. С. ЛИХАЧЕВ,
академик

— Дмитрий Сергеевич, вы много пишете о проблемах культуры, исторического наследия, воспитания гармонически развитого человека. Каковы, по вашему мнению, роль и значение культуры в современном мире, когда научно-технический прогресс, возросший поток информации требуют все больше узких, специальных знаний, когда ритм жизни, как нам по крайней мере представляется, увеличился во много раз? В чем назначение литературы, искусства сегодня? Не слишком ли снижается их функция — до утилитарно-информационной либо развлекательной, не смещаются ли они сейчас в направлении удовлетворения не самых высоких запросов, т. е. не кажется ли вам, что многие произведения современного искусства вместо того, чтобы поднимать, облагораживать, духовно обогащать массового зрителя, читателя, слушателя и т. д., выполняют гораздо более легкую задачу, поставленную их авторами, по сути, минимизирующими под внусы этого самого массового зрителя?

— Что ж, это непростая проблема. Вернее, целый комплекс проблем, которые в наше время, безусловно, актуальны. Вначале я хочу сказать об упомянутом вами ускорении ритма жизни. Да, мы стали во много раз быстрее, чем, например, в XIX веке, ездить, летать, общаться (телефон, увы, вытесняет письмо) и т. д. Но стали ли мы быстрее, а самое главное, я на это обращаю особое внимание, лучше работать? Я не говорю даже о технических специалистах, инженерах, например. Проблема подготовки современного инженера, вопрос о престиже этой профессии поставлены сейчас остро и принципиально. В свое время звание «инженер» в России гарантировало высочайший профессиональный уровень, широкую техническую и не только техническую культуру. Я знал таких старых инженеров, конечно, они принципиально отличаются от массы современных выпускников технических вузов, тоже, впрочем, называющихся инженерами. Я могу говорить об этом, потому что сам вырос в инженерной семье. Мой отец и братья инженеры. Да, мы многое делаем быстрее, значительно быстрее (например, строим дома), но лучше ли, чем наши деды и отцы?

Но обратимся к более близкой мне области гуманитарной. Взгляните на полки своей библиотеки, и вы поразитесь, как работали наши предшественники. Толстой — 90 томов, Достоевский — 30 томов, Пушкин — 16 томов, некоторые в двух книгах (а прожил всего 37 лет); Блок — сейчас готовится его полное собрание сочинений, и оно не вмещается в 15 томов (прожил 41 год); Чехов — 30 томов (прожил 44 года); Горький — 25 томов только художественных произведений и т. д. и т. д. Могут ли такой продуктивностью, я уж не говорю о качестве, уровне литературного труда, похвастать наши современники? А ведь все те, кого я перечислил, не только сидели за письменным столом. Жизнь каждого из них полна событиями и самой разнообразной деятельностью, которые отрывали их от пера и бумаги. Но как они работали! Так что, говоря об убыстрявшемся ритме жизни, мы часто вольно или невольно скрываем свое неумение, а может быть, нежелание сосредоточенно, целенаправленно и продуктивно трудиться. Современный человек, например литератор, якобы в погоне за какой-то выросшей во многожды информацией (которую получить вполне возможно быстро и с помощью традиционных и современных технических средств) разбрасывается, суетится и часто бездельничает, прикрываясь всякого рода творческими встречами, коллективными поездками, «днями литературы» (которые ничего общего не имеют

с познанием писателем жизни) и т. п. Горький шел по Руси пешком, чтобы эту жизнь познать, а современные бригады писателей с большой, с недавних пор, будем надеяться, меньшей, помпой, наносят блицвизиты в республики, области, районы. Я не пессимист, но снижение уровня культуры, в том числе и культуры производства, обусловленное неумением, а может быть, нежеланием трудиться упорно, последовательно, сосредоточенно, представляется мне опасным явлением.

Возможно, это имел в виду один из интереснейших наших писателей, Валентин Распутин, живущий, кстати, как и большинство современных, действительно крупных прозаиков, вдали от столичной суеты, когда в одном из своих публицистических выступлений сказал (я цитирую по газете «Литературная Россия»): «Похоже, что литература давно уже, пускай и с оговорами, с внушающими порой надежду дальними обходами, спускается тем не менее со своих высот вниз, и пики Пушкина, Фета, Тютчева и Блока в поэзии, как и пики Гоголя, Достоевского и Толстого в прозе, никогда не будут взяты». Не будем, конечно, категорично утверждать, но тенденцию Распутин определил пронзительно.

Культура — это нравственность прежде всего. И задача литературы, искусства в наше непростое время — воспитывать у человека нравственное, честное отношение к жизни. Валентин Распутин, о котором я только что говорил, — тот писатель, который поставил свой талант (а он очень талантлив) на службу (если можно так сказать) нравственному воспитанию. Прочтите внимательно его последнюю повесть «Пожар», и вы убедитесь, как болит у этого писателя душа, как понимает он современные проблемы и как ищет своими средствами, художественными, их решение. Это и есть то искусство, которое поднимает, заставляет думать, страдать и в конечном счете положительно воздействует на жизнь.

Что же касается «деятелей» так называемой массовой культуры в литературе, театре, на эстраде, в кино, о которых вы спрашиваете, то, увы, они у нас порой не встречают не только отпора, но и легкой критики не удостоиваются. Огромные концертные залы, например, предоставляются невзыскательным, но популярным эстрадным певцам и певицам, исполняющим тексты такого фантастического уровня, что их и песнями назвать нельзя. Я совершенно не против современной музыки, современной эстрады, но это должно все же быть искусство, а не его профанация, вполне ясная специалистам, но почему-то почти не встречающаяся у нас отпора. Часто критерий кассовости, денежных сборов определяет репертуарную политику, и не только на периферии, но и в центре, в столице и как много вреда наносит это настоящей культуре. Воспитание у человека высоких чувств и вкусов подменяется, по сути, подстраиванием под самые низменные инстинкты. Не случайно же сейчас у молодежи бытует выражение «балдеть» под современные ритмы.

Гораздо больше может и должно делать в нашем культурном строительстве телевидение. Но посмотрите его программы. Они часто заполнены случайными, скучными передачами и кинофильмами, давным-давно сошедшими с экранов — 20- и более летней давности, да и в пору своей экранной жизни, не пользовавшиеся успехом. Я совершенно не против показа хороших старых лент — советских и зарубежных. Именно хороших, и без нескончаемого повторения одних и тех же. Почему бы Центральному телевидению не создать свой «Иллюзион» и не организовать хотя бы один раз в неделю демонстрацию шедевров мирового ки-

Фото Ю. Роста

нематографа миллионам телезрителей. Телевидение — это великая сила. Мне кажется, что настало время критикам, искусствоведам, и не только им, всерьез проанализировать работу телевидения, его тематические, информационные, репортажные и другие передачи, чтобы определить пути развития этого важнейшего средства массовой информации и культурного воспитания людей всех возрастов.

— Однажды вы сказали: «Память истории священна», — и привели целый ряд примеров нашего небрежения и памятникам истории, к нашему прошлому. Как обстоит дело сейчас?

— Недавно я возвратился из поездки до Астрахани и обратно. Теплоход современный, огромный, комфортабельный. На нем более трехсот пассажиров. Но не было ни одного, который оставался бы равнодушен при виде затопленных лесов и ободренных памятников архитектуры на берегах. Не успевало скрыться из виду одно когда-то красивое здание с провалившейся крышей, как появлялось в поле зрения другое. И так все двадцать два дня путешествия. Беда, лебедиными крыльями бьет беда! А еще больше огорчало, когда мы вообще не видели здания, еще недавно высившегося на берегу, но безжалостно снесенного под тем предлогом, что вид его из-за безнадзорности и запустения стал безобразен. Это же вопиющая безответственность и бесхозяйственность. Неужели нельзя приспособить погибающие церкви, старые усадьбы к нуждам окружающего населения или оставить их как памятники, знаки минувшего, покрыв только добротными крышами, предотвратив дальнейшее разрушение? Ведь почти все они удивительно красивы, поставлены на самых видных местах. Они плачут глазами своих пустых окон, глядя на проплывающие дворцы отдыха. И огорчало это решительно всех. Повторю, не было ни одного человека, которого зрелище «уходящей культуры» оставляло бы равнодушным.

Мы не храним старину не потому, что ее много, не потому, что среди нас мало ценителей красоты прошлого, мало патриотов, любящих родную историю и родное искусство, а потому, что слишком спешим, слишком ждем немедленной «отдачи», не верим в медленные целители души. А ведь памятники старины воспитывают, как и ухоженные леса воспитывают заботливое отношение к окружающей природе.

Особенное воспитательное значение имеют мемориальные места — места боев, усадьбы писателей, художников, ученых, их квартиры, их любимые пейзажи (должны быть зоны охраняемых пейзажей, зоны охраняемых городских ландшафтов). Их совсем не так много, как иногда кажется. И те, что есть, окружены любовью местных энтузиастов, добровольных музейных работников — работников «на общественных началах». Но как часто они безнадзорны у тех, кто за них должен отвечать по долгу службы!

И еще одно: почему мы боимся мертвых? Почему так плохо храним родные могилы? Что мы, суеверны? Верим в привидения, в вурдалаков? Ведь кладбища в маленьких городах, селениях всегда были любимыми местами прогулок. Посмотреть на близкие могилы, прочувствовать фамилию, имя и отчество, даты жизни — почему все это стало нас пугать и пугать? Неужели мы думаем, что никогда не умрем? Во все века и во всех странах сознание собственной смертности воспитывало и приучало думать о том, какую память мы по себе оставим.

Но если мы верим, что не оставим по себе памяти, тогда и делать можно что угодно, живи мгновением, или, как говорят разные пошляки, «лови момент». А нам необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, даже если она «частная», небольшая, но все же добрая для окружающих... Каждый может сделать что-то доброе в жизни и оставить по себе добрую память. Хранить память о других — это оставлять добрую память о себе.

Вот в Ленинграде, в центре Васильевского острова, находится поразительное по составу надгробий Смоленское кладбище. Там похоронены многие замечательные люди. И идет настоящее наступление на это кладбище. Все время кусок за куском соседние заводы отрезают его части под свои нужды — для постройки новых корпусов, новых сооружений.

А меж тем это кладбище — прекрасный парк. Причем парк поучительный: идя по нему, можно переноситься в разные эпохи, видеть памятники XVIII, XIX, начала XX веков, вспоминать людей, покоящихся здесь, чьи имена не чужды русскому слуху, — писателей, инженеров, издателей, ученых; они достойны того, чтобы память о них сохранилась и могилы их остались неприкосновенны. Должны быть все-таки святыни.

Васильевский остров лишен прогулочной зоны, вот Смоленское кладбище — это прогулочная зона.

Сейчас меня очень беспокоит и положение с дворцами и парками в городе Ломоносове — бывшем Ораниенбауме. После строительства дамбы там пройдет дорога. А мы, ленинградцы, городу Ломоносову обязаны очень многим. Это был тот пятачок под Ленинградом, который не захватили фашистские войска. И теперь город Ломоносов — единственное садово-парковое дворцовое место, где сохранились подлинные дворцы и подлинные сады.

Они эталонны. Скажем, в Пушкине, Петергофе, Павловске восстанавливаются паркетные полы во дворцах, но они восстанавливаются по памяти, по рисункам и т. п. А какими они были действительно, можно видеть в Китайском дворце в Ломоносове, там поразительные паркетные, но эти уникальные паркетные гниют. Да, да, гниют. А гниют они по очень простой причине, потому что грунтовые воды поднимаются близко к полам. Дренажная же система в парке давным-давно не очищалась. Поэтому грунтовые воды поднимаются почти на уровень тех самых редчайших паркетов. И когда идет экскурсия по дворцу, я сам был тому свидетелем, на полы кладут огромные куски фанеры, чтобы люди, стоящие вокруг экскурсоводов, не провалились, не продавили паркет.

Простая логика подсказывает, что надо сде-

лать все, чтобы освободить Китайский дворец от подземной сырости, спасти от гибели; беречь необходимо и ораниенбаумские парки, во что бы то ни стало; они, между прочим, прекрасно сохранились, их не нужно вырубать, их не нужно засаживать вновь, надо только навести в них порядок.

А почему начавшееся было восстановление одного крохотного строения в усадьбе великого русского ученого Д. И. Менделеева Боблово, под Москвой, тянется многие годы и конца ему не видно? За прошедшее время вполне можно и должно было восстановить все Боблово и открыть там музей гения отечественной науки.

Несчетное количество слов уже сказано о необходимости возрождения страны пушкинского детства — подмосковного Захарова, но и начала этому делу не положено.

А как медленно тянется воссоздание блоковского Шахматова. Впрочем, если дело пойдет столь неспешно, то создание музея-заповедника А. Блока затянется еще на десятилетия. А это недопустимо.

Я напоминаю сейчас о самых «горячих», нуждающихся в спешной действенной помощи памятниках и с грустью думаю, что о них же говорил я несколько лет назад в интервью «Огоньку» «Память истории священна». А ведь тогда был принят ряд весьма серьезных решений. Но медленно, ох, как медленно мы раскисаемся.

Недавно «Литературная газета» рассказала, как интенсивно ведется восстановление Даниловского монастыря в Москве. Очень хорошо. А рядом, в той же Москве, есть Симонов монастырь и неподалеку остатки церкви, в которой были похоронены герои Куликовской битвы Пересвет и Ослябя. В течение скольких уже лет приводится в порядок это святое для каждого русского человека место! Сколько было решений, постановлений, выступлений общественности по этой проблеме. Но до сих пор попасть в этот мемориал невозможно. Я уж не говорю о самом Симоновом монастыре — древнейшем, замечательном памятнике истории и архитектуры, монастыре-воине. Ему действительно внимания вообще не уделяется.

Если говорить о Москве, то нельзя не упомянуть о работе по превращению Арбата в пешеходную улицу. Идея интересна и важна. Но с озабоченностью читаю и слышу, что реставрированный Арбат авторы проекта намереваются превратить в нечто среднее между огромным магазином сувениров и баром-рестораном. Своеобразный Пассаж длиною в улицу. Но зачем же дублировать проходящий в ста метрах Калининский проспект? Зачем насыщать мемориальный Арбат бесконечными торговыми и общепитовскими заведениями?

По-моему, это должна быть улица культуры. Здесь уже отреставрирован дом, где провел несколько месяцев Пушкин, действует театр имени Евг. Вахтангова. Так давайте в освобожденных помещениях разместим не сувенирные лавки, кафе, бары и т. п., а музеи, выставочные залы, небольшие кинотеатры. А уж если магазины, то букинистические, антикварные, традиционные для Арбата. Сейчас принято замечательное решение о создании музея личных коллекций. Так почему бы несколько арбатских особнячков, первые и вторые этажи в домах не отдать под этот музей? И прекрасное патриотическое дело, у истоков которого стоит И. С. Зильберштейн, получит достойное и логичное развитие. А в других помещениях можно размещать выставки фондов различных музеев, читальные залы и т. п.

Словом, проблем в деле сохранения и использования памятников много, и их необходимо решать быстро, конструктивно и компетентно. Но мое твердое убеждение: пока охраной памятников истории и культуры будут заниматься различные организации, дублируя друг друга, — реально, а не бумажно, в государственном масштабе дело с места не сдвинется. «У семи нянек дитя без глаза», — к сожалению, эта пословица в данном случае применима. Решать проблему необходимо не откладывая. Она связана с духовным воспитанием народа, с нравственным климатом советского общества. Пора навести здесь соответствующий нашему времени и благотворным современным общественным тенденциям порядок. Бережливость должна распространяться и на памятники истории: они во многом наши маяки.

И ведь есть же прекрасные примеры. Если вы приедете в Пензу, побываете в Пензенской области, то сможете убедиться, как превосходно организовано там музейное дело, как бережно сохраняется память о великих земляках. Именно в Пензе я провел для руководителей культуры российских и не только российских городов, районов, областей своеобразный показательный урок отношения к истории родного края.

— Какие недостатки вы замечаете в развитии современной культуры?

— Излишний во многих случаях волевой ее характер: командные интонации в лирике; чрезмерность ритмов в молодежной музыке (к тому же и излишняя ее громкость); гимнастичность современного балета; навязчивая нравоучительность прозы; гигантомания в скульптуре; брутализм архитектуры и т. д.

Хочется большей мягкости, гибкости, человечности, иногда терпимости, размышлений, а не решений, разнообразия в педагогике, в градостроительстве, в искусствоведении, в науке вообще; хочется большего умения понимать чужие культуры, индивидуальность иного человека, его личность. Личность должна больше цениться.

— Сейчас происходит реформа школьного образования. Она касается как изменения программ, так и общих принципов современной школы. Какова, по-вашему, ее роль на рубеже XX и XXI веков?

— Что, мне кажется, должна делать современная школа? Прежде всего нужно помнить, что учение — это труд. И школа должна учить человека умению работать самостоятельно, работать дома, должна приучать к труду, в том числе и к труду научного работника.

В конце концов в XXI веке физическая работа в основном будет выполняться роботами. Потом школьники могут быть кем угодно, бухгалтерами или рабочими и так далее, но это будет рабочий-ученик, так что нужно воспитывать ученого, потому что это профессия будущего.

И всегда следует помнить, что только в молодости закладывается интеллигентность. Поэтому людям нужно воспитывать не с 8-летнего возраста, а с шестилетнего, с пятилетнего; я бы даже сказал, с пеленок закладывать в них основы интеллигентности.

И воспитывать с очень большой интенсивностью, ведь, подумайте, уже сейчас учение в среднем отнимает одну треть жизни человека. Эту треть жизни нужно сделать как можно более насыщенной. Следует активно прививать молодежи способность осмысленно выбирать профессию. К этому надо готовить очень рано, но самый выбор можно осуществлять лишь тогда, когда молодой человек достиг известного культурного уровня, то есть 18—19 лет. Здесь он сам должен выбирать профессию, опираясь на широкий фон общих знаний, на культурную подготовку интеллигентного человека.

И тогда человек сможет внести что-то новое в выбранной сфере деятельности, потому что у него будет заложен основательный фундамент знаний из разных наук.

Конечно, среди гуманитарных наук, которые преподаются в школе, особая роль должна отводиться тем, что воспитывают нравственность. Ведь проблемы нравственности сейчас очень усложнились и актуализировались. И потому науки, несущие сильный моральный заряд, такие, как литература, как история, должны преподаваться очень умело, по прекрасным учебникам, хорошо подготовленными педагогами.

Но нужно еще преподавать и формальную логику. Многие люди не умеют спорить, не умеют выражать свои мысли, не умеют доказывать свои убеждения.

Сейчас у нас и научные споры иногда просто сводятся к взаимным обвинениям. К обвинению, наклеиванию ярлыков и т. д.

Логика — это наука не только как мыслить, но и как спорить, как доказывать и как себя вести, например, в профессиональной среде. Способность к логическому мышлению в наше время в массе очень упала, даже не все ученые умеют логически точно мыслить. Они иногда делают гениальные догадки, но потом не могут их развить, доказать, в конечном счете утвердить.

Логика нужна для любой профессии, даже если человек занимается физической работой. У знающего и умеющего применять основы логики установятся лучшие отношения с товарищами, он не будет грубо спорить с ними по разным пустяковым и даже бытовым вопросам. Я считаю, что такие дисциплины, как логика, история литературы, история своей страны и чужих стран, совершенно необходимы в школе. И уменьшать объем преподавания этих дисциплин, а тем более исключать их из программ ни в коем случае нельзя.

— Но в современной школе явно наблюдается умаление значения преподавания, например, классической литературы, уменьшается коли-

чество часов, отводимое на этот предмет, происходит странное «перетряхивание программ».

— Во-первых, выскажу свое твердое убеждение, что в школе следует преподавать не отдельные произведения, а историю литературы. Литературное произведение само по себе, исторически не объясненное, теряет на 80 процентов свою действенность — моральную, эстетическую, какую угодно действенность. Ведь каждое произведение создавалось в определенных социальных условиях, при определенных исторических предпосылках, в конкретных биографических обстоятельствах в конце концов. Так и следует его рассматривать. А по существующим проектам школьных программ преподается не история литературы, а собственно литература, то есть берется отдельное произведение, и оно толкуется вне истории, вне биографии автора. Так можно дойти до абсурда.

Ведь даже у Пушкина есть вещи, которые нельзя воспринимать абстрактно, вне исторической обстановки. Вспомним, например, знаменитое стихотворение «Клеветникам России». Попробуйте объяснить его вне контекста жизни Пушкина и времени, когда оно создавалось, и вы придете к самым неверным выводам.

Поэтому крайне важно преподавание в школе именно истории литературы, а не разбор отдельных литературных произведений. История воспитывает, и история литературы воспитывает — она тоже часть истории.

И прежде всего при таком подходе будет ясно, что русской культуре тысяча лет, и этим мы должны гордиться.

Древняя русская литература — это прежде всего семь веков в нашей культуре. Мы не вчера родились. Русский народ — один из самых древних в Европе. Имеет братьев — украинцев и белорусов. Прожил удивительную жизнь и создал целый мир искусства. Русской архитектуры хватило бы на 10 наций, такая она разнообразная и в разные эпохи и в разных областях совершенно непохожая, своеобразная. А древняя русская литература поразительно разнообразна по жанрам, по многочисленным идеям, стилям, по своей невероятной роли в общественной и государственной жизни страны, народа. Она заменяла собой государство, когда государство распалось и остатки, «островки», были завоеваны Батыем. Она укрепляла у народа сознание своего единства, напоминала о славной истории, продолжала культурные и политические традиции. Это чудо какое-то. И как же не приобщать молодежь к этому чуду, формирующему национальное самосознание и патриотизм?!

Но если исключить из программ преподавание древнерусской литературы, в том числе и «Слово о полку Игореве», или, оставив Слово... так мало времени, что толком и прочитать его не успеть, то именно тогда у молодого человека создается впечатление, что Россия целиком зависела от Запада и лишь когда пришел Петр, наступили времена свободного общения с Европой, оттуда пришла литература, которая принесла нам роман, повесть, поэму и т. д., и т. д.

Так ведь большинство людей и думает на Западе, что у нас якобы не было никаких своих собственных традиций. Слов нет, Запад, конечно, очень сильно повлиял на развитие России в XVIII веке, но семена, посеянные в то время, упали на весьма подготовленную почву. И забывать об этом нельзя. И из чувства справедливости перед предками, и из чувства патриотизма.

— Так что же такое все-таки культура: цель ли она, к которой должен стремиться человек, или средство для достижения каких-то более высоких целей?

— Культура в конечном счете цель, а не средство, не условие, не благоприятствующая среда. Научно-технический прогресс, борьба за мир, достижение высших скоростей, изобилие потребительских товаров — все это имеет целью развитие человеческой культуры.

Природа миллиарды лет совершенствовалась сама себя и наконец создала человека. Человек создан с огромными, до конца не используемыми творческими возможностями. Для чего все это? Для того, очевидно, чтобы человек не прекратил собой это развитие, не замкнул на себе то, к чему природа стремилась миллиарды лет, а продолжил это развитие. Конечно, продолжение — это не создание еще бо-

лее совершенного организма, а использование тех возможностей, которые уже есть в человеке, для создания произведений высочайшей культуры.

Однако культура — такая цель, которая сама является и средством к достижению своих вершин. Если та или иная наука, та или иная отрасль техники будет замкнута на самой себе, произойдет замедление их развития, наступит творческое обеднение, истощение творческих возможностей, возникнут тупиковые ситуации.

Мы живем в мире все усложняющихся нравственных проблем, которые ставят перед нами усложняющиеся наука и техника. Кто ответит нам на многие вопросы, возникающие перед нашим сознанием? Именно литература, если она будет достаточно ответственна и глубока!

Наступает эпоха, когда ошибки перестают быть допустимы. Нет ничего вреднее сейчас в нашем мире невероятных возможностей, чем утверждение: «На ошибках учимся!» На чьих ошибках? Своих? Их не должно быть. От ошибок теперь может пострадать все человечество. Будем же учиться на ошибках прошлого, то есть хорошо знать историю, уметь анализировать пройденный путь и ни в коем случае об этом пути не забывать. Как охотники, которые не хотят заблудиться в лесу, мы должны постоянно оглядываться назад. Эта оглядка касается всех: архитекторов-градостроителей, писателей, мелиораторов, физиков, педагогов, реставраторов, художников, торговых работников — кого угодно. Нет такой специальности, которой не нужна была бы история — она основа культуры.

— То есть вы считаете, что память — один из определяющих факторов эволюции культуры?

— Безусловно. Я много размышлял над этим и даже записал свои раздумья в виде письма к молодежи, которое вошло в мою недавно вышедшую книгу «Письма о добром и прекрасном». Ведь действительно, мы заботимся о своем здоровье и здоровье других, следим за правильным питанием, за тем, чтобы воздух и вода оставались чистыми, незагрязненными. Загрязнение среды делает человека больным, угрожает его жизни, грозит гибелью всему человечеству.

Наука, которая занимается охраной и восстановлением окружающей природы, называется экологией. И экология начинает уже сейчас преподаваться в университетах.

Но экология не должна ограничиваться задачами сохранения окружающей нас биологической среды. Человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды — задача не менее важная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его духовной оседлости, для его привязанности к родным местам, следованию заветам предков, для его нравственной самодисциплины и социальности. Между тем вопрос о нравственной экологии не только не изучается, но и не поставлен. Изучаются отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого, вопросы реставрации памятников и их сохранения, но не изучается нравственное значение и влияние на человека всей культурной среды в ее целом, ее воздействующая сила.

А ведь факт воспитательного воздействия на человека окружающей культурной среды не подлежит ни малейшему сомнению.

Улицы, площади, каналы, отдельные дома, парки напоминают, напоминают... Ненавзачиво и ненастойчиво входят впечатления прошлого в духовный мир человека, и человек с открытой душой входит в прошлое. Он учится уважению к предкам и помнит о том, что, в свою очередь, нужно будет для его потомков. Прошлое и будущее становятся своими для человека. Он начинает учиться ответственности — нравственной ответственности перед людьми прошлого и одновременно перед людьми будущего.

Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саде, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране.

Итак, в экологии есть два раздела: экология биологическая и экология культурная или нрав-

ственная. Убить человека биологически может несоблюдение законов первой, убить человека нравственно может несоблюдение законов второй. Да и нет между ними пропасти. Где точная граница между природой и культурой? Разве нет в среднерусской природе присутствия человеческого труда?

Но есть большое различие между экологией природы и экологией культуры. Это различие не только велико — оно принципиально существенно.

До известных пределов утраты в природе восстановимы. Можно очистить загрязненные реки и моря; можно восстановить леса, поголовье животных, конечно, если не перейдена известная грань.

Совсем иначе с памятниками культуры. Их утраты невосполнимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой в прошлом, с определенными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно, искажается навечно, ранится навечно. И он совершенно незащищен, он не восстановит самого себя.

Можно создать макеты разрушенных зданий, как это было, например, в Варшаве, но нельзя восстановить здание как «документ», как «свидетеля» эпохи своего создания. Всякий заново отстроенный памятник старины будет лишен документальности. Это будет только «видимость». От умерших останутся только портреты. Но портреты не говорят, они не живут. В известных обстоятельствах «новоделы» имеют смысл, и со временем они сами становятся «документами» эпохи, той эпохи, когда они были созданы. Старо Место или улица Новый Свет в Варшаве навсегда останутся документами патриотизма польского народа в послевоенные годы.

«Запас» памятников культуры, «запас» культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью. Техника, которая сама является продуктом культуры, служит иногда в большей мере умерщвлению культуры, чем продлению жизни культуры. Бульдозеры, экскаваторы, строительные краны, управляемые людьми бездумными, неосведомленными, равнодушными, могут нанести вред тому, что в земле еще не открыто, и тому, что есть на земле, уже служившему людям. Даже сами реставраторы, работающие иногда согласно своим собственным, недостаточно проверенным теориям или современным нам представлениям о красоте, становятся в большей мере разрушителями памятников прошлого, чем их охранителями. Типичный и грустный пример тому — случившееся в Муранове, о чем только что писал «Огонек». Уничтожают памятники и градостроители, особенно если они не имеют четких и полных исторических знаний. На земле становится тесно для памятников культуры не потому, что земли мало, а потому, что строителей притягивают к себе старые места, обжитые, а потому и кажущиеся особенно красивыми и заманчивыми для градостроителей. И начинают сносить, без боли душевной, не задумываясь.

Градостроителям, как никому больше, нужны знания в области экологии культуры. Поэтому краеведение должно развиваться, оно должно распространяться и преподаваться, чтобы на основе его решать местные экологические проблемы. В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции краеведение переживало бурный расцвет, но позднее ослабло. Многие краеведческие музеи были закрыты. Однако сейчас интерес к краеведению вспыхнул с особой силой. Краеведение воспитывает любовь к родному краю и дает те знания, без которых невозможно сохранение памятников культуры на местах. И здесь роль школы, новой школы должна быть значительно расширена.

Каждый человек обязан знать, среди какой красоты и каких нравственных ценностей он живет. Он не должен быть самоуверен и нагл в отвержении культуры прошлого без разбора и «суда». Каждый обязан принимать посильное участие в сохранении культуры.

Ответственны за все мы с вами, а не кто-то другой, и в наших силах не быть равнодушными к нашему прошлому. Оно наше, в нашем общем владении.

Интервью вел Дмитрий ЧУКОВСКИЙ.

Н. Родионов. Инженер. Москва. ТРЕВОЖНЫЙ ГОД.

Всесоюзная выставка самодеятельных художников.

Б. Махов. Электросварщик. Волгоградская обл. СТАЛИНГРАДЦЫ. 1972.

Х. Сабанов, Колхозник, Северная Осетия, ЗАГОН.

Всесоюзная выставка самодеятельных художников.

А. Страшевский. Ветеран труда. Краснодарский край. ДОБРОЕ СЕРДЦЕ. 1984.

— Дошли до расчетной точки забоя,— сообщает по линии связи бурильщик Исмагилов.— Есть забой.

— Включаем два насоса,— отдает распоряжение буровой мастер Говоруха.— Производительность— 32 литра в секунду. Нагрузка нулевая...

Кольская сверхглубокая скважина отсчитывает тринадцатый километр. Каждый метр—рекордный...

...Еще лет десять назад неизменными обладателями рекордов глубины бурения были американские специалисты. Последний рекорд был установлен ими в 1974 году, в районе газоносного бассейна Анадарко (штат Оклахома), когда проходка разведочной скважины Берта Роджера была прекращена на отметке 9583 метра по геологическим причинам.

А за четыре года до этого в СССР началось бурение Кольской сверхглубокой скважины.

— Для ученых и буровиков это были годы нелегкой борьбы, поисков, замечательных решений и находок,— вспоминает министр геологии СССР профессор Е. А. Козловский.

Думаю, что мы пока и сами не можем полностью оценить реальное значение сверхглубокого бурения и получаемых со скважины результатов.

Запасы и добыча полезных ископаемых все в большей степени определяют экономический потенциал государств. Увеличение глубины освоения недр хотя бы на один-два километра принципиально расширяет перспективы роста минерально-сырьевых ресурсов и энергетический потенциал человечества. Для поисков глубоко залегающих месторождений необходимо изучить механизм, контролирующий процессы рудообразования и размещения месторождений в земной коре. Вот одна из причин нашего интереса к сверхглубине.

О ценности самой идеи сверхглубокого бурения никогда не спорили: познать глубинное строение Земли стремилось не одно поколение ученых. Человек изобрел радио, поднялся в воздух, расщепил атом, вышел за пределы земного тяготения, а в недра собственной планеты углубился тем временем всего на несколько километров, хотя и понимал, что мир, в котором он обитает, для него важнее любого другого.

Прошло немногим более 15 лет с того дня, как бур сверхглубокой скважины коснулся земли. На сегодня преодолен рубеж 12 километров. Итак, 12 километров за 15 лет— скорость отнюдь не космическая, и можно предвидеть недоуменный вопрос: почему?

Прежде чем ответить на него, давайте обратим взор... к планете Венере. Спускаясь аппараты первых автоматических венерианских станций, достигших планеты, попали просто в чудовищные климатические условия: температура у поверхности почти 500 градусов Цельсия и давление 100 атмосфер. Проведение научных измерений в этих условиях в ту пору состояться не могло. Чтобы и мягко опуститься на поверхность Венеры и выполнить научные измерения

по всей трассе спуска в атмосфере, понадобились принципиально новые технические решения: новые конструкции и материалы, новые приборы. На это ушли годы. И вот около девяти лет назад с огненной поверхности планеты удалось получить уже телепанорамы, причем высочайшего качества. Но когда впервые целились в Венеру, точными данными о ее реальных физических условиях наука не располагала.

Взглянем же на термометр и в нашем случае. Когда геологи и буровики еще только целились в сверхглубинные недра, наука преподнесла им вполне утешительный прогноз. Так, на глубине 15 километров была обещана температура всего 150 градусов. И, держа в уме эту цифру, буровики ринулись в недра.

Однако на 11 километрах оказалось уже 200-градусное пекло. А это меняло все. Принципиально. Материалы, инструмент, измерительная техника, технология бурения—все пришлось в корне пересматривать, создавать заново. Теперь на 15 километрах ожидается температура 300 градусов, а то и выше.

Вообще сверхглубокая скважина, как инженерный объект, попала в крайне невыгодное положение: прогнозировать ожидаемые условия проходки оказалось трудно, а порой и невозможно.

И снова—о Венере. Достижение поверхности планеты не было самоцелью, хотя выполнение такой задачи потребовало выдающихся технических решений. Ученым нужно было подробно зондировать атмосферу «от» и «до», получить результаты измерений с каждого метра участка спуска. На Кольской скважине поставлена и выполняется такая же задача.

По всей «трассе спуска» ведется детальнейшее измерение многих физических параметров. И непрерывно идет отбор образцов породы. Часто бурение приостанавливается для длительных геофизических исследований. Иногда они ведутся месяц-два; порой больше. Так что если бы сегодня была поставлена задача дойти с нуля, без научных измерений, без отбора керна до 12 километров... «мы бы это сделали года за три»,—сказал мне начальник Кольской геологоразведочной экспедиции сверхглубокого бурения Давид Миронович Губерман.

Здесь будет уместно привести вот какие данные. За последние 50 лет рекордная глубина бурения увеличивалась в среднем на 150 метров в год. За последние 20 лет и того меньше—на 90 метров. Но в течение минувшего десятилетия мировой рекорд глубины бурения ежегодно увеличивался в среднем на 500 метров. Столь резкий скачок в мировом бурении сделан благодаря Кольской сверхглубокой скважине. И это при том, что скорость проходки абсолютно не ставится во главу угла. Цель—познание.

Что касается керна—выбуриваемого столбика породы,—то он поступает из скважины цельным, таким, каким находился на глубине.

Принцип, метод, бурильный инструмент—все это пришлось изобретать, создавать, разрабатывать.

Губермана и его сподвижников предупреждали: «Бурить турбинным способом, открытым стволом—нелепость. Ствол будет раз-

рушаться. Вы не уйдете глубже пяти километров. Вас замучает кривизна».

Риск оказался добротным просчитанным.

150 тонн весит многокилометровая колонна бурильных труб, которую для замены долота приходится периодически полностью извлекать—звеньями. 10—15 метров бурения, и долото изнашивается напрочь, словно не из сверхпрочного материала, а из кирпича сделаны его шарошки. На спуск инструмента уходит 9—10 часов, столько же—на подъем. А скважина выпускать колонну «не хочет», зажимает, и потому 150 тонн превращаются в 250. К тому же скважина идеально прямой не получается, да еще вся она в кавернах.

Не раз на глубине заклинивало долото, рвались замки, ствол уходило в сторону, часто возникали другие непредвиденные, непредсказуемые препятствия. Иногда казалось: все, дальше пути нет, не будет, нужно сворачивать дела и оставлять ствол.

Нет же, каждый раз находили выход. Научились извлекать и оставленный на глубине инструмент, обходить зоны осложнений. Создали способы преодоления «непреодолимых» препятствий.

Изобретательство стало формой работы.

Е. А. Козловский. На Кольской сверхглубокой работает коллектив высокого профессионального класса. С самого начала было ясно, что только такие люди могут справиться с поставленной уникальной, труднейшей задачей. Предстояло создать беспрецедентную научно-производственную организацию. И это было сделано. Все годы возглавляет экспедицию Д. М. Губерман, человек сильной воли и глубоким знаний. В коллективе царит творческий дух, люди работают увлеченно, с полной самоотдачей. И, как всегда, впереди—коммунисты. Их 105 человек из 400.

«...Глубокоземному Давиду Мироновичу...»—так надписал Губерману книгу своих стихов Лев Ошанин. Надписал, не зная, наверное, как тот может через несколько дней после операции «сбежать с больничного листа» и помчаться почти за двести верст в Мурманск добывать обещанные, но так и не отпущенные путевки в пионерский лагерь для детей своих сотрудников. Надписал, вряд ли зная об удивительной терпимости Губермана ко многим человеческим слабостям и недостаткам. Надписал, не ведая, как идут к «Мироновичу» люди с любыми радостями и тревогами. Поэт и буровик виделись всего несколько раз, но Лев Иванович надписал именно так. Чутье его не обмануло.

Эти отдельные факты биографии и личные штрихи, выхваченные почти наугад, как можно видеть, не носят «производственный» характер. Хороших людей много, но крепко знающих и делающих свое дело значительно меньше. Хороший человек не профессия. Однако «дело» Губермана—12 километров глубины и уникальные научно-технические результаты.

Еще об одном важном обстоятельстве. На Кольской сверхглубокой текучесть кадров менее двух процентов. Показатель, согласитесь, редкий, и здесь нужны пояснения.

Буровой мастер В. Исмагилов.

Кадровые вопросы, как уже было сказано, решались особенно тщательно, с пристрастием. А бурильщиков и буровых мастеров отбирали по конкурсу. Почему же так стремились сюда специалисты? Из-за длинного рубля? Нет, он оказался не длиннее, чем на других буровых, а для многих и короче. Сложность и увлекательность поставленных задач? Да. Престиж? Тоже верно: сверхглубокое бурение у геологов и буровиков в особом почете.

А еще при этом нужно рассказать об условиях жизни. Так вот, прежде чем бурить скважину, здесь начали рыть фундамент под жилые дома. Конечно же, каменные и со всеми удобствами. Приезжавшие специалисты сразу получали ключи от квартир.

Е. А. Козловский: В нашей стране разработана программа изучения глубинного строения земной коры с целью определения нефтегазоносности и рудоносности основных районов СССР. Наряду с работами на Кольской будет продолжено бурение Саатлинской сверхглубокой скважины в Азербайджане, которая к настоящему времени достигла глубины 8250 метров. Намечается начать проходку Тюменской, Анастасьевско-Троицкой, Уральской сверхглубоких скважин.

Когда же бурение будет завершено, Кольская скважина превратится в уникальную природную лабораторию, где будут вестись систематические наблюдения за температурным режимом и физико-химическими процессами в земной коре, испытываться и отработываться техника и методы исследований.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ
Фото Г. КОПОСОВА

120661

Судьба повести Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» оказалась счастливой. Ее поставили и ставят многие театры, которых привлекло безыскусное богатство жизненного материала, пронзительная достоверность судеб девушек военного поколения. В это же время родился необычный не только по форме спектакль Элины Быстрицкой «Случайный вальс» по повести С. Алексиевич, поставленный в Театре эстрады (инсценировщик А. Ремез, режиссер Е. Радкевич). Элине Быстрицкой здесь не надо было вживаться в образ медсестры-фронтовички. В годы войны она, совсем еще девочкой, была сани-

таркой фронтового сортировочного госпиталя. Вольнонаемной, ибо по молодости ее не могли призвать в армию.

Почти все и что-то сверх того, о чем рассказывают героини повести, она видела воочию и пережила сама: у нее на руках тоже умирали раненные бойцы, она в полной мере испытала трудности сурового фронтового быта. А счастье было в сознании того, что ты, как можешь, помогаешь победить родной стране.

Вот почему для Элины Быстрицкой это не просто роль, а страницы собственной жизни, и обращается она к присутствующим в зале не только как народная артистка СССР, а как полномочный представитель тех многих девушек, которые были направлены в армию по путевкам комсомола. Вот почему все происходящее на сцене воспринимаешь как открытие. Добиться этого оказалось тем более сложно, что постановщику нужно было найти точное сочетание реализма, психологической глубины и определенной условности, ибо Театр эстрады диктует свои требования.

Этим задачам подчинено и художественное оформление спектакля (автор А. Крупенин). Увеличенные фронтовые фотокарточки — волнующий и грустный привет, дошедший через сорокалетие. Некоторые из девичьих лиц уже не разглядеть, они как бы присыпаны пеплом времени — этих уже нет среди нас. Обгорелая летняя эстрада из какого-то провинциального городского сада — символ мирной юности этого поколения, так жестоко застигнутой войной.

Партнерши Элины Быстрицкой по спектаклю только начинают свой путь в театре. Они ведут как бы «подголоском», чистым и трепетным, свои рассказы от имени снайпера и медсестры, поварихи, санитарки танкового батальона — сколько их было, женских профессий, на этой войне. Это Наташа Бизева, Маргарита Кабанова, Алла Федорова, Маргарита Рассказова, Лена Старостина — все, кроме Старостиной, выпускницы курса профессора Э. Быстрицкой в ГИТИСе имени А. В. Луначарского.

Удивительная все-таки сила — жизненная правда. Такой ток ее исходит от Быстрицкой, что, попав в его поле, молодые актрисы играют с предельной отдачей, раскрываясь в своей индивидуальности. Вот почему все участницы спектакля могут сказать о себе словами одной из героинь: «Когда бы мы ни родились, все мы родились в сорок первом году».

Ирина ПИРОГОВА
Фото М. Веселовской

ПОЕТ ДЖУЛАНКИ

Танец счастья

— Что ни говори, годы свое берут! Восемь десятков раз менял — тряхнув приклеенной бородой, вздохнул уже за кулисами Петр Леонтьевич Дечули.

«Жизнь — значит работа», — скажет потом Петр Леонтьевич. Работа с раннего детства. А детство Петра Дечули было нелегким. Всего он добился сам: по образованию учитель, по призванию хореограф. И, пожалуй, танец он считает своим главным делом. Созданным им тридцать лет назад ансамбль народного творчества «Гива» в селе Булова, что в низовьях Амура, побывал во многих городах и селах Дальнего Востока, а недавно с ним познакомился зритель ГДР.

Концерты ансамбля «Гива» пополняются великолепными номерами самодеятельных артистов из других национальных автономных округов, а также работами студентов хореографического отделения Камчатского музыкального училища.

На каждом выступлении зрители слышат нежный голос джуданки — маленькой удэгейской скрипки; слышат рокот бубна, тонкие мелодии пицалок... Они поют не только о прошлом. Они славят нынешнюю жизнь своих народов.

Владимир КУЗНЕЦОВ
соброр «Огонька»
Фото автора

ГОДЫ ПОИСКОВ

В историю советского балета Голейзовский вошел как художник редкого таланта, изысканнейшей изобретательности и неповторимого своеобразия. Он утвердил свой собственный стиль и создал свой особый пластический мир.

В 1925 году Голейзовский сочинил балет «Иосиф Прекрасный» на музыку С. Василенко — новаторский по структуре и лексике. Увлечательные подробности его хореографии — четкий рисунок скульптурно-пластических построений, элементы акробатики, ритмическая нюансировка — подготовили стилистику современного танцевального языка. Пройдет почти сорок лет, и в 1962 году на сцене Большого театра будет поставлена «Скрябинiana» — одноактный балет, изы-

сканное и свободное претворение музыки в пластике. Голейзовский открыл Скрябину для балета. Его художественные композиции на музыку Скрябина, Листа, Шопена, Прокофьева, Рахманинова создали ему славу замечательного мастера хореографической миниатюры. Между «Иосифом Прекрасным» и «Скрябинiana» — огромная, трудная творческая жизнь. В ней было все — и успех, и поражения, нападки и недовольство, восторженное поклонение и упреки в том, что он прибегает к слишком изощренным приемам, годы поисков и простоя. О сложной творческой судьбе выдающегося хореографа сегодня можно прочесть в интереснейшей книге «Насьян Голейзовский. Жизнь и творчество». Построенный по хронологическому принципу, сборник включает теоретические статьи о творчестве хореографа, документы из его личного архива, воспоминания современников, учеников. Композиция книги позволяет воссоздать сложный путь неповторимо индивидуального мастера, человека огромной эрудиции и огромного таланта.

Содержательная статья знатока балетного искусства Н. Черновой предваряет документальные материалы сборника. Она помогает читателю понять мир искусства, откуда вышел Голейзовский. Михаил Фокин и Александр Горский были его учителями. Они явились реформаторами академического классического балета. Голейзовский свой путь хореографа начинал с эстрады. Это он вернул в театр балет, считавшийся созданным для концертной площадки, а не для театральной сцены. «Линия Голейзовского в советском балетном театре — это линия воссоздания средствами хореографии тонких, едва уловимых оттенков настроений, сложных психологических состояний, душевных порывов», — пишет исследователь его творчества М. Юсим. Лиризм художника определил особенность его почерка. Эмоциональная амплитуда его хо-

реографических композиций предельно широка. Танец в его балетах, сюитах, концертных номерах обнажает чувства, неподвластные слову, мимолетные настроения, душевные порывы. Пластические комбинации его дуэтов не скованы рамками сюжета. Они очаровывают потоком чувств, через все перипетии проходит тема любви двух героев. Оттого Голейзовскому особенно близок жанр музыкально-хореографической сюиты, сохраняемой и в «Скрябинiana», и в «Листiana», и в «Мимолетностях». Его часто корили в пристрастии к интимно-лирическим настроениям, но громадный успех последних работ, влияние на мировой балет свидетельствуют о жизнеутверждающем начале и близости его позиции современному человеку. Когда в 1964 году Голейзовский поставил в Большом театре балет С. Баласаняна «Лейли и Меджнун» (его талантливые танцевали Н. Бессмертнова и В. Васильев), то лирическая тема главенствовала и в нем, хотя критики отмечали прежде всего тончайшее соединение классического танца с национальными, восточными мотивами. Любимейший танцовщик Голейзовского В. Васильев в его работах создал не один шедевр. «Нарцисс» (музыка Н. Черепнина) и Кайс в «Лейли и Меджнун» демонстрировали идеальное мастерство исполнителя. В сборнике, посвященном Голейзовскому, Е. Максимова и В. Васильев вспоминают работу с балетмейстером. «Лексикой его танца не спутаешь ни с чьей. На ней лежит налет удивительной природности, ощущения поэтичности всего, к чему бы хореограф ни прикасался», — пишут они. Письма к Голейзовскому, соединенные записями из дневников и письмами самого Голейзовского, воспоминаниями о нем А. Жюрайтиса, Л. Мезенцева, А. Богуславской, Б. Львова-Анохина, Т. Бруни, С. Юткевича, документами, раскрывают личность художника, умеющего творить магию танца.

Виталий ВУЛЬФ

Насьян Голейзовский.
Жизнь и творчество. М., ВТО, 1984,
576 с.

П. Л. Дедуки среди своих воспитанников

ТВ

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ МАКЛАЯ

В последнее время Центральное телевидение все чаще обращается к жизни и деятельности людей, не только составляющих славу и гордость нашей русской, российской истории, но и внесших неоценимый вклад в развитие мировой культуры, науки. Недавно мы стали свидетелями жизни-подвига академика Ивана Павлова. Близок к завершению телесериал о судьбе великого помора Михайлы Ломоносова.

Новый трехсерийный телефильм «Берег его жизни» посвящен выдающемуся русскому путешественнику, ученому-гуманисту, страстному защитнику темнокожих народов Н. Н. Миклухо-Маклаю. Создатели картины (сценарий И. Болгарина и В. Смирнова, режиссер Ю. Соломин), снятой на Одесской киностудии, поставили перед собой трудную и благородную задачу — воссоздать на экране образ легендарного исследователя, прожившего короткую, но яркую жизнь, насыщенную столькими приключениями, что написать о них можно не одну книгу и снять не один фильм. Трудность заключалась и в другом: зрители нескольких поколений помнят прекрасную ленту, снятую почти сорок лет назад, которая рассказывала о жизни Маклая в Новой Гвинее.

Вполне понятно, что авторы новой телеверсии не хотели повторяться. Но при всем техническом несовершенстве старая лента вряд

ронного рассказа о его многогранной личности создателям требовалось показать и частную жизнь героя, его отношения с Маргарет, ставшей верным другом и спутником Маклая. И все же, все же... Наш интерес к образу главного героя зиждется, конечно же, не на сентиментальной истории любви, а прежде всего на его делах, поступках. А вот они-то, в сущности, и остались «за кадром» фильма, ведь о них лишь бегло рассказывают другие персонажи. Привлечение таких интересных актеров, как Р. Нифонтова, И. Горбачев, В. Сафонов, Е. Весник, Э. Виторган, Е. Самойлов, А. Голобородько, не спасло образы от иллюстративности и схематизма: сам драматургический материал поставил их в положение второстепенных, вспомогательных фигур, лишенных индивидуальных признаков. Зато вниманием кинокамеры безраздельно завладели крупные планы долгих взглядов героев да бесконечно натягиваемые морские волны.

Совсем недавно по телевидению демонстрировался фильм «Дерсу Узала» японского режиссера А. Куросавы, в котором роль другого прославленного русского ученого и путешественника, Арсеньева, также сыграл Ю. Соломин. Положи руку на сердце, скажите: чем различаются два этих образа? Не говоря уже о внешности, они оба в меру мужественны, в меру сдержанны, в меру обаятельны. И... удивительно похожи друг на дру-

Кадр из фильма

ли заслуживает такой односторонней оценки, которую дал ей Ю. Соломин: «Надо признаться, что «папуасы», показанные в картине, сыграли некую коварную роль в восприятии образа великого ученого, потому что не только подростки, но и многие взрослые люди, мало знавшие о Маклае, его героической жизни и борьбе, его скитаниях «по дебрям царской бюрократии» и многом другом, примерно так припоминают связанное с ним: «Миклухо-Маклай? А, это тот, который жил у папуасов!»

Однако в новом фильме все скитания героя (главную роль играет Ю. Соломин) «по дебрям царской бюрократии» легко уложились в две-три вежливые беседы с сановниками да в неторопливую прогулку с членом императорской семьи.

Но, может быть, отказ от чисто событийной, приключенческой стороны жизни Маклая сделан авторами не случайно, а для того, чтобы сконцентрировать наше внимание на личности ученого-борца, его неповторимом и богатом духовном мире? Ведь этим человеком восхищались Толстой и Тургенев, Чехов и Боткин, ученый-коммунар Элизе Реклю и творец антропологии Поль Броня, дарвинисты Геккель и Гексли, к его гневному голосу в защиту аборигенов были порой вынуждены прислушиваться монархи, канцлеры и премьер-министры. Вполне допустимо, что для всесто-

га, хотя, конечно, реальные герои при всем сходстве человеческих качеств — отваге, упорстве, целеустремленности — были прежде всего личностями, то есть людьми неповторимо индивидуальными. Кстати, на похоронах Миклухо-Маклая профессор Модестов отмечал, что Отечество хоронит одного из самых редких людей, когда-либо существовавших на земле.

В чем тут дело? В том ли, что исполнитель использовал уже ранее найденные краски и приемы актерского мастерства, заставив нас ностальгически вздохнуть о лентах «Адьютант его превосходительства» и «Хожение по мукам»? Или в том, что режиссер Соломин недостаточно критично отнесся к работе актера Соломина? Но думаю, что в результате фильм не гарантирован и от такого зрительского замечания: «Миклухо-Маклай? А, это тот, который страстно любил прекрасную Маргарет...»

Конечно, герои истории — тоже живые люди и имеют право на личную жизнь, о которой нам, зрителям, интересно знать. Но прежде всего мы, их потомки и наследники, хотим знать об исполненных деяниях богатырей духа, обессмертивших не только свои имена, но прославивших на вечные времена Отечество. И надеемся, что новые телефильмы о великих россиянах оправдают эти наши ожидания.

П. СМЕРНОВ

Посвященный — на Арлингтонском кладбище

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

В жизни всегда есть неравенство. Одни были убиты на войне, другие ранены, а третьи отсиживались дома... Жизнь несправедлива.

Джон Ф. Кеннеди
Пресс-конференция, 1962 г.

Глава I АЛЛЕН ЛОУЭЛЛ

В понедельник 15 октября 1973 года в три часа пятнадцать минут Стефани Сполдинг, сама того не подозревая, глядела в маленький глаз смерти. В дуло автоматической винтовки «Ли-Энфилд» с оптическим прицелом четырехкратного приближения.

Молодого человека, который залег в кустах и целился, широко, по-солдатски раскинув ноги, звали Аллен Лоуэлл. Он смотрел, как Стефани усаживалась в свой «линкольн-континентл» перед собственным кирпичным особняком возле Паунд-Риджа, как проскользнул на свое место шофер, потом хлопнула дверца, заработал мотор, и машина тронулась к дороге, проходившей под тем местом, где лежал Аллен.

Аллен думал о том, что не убил ни одной женщины за пределами Вьетнама. И сомневался, сможет ли это сделать.

Лимузин плавно приближался. Аллен навел прицел на заднее сиденье и увидел лицо, неожиданно большое. Машинально поймал в перекрестье лоб, не замечая хрупкой красоты лица, глубоко посаженных глаз, изящно вздернутого носа, густых черных волос, спадавших на плечи. Стефани с веселыми искрами в глазах что-то говорила шоферу, потом, услышав его ответ, рассмеялась.

Погибла бы, подумал Аллен, сама не зная за что, именно такой смерти она и заслуживает. Положив палец на спуск, он представил,

как ее пробитая пулей голова валится на грудь и смех обрывается вместе с жизнью.

Секунду спустя лимузин благополучно проехал. Аллен поднялся, снял ствол «Энфилда», спрятал вместе с ложей в рюкзак и вышел на дорогу ждать попутной машины. Его подобрал какой-то мотоциклист, и он с грохотом поехал на заднем сиденье в Паунд-Ридж. Сошел Аллен у вокзала и первым же поездом уехал в Нью-Йорк.

На Большом Центральном вокзале он подошел к справочному бюро, где точно вовремя встретился с молодым человеком в коричневом свитере и джинсах. И отдал рюкзак ему.

Из письма Аллену Лоуэллу со штемпелем «Торонто, 18/X—1973»:

«...все готово, но не удалось раздобыть белое вещество. Если бы и смогли, его было бы трудно переправить через границу. Надеюсь, ваш план окажется удачным.

Майк Горджо».

Вокруг холма, на котором стояла съемочная группа, расстилалась песчаная пустыня. Но это был не штат Невада, а железорудный комбинат на севере штата Нью-Йорк, и пустыня представляла собой дело человеческих рук. При обогащении руды тысячи тонн измельченной породы выбрасывались через торчавшую вдалеке трубу и оседали в дикой лощине.

Труба эта была роковой. Казалось, что со временем она занесет, подобно другим, и эту лощину, засыплет холмы, примется за остальные долины, ущелья и наконец превратит всю землю в бесконечную свалку отходов.

— Гляньте-ка, что устроили там, — сказал представитель фирмы «Рейнолдс Кемикл». — Только ничего не вышло.

Аллен Лоуэлл, редактор фильма, обернулся.

В пятистах футах позади он увидел огромную гору этого самого песка с вызывающе торчащими кустиками на вершине. Но кустики были безжизненны.

Представитель фирмы объяснил ему, в чем дело.

— Все эти загрязнения вызвали большой шум, и владельцы комбината решили продемонстрировать, что песчаная гора с кустами великолепно вписывается в этот распрекрасный пейзаж.

— Но ведь кусты не растут?

Представитель фирмы рассмеялся.

— Здесь не растет ничего. Эта дрянь губит все живое, как рак.

Киногруппа ждала на солнцепеке, пока Гарри Эндрюс привезет взрывчатку. Тем временем представитель фирмы спустился с холма и протянул провод от подрывной машины футов на восемьдесят.

— Видно меня? — крикнул он оператору.

Оператор принял к видеоискателю кинокамеры «Аррифлекс» и увидел держащего провод человека в синей каске, выгоревших джинсах и пыльных ковбойских сапогах. Оторвавшись, он крикнул:

— Отлично! Лишь бы солнце не затянуло.

По заднему склону холма со скрежетом взобрался грузовой фордовский пикап. Из него вылез, утирая зеленым платком блестящий от пота лоб, рослый, плечистый Эндрюс. Открыв заднюю дверцу, он достал несколько прозрачных, длиною в фут пластиковых патронов с белым веществом под названием «кемит», новейшей промышленной взрывчаткой. Небрежно бросил один Аллену, тот легко поймал его на грудь. «Хладнокровный парень», — подумал Эндрюс.

Аллен посмотрел вниз, в лощину, где стоял представитель фирмы, и подбросил взрывной патрон в воздух как можно выше.

— Да ты что! — ужаснулся оператор.

Внизу, лениво кружа, как Уилли Мейс, когда

его жизнь была поставлена на карту, представитель фирмы взглянул на солнце и краем глаза заметил летящий к нему небольшой цилиндрический предмет. Патрон грузно упал ему в руки, и представитель еле устоял на ногах. С минуту он переводил дыхание, потом пошел к холму.

— Веселые у тебя шутки,— сказал он Аллену.

— «Кемит» безопасен. Это мы и собираемся продемонстрировать, разве не так?

— Все равно надо думать, что делаешь.— Представитель фирмы злился все больше. Аллен молчал.

— Поехал бы в город да угнал первый попавшийся самолет,— не унимался представитель.

Гарри Эндрюс попытался успокоить его.

— Это я начал, Джим. Я первый кинул ему эту штуку.

— Идиот!— злобно ругнулся представитель и вернулся назад, к месту испытания. Он с самого начала возражал против этого дурацкого фильма, однако начальство решило, что документальный фильм, демонстрирующий безопасность «кемита», будет хорошей рекламой. Может, и так. Но кто верит фильмам?

И насколько безопасен «кемит»? В отличие от «уотер джел» и других табельных взрывчаток он не очень устойчив, это определено. Каждую секунду этот маленький патрон мог превратиться в опасную игрушку, способную взорваться прямо в руках.

Рискуй теперь жизнью на свалке какого-то железнодорожного комбината за четыреста миль от дома, демонстрируя какой-то идиотской киногруппе, как обращаться со взрывчаткой. Сегодня урок первый: будут взорваны четыре типа «кемита» и один заряд динамита. Завтра урок второй: в «кемит» будут стрелять, поджигать его, рубить топором, показывая, что он не взорвется случайно. Ни при каких обстоятельствах!

Час спустя Аллен внимательно смотрел, как представитель фирмы присел с зарядом «кемита» у воткнутого в песок зеленого флажка. Слева под красным флажком был заложен динамит. Еще дальше под флажками разных цветов были заложены три типа «кемита», предназначенные для разных промышленных целей.

Аллен запоминал каждое движение. Представитель фирмы взял перочинный нож, сделал на стенке патрона трехдюймовую прорезь и глубоко воткнул детонатор в желатинированную взрывчатку. Запалом служил быстрогорящий пентритовый шнур. Представитель обмотал его вокруг патрона, отпустил дюймов на восемь и вновь обмотал, тем самым ослабив нажим на детонатор, чтобы его не выдавило. Потом представитель протянул шнур к главному проводу, идущему от подрывной машины на холме, и соединил их.

Через несколько минут, целый и невредимый, он поднялся на холм и склонился к подрывной машине, серому ящику с двумя красными кнопками и безотказным выключателем. Солнце светило ему прямо в лицо. Подняв взгляд на Грегга Миллера, режиссера, он сказал:

— Я зарыл взрывчатку поглубже, чтобы песок взлетел вверх. Но вам будет нужно держать его в кадре. Ветер отнесет песок вправо.

— Ясно,— сказал Миллер.— Начали.

Представитель приступил к освященному временем ритуалу. Встав, он поднял ко рту сложенные рупором руки и прокричал: «ЗАПАЛ ПОДОЖЖЕН!» Потом повернулся в другую сторону и прокричал то же самое. Крики раскатывались по окрестностям, предназначаясь случайным прохожим и водителям транспорта. Аллен подумал: неужели это опасно? Взрывчатка в ложине, глубоко под песком. На войне он навидался взрывов.

Но тут представитель фирмы щелкнул выключателем, нажал обе кнопки, и плоская поверхность песка, спокойно, безмятежно сверкавшая под солнцем, внезапно вздыбилась мощным столбом земли, огня и дыма. Громовой грохот достиг ушей Аллена и на миг оглушил его.

Черт возьми, в этом маленьком, безобидном с виду патроне громадная сила. «Кемит» — это вещь. Представитель фирмы не сводил глаз с оператора.

— Засняли?

— В лучшем виде,— ответил оператор.

Наступило молчание. Аллен решил, что самое время извиниться перед представителем.

— Прошу прощения,— сказал он.— То же самое могло случиться с вами.

— Ты прав, черт возьми!— Представитель устало поднялся.— Вот что я скажу тебе, парень,— негромко произнес он.— Сперва мы узнаем, что абсолютно надежные взрывчатые вещества убивают. Потом — что они убивают нас.

Взорвав остальные заряды у других флажков, они поехали на одной из машин к желтому деревянному двухэтажному отелю в центре Ларго Фоллз.

Когда все спустились на обед в маленькую с обоями в цветочек столовую, владелец сказал, что молодой редактор расплатился и уехал. Миллер рассердился.

— Он не имел права самовольно уезжать. Мы ему платим.

— Ничего,— сказал представитель фирмы.— Смотришь, дольше проживем. Странный он парень.

— Мы дважды брали этого Джеффа Болтона внештатником, и оба раза были неприятности. Но он талантлив. И...— Режиссер умолк.

Представитель вопросительно посмотрел на него.

— И дешево обходится,— сказал Миллер, пожав плечами.— Не может найти постоянного места, поэтому работает почти задаром.

Аллен Лоуэлл приехал во взятом напрокат автомобиле в Сиракузы, ближайший город с аэропортом, и вылетел оттуда в Нью-Йорк. Улыбался он нечасто, но, вспомнив испуганное лицо того типа, когда он бросил ему взрывчатку, невольно улыбнулся. Внезапная идея, однако она оправдала себя. Гарри Эндрюс смотрел на летящий патрон как заворожженный.

В Нью-Йорке он поселился в гостинице «Холидей Инн» на Девятой авеню под фамилией Болтон и немедленно открыл набор инструментов для осуществления своего плана — сверла, отмычки, буравы. Их оказалось больше, чем требовалось. Ребята в Торонто были предусмотрительны.

Вернее, им так казалось. Потому что они не могли, не хотели знать и никогда не узнают, во что были втянуты.

4

Из дневника Аллена Лоуэлла... Запись от 22 октября 1973 года:

«Сегодня вечером годы учебы начали окутаться. Я взял из набора две простые отмычки и отправился в «Уолддорф» к Карсону. Поблизости не было никого. Я вставил одну отмычку в замочную скважину, приподнял ее, ниже просунул вторую, повернул, и замок щелкнул. Дело нехитрое. Дверь открылась, я вошел в номер и занялся его паспортом.

Как полагалось по плану, оставил на его кровати полудолларовую монету с профилем Кеннеди.

Около полуночи прошелся по Девятой авеню и увидел, за что воевал. Отверженные, наркоманы, грабители, размалеванные шлюхи, сводники — лицо цивилизации 1973 года.

Временами, когда во мне кипит злорада, я хочу убить первым Уильямса, исколоть его, искромсать. Но для него это было бы слишком великодушно. Пусть страдает дольше всех, он этого заслуживает.

Два часа спустя. Я еще на ногах. Уснуть не удастся. Слишком возбужден!

Перечел написанное и понял, что звучит это по-садистски. Я не садист. Я солдат, умеющий думать».

5

В зале Верховного суда краснолицый, безупречно одетый адвокат-южанин выступал по делу о гражданских правах. Люди в черных костюмах сидели по девять в ряд и бесстрастно следили за ходом процесса.

Позади них высились ионические колонны, красные бархатные портьеры и простые часы под потолком, показывающие судьям время. Джордж Уильямс, заместитель помощника министра юстиции, вошел в комнату за скамьями для зрителей и стал смотреть в зал.

Судьи сидели на высоком помосте за столом красного дерева. Под помостом стоял простой длинный стол стенографистки, по обе его стороны — небольшие столики, в настоящее время занятые адвокатами штата Северная Каролина и федерального правительства. В одном углу расположились секретарь суда и один из судебных исполнителей.

Когда адвокат-южанин стал гневным тоном излагать свою точку зрения, атмосфера в зале накалилась, но тут стрелки показали час. Председатель Верховного суда взял молоточек и резко постучал.

— Мне очень жаль прерывать вас, адвокат, но уже время перерыва. В два тридцать суд продолжит заседание.

Уильямс торопливо спустился по проходу, показал судебному исполнителю удостоверение и перехватил Джона Ньюхауза, одного из правительственных адвокатов. Джон улыбнулся ему.

— Только что пришел?

Уильямс кивнул.

— Слышал бы ты, как южанин набрасывался на меня! По его мнению, мы вообще не должны заниматься гражданскими правами.

Они пошли в кафетерий. Ньюхауз спросил Уильямса, что привело его сюда.

— Собирался пригласить вас на обед. Тебя и Сьюзен.

— По какому случаю?

— Хочу уходить с работы.

Ньюхауз отмалчивался, пока они не взяли сандвичи и не сели к столу. Потом сказал:

— Послушай, мы уже обсуждали этот вопрос. Администрации меняются. Демократы когда-нибудь вернутся к власти. А тем временем можно делать кое-что полезное.

— В отделе внутренней безопасности?

Ньюхауз улыбнулся.

— Твоя беда объясняется просто. Ты блестящий работник! И республиканцы ставят тебя туда, где ты можешь принести пользу им. Почему бы и нет? Это их министерство.

Уильямс отхлебнул кофе и негромко сказал:

— Мне больше нравилось в отделе гражданских прав. Я ничего не имею против компромиссов. Из них состоит жизнь. Но там я делал кое-что.

Его спокойный тон не обманул Ньюхауза: Уильямс, даже приходя в ярость, не проявлял ее внешне.

— Значит, ждешь меня к обеду,— сказал Ньюхауз.— Чтобы я укрепил тебя в решении уйти с работы.

— Почему бы и нет?

Ньюхауз откусил кусочек орехового пирога.

— Мне будет очень одиноко без тебя, Джордж,— сказал он.— Мы с тобой единственные вольнодумцы-либералы на все министерство.

6

Сара Уильямс открыла на звонок дверь в переднюю.

— Звонила Сьюзен,— сказала она Ньюхаузу, когда мужчины вошли в гостиную.— Предупредила, что немного задержится. Она записывает сенатора Бакли, а он опоздал на целый час.

Сьюзен Грей, очередное увлечение Ньюхауза, была известна в Вашингтоне своим остроумием по телевизионным шоу, в которых с энтузиазмом набрасывалась на самодовольных типов.

— Бедняга Бакли,— сказал Ньюхауз.— Она нарежет из него филе.

— А разве можно нарезать филе из окорока? — спросила Сара, выходя с мужчинами в патио.

Разговоры в тот вечер не клеились. Ньюхауз постоянно возвращался к теме, обсуждавшейся за ленчем. Он был убежден, что Уильямсу следует остаться в министерстве юстиции.

— В конце концов, Джордж,— сказал он,— мы там последние со времен Кеннеди. Но у нас есть доступ во все правительственные сферы, и нам более чем когда-либо нужно сдерживать людей Никсона.

Приехала Сьюзен, привлекательная молодая рыжеватая женщина с прямым носом, короткой прической, в розовом, слишком коротком платье и со слишком уж острым язы-

ком. Подали обед, и вечер, как обычно, прошел в разговорах о политике. И лишь в час ночи, провожая Сьюзен и Ньюхауза, Джордж Уильямс увидел конверт, лежавший на столике в вестибюле.

Уединясь в кабинете и налив себе бренди, он вскрыл письмо.

Оно было отпечатано на машинке, без подписи. В нем говорилось:

«22 ноября 1973 года — десятая годовщина со дня гибели нашего президента. По причинам, которые вы полностью поймете, мы ознаменуем эту годовщину убийством следующих лиц:

Джордж Уильямс
Джеймс Карсон
Томас Медуик
Эверетт Меллон
Стефани Сполдинг
Роберт Уорнки».

Черт побери! Мысли Уильямса зашевелились. Письмо все еще лежало перед ним, когда вошла жена. Она сразу же заметила, что он расстроен.

— Что случилось, Джордж?

Он хотел было протянуть ей письмо, потом передумал, вложил его в конверт и сунул в карман.

— Так, небольшое служебное дело. Правда, неприятное.

— Придумай что-нибудь другое, Джордж. Мы не получаем на дом служебной корреспонденции.

— На сей раз получили.

Она пристально поглядела ему в лицо.

— Ну, раз ты в таком настроении, я лягу спать, не дожидаясь скандала.

— Это секретное дело, Сара. Я просто не имею права посвящать тебя в него.

— Понимаю. Только не принимай все так близко к сердцу. Это не вопрос жизни и смерти.

Расстроенная Сара пошла в спальню по коридору, застланному зеленым ковром. Она знала Джорджа и по его взгляду все поняла. Надвигался очередной кризис, очередной период, когда муж не будет ее замечать.

Она вышла за него восемь лет назад, когда он порвал с этой несносной Стефани Сполдинг, приятно удивленная, что такой привлекательный мужчина, как Джордж Уильямс, берет замуж отнюдь не красавицу, на два года старше себя. До Стефани ей было далеко, она это понимала. Но все же, казалось, он любил ее. На свой манер.

Манер этот, насколько она могла понять, заключался в том, что Джордж не изменял ей, но и не посвящал в свои дела. Своей работе в министерстве юстиции он был предан не только умом, но и душой. А что в этом странного? У Сары было много знакомых среди людей Никсона, съехавшихся в Вашингтон в 1968 году. От них она то и дело слышала, как замечательно трудится в министерстве ее муж, как тщательно бывают подготовлены его дела, как скрупулезны его расследования, как успешны его выступления в суде.

За прошедшие восемь лет Сара много раз видела, как муж брался за новое дело и, можно сказать, исчезал с ее глаз. Даже если он и находился дома, разум его, вечно беспокойный, анализирующий, уносился за много миль, в другие сферы. Зачастую Джордж оставался в городе и не появлялся домой или отправлялся в разъезды. Возвращаясь, он почти ничего не рассказывал.

Сара не была душой, но она не была и юристом. Как могла она в эти периоды сотрудничать с ним? Чем могла помочь ему? Ничем — он замыкался в себе. Она хотела семейного уюта, скромных вечеринок с близкими друзьями, а вместо этого переживала один кризис за другим.

Иногда, в редких случаях, как этот, она жалела, что не оставила Джорджа тосковать по этой стерве Стефани. Та не потерпела бы отказа от личной жизни ради работы. Надо отдать ей должное — она вырвала бы его из кабинета, разрушила это умственное уединение и сделала бы все, что потребовалось.

Сара сняла платье и чулки. Господи, как ей хотелось, чтобы муж находился рядом! Но она знала, что сегодня этому не бывать.

Через несколько минут она стояла под ду-

шем, вода низвергалась на ее тело, вполне достойное гордости — полногрудое, узкобедренное, тут ей нечего было стыдиться даже в сравнении со Стефани.

Да черт бы побрал эту Стефани! Почему она вечно думает о ней? И почему сегодня особенно волнуется за Джорджа? Ну, очередное дело. Ну, будет Джордж потерян для нее на какое-то время. Что тут особенного?

И вспомнила его взгляд. На этот раз в нем была не просто сосредоточенность, а что-то другое. Что?

Это не вопрос жизни и смерти. Час спустя Джордж все еще сидел в кресле, как прикованный, и слова эти не выходили у него из головы.

Было двадцать второе октября. Если письмо написано типом вроде Освальда, остается жить тридцать дней. А в министерстве юстиции каждый знал, что подобных типов развелось теперь много. Много.

Но эти фамилии — и связь с гибелью Кеннеди. Вот что сводило его с ума. Почему они? Никто из них не занимал в администрации Кеннеди больших постов; о двоих, Джеймсе Карсоне и Эверетте Меллоне, Уильямс слышал впервые. И самым непонятным было, почему в этом перечне оказался он, Джордж Уильямс.

В те дни он был таким же «незначительным», как и все остальные. Он даже не встречался с президентом.

Уильямс вышел в патио. Не обдумав всего, он не мог бы уснуть. В вышине сквозь тучи проплывала луна, заливая лужайку мягким, спокойным светом. Уильямс присел на край шезлонга, поглядел на мерцающую в плавательном бассейне воду и вспомнил, как Роберт Кеннеди приезжал сюда единственный раз, год спустя после того, как он, Уильямс, начал работать в министерстве юстиции. Было это вскоре после той знаменитой вечеринки у Бобби, когда половина гостей прыгала в бассейн прямо в одежде, создавая не очень благоприятную рекламу; тогда Бобби, неугомонный шутник, толкнул Джорджа на край бассейна и подхватил, не дав упасть в воду. «Я должен своей жизнью оправдать свое доброе имя», — сказал он мягким голосом, всегда словно бы таящим множество скрытых смыслов.

Уильямс исполнял роль посредника во время осложнений с губернатором штата Миссисипи Россом Барнеттом, отказавшимся допустить негра в университет, и действовал так успешно, что, когда все уже было позади, Бобби приехал к нему с поздравлениями, — за такие поступки сотрудники и обожали Роберта.

Бобби мертв, убит, но Бобби, как ни любил его Джордж, не мог заменить Джека. И никто бы не смог.

Вблизи на дерево села какая-то большая птица. Джордж мельком увидел ее горящие глаза; потом послышалось хлопанье крыльев, и осталась только темнота. Где-то заквакала лягушка-бык, поднялся легкий ветерок, и Джордж Уильямс, сидя в одиночестве, наконец осознал ужасную правду о себе: он доживал свое время в этом глупом веке. Ничто по-настоящему не имело для него значения с того памятного дня в 1963 году.

Но было и другое время. При Джеке Кеннеди тысячи молодых людей вступали в корпус мира и еще тысячи съезжались со всей страны разделить трудности управления этой страной с президентом, который говорил на их языке и разделял их надежды. То было время, когда Вашингтон бурлил энтузиазмом умных и целеустремленных молодых людей, когда был улажен карибский кризис, когда негры были близки к получению самого необходимого права в Америке — права голосовать, — и, черт возьми, кто знает, чего могли бы добиться? Кто знает?

И спустя десять лет Уильямс вновь ощутил себя юным, полным радужных надежд, воскресив в памяти те волнующие дни, когда он твердо верил, что будущее принадлежит молодым, когда президент говорил им с заснеженной инаугурационной трибуны: «Да будет отныне известно и врагам, и друзьям, что этот факел передан новому поколению американцев... Я не уклоняюсь от этой ответственности, я приемлю ее».

Ветер треплет волосы Роберта Фроста, на трибуне пылает огонь, Эйзенхауэр смотрит прямо перед собой, недоумевая, что происходит в стране, председатель Верховного суда Уоррен, держа в заоченных пальцах Библию, принимает присягу у высокого молодого человека — и снежинки выются перед глазами молодого Уильямса, он стоит на лужайке Капитолия, страстно надеясь, что хоть чем-то сможет быть полезен.

И после всего, что было, после надежды, потрясения, отчаяния — это злое письмо. Отвратительное, мерзкое письмо, где сказано, что «по причинам, которые вы полностью поймете», его каким-то образом связывают со смертью боготворимого им Джона Ф. Кеннеди, и поэтому он должен умереть. Кому могла прийти в голову такая мрачная шутка?

Нет, это не шутка. За тринадцать лет в министерстве юстиции он научился кое в чем разбираться.

В ту ночь Уильямс так и не уснул. На другой день он навел кое-какие справки у себя в министерстве, позвонил одному знакомому в ФБР, другому в налоговое управление и вскоре знал адреса остальных намеченных жертв.

Получили они ту же самую угрозу или ему придется стать вестником страха? Если так, вскоре у него появится первая нить.

7

В Нью-Йорке Аллен Лоуэлл отправился в объединенную контору по прокату фильмов, расположенную в большом административном здании на Девятой авеню, 630. Он открыл дверь, зазвонил колокольчик, и вышла женщина в синем халате.

— Мне нужен фильм «Годы молний — дни барабанов».

Симпатичная круглолицая женщина в очках без оправы сказала:

— А знаете, его можно получить бесплатно. Свяжитесь с ЮСИА!...

— У меня нет времени.

— Вы от какой организации?

— Американский легион.

Женщина положила на стойку бланк и скрылась среди стеллажей. Через несколько минут она вернулась с большой круглой коробкой.

— Не могу даже сказать вам, сколько требований мы получаем на этот фильм, — сказала она. — Вам придется вернуть его завтра. Он уже заказан на субботу и воскресенье.

— Верну.

Аллен уплатил прокатную стоимость, оставил залог, вышел через заднюю дверь в вестибюль и стал ждать лифт.

Через несколько минут он был наверху, в монтажном отделе фирмы «Аудио продакшнз». Президент «Аудио», улыбчивый ирландец Пит Муни, когда-то уволил Аллена, но поминать старое было не в его правилах.

— Занимай любую аппаратную, Джефф, — сказал он. — И сиди, сколько будет нужно.

Аллен заправил пленку, выключил свет и нажал педаль.

Он знал каждый кадр этого фильма. Но все равно нужно было убедиться. Приближается похоронная процессия, черный конь натягивает узду, норовя перейти в галоп, накрытый флагом лафет, Жаклин Кеннеди в черной вуали, а затем... вот он, снятый дальним планом мемориал Линкольна. Убрав ногу с педали, Аллен остановил кадр. Потом все увеличивал изображение, пока не разглядел то, что ему было нужно.

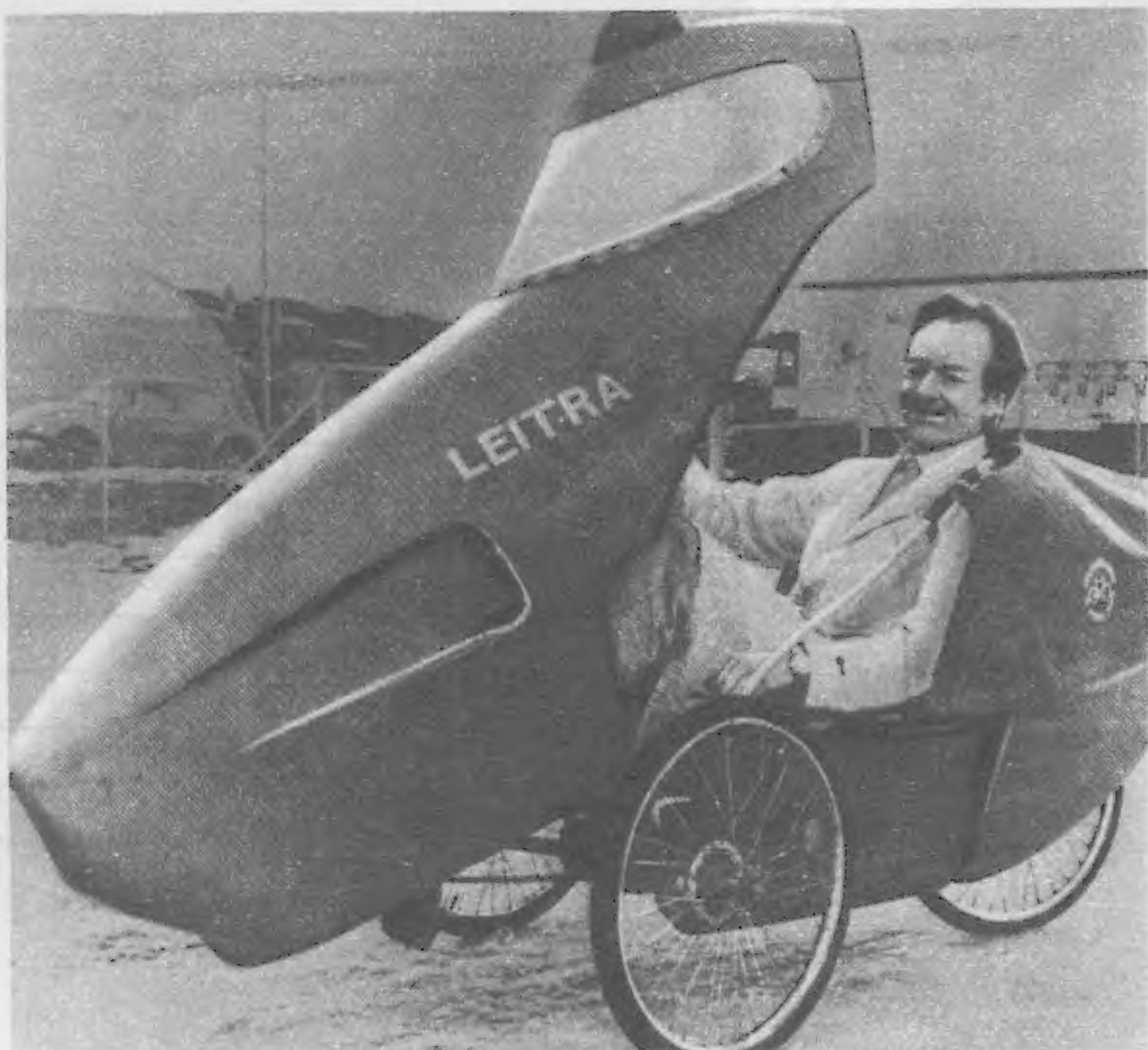
Через полчаса он вернул женщине фильм и пошел к кофейне «Эйвон» съесть булочку с бифштексом и выпить кока-колы. За стойку рядом с ним села красивая девушка, но Аллен не обратил на нее внимания. Он обдумывал свой план.

Уильямс, должно быть, уже предупредил остальных. А Карсон получил двойное предупреждение, если только ночевал у себя в номере. Зная Карсона, в этом можно было сомневаться.

Перевел с английского
Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Информационное агентство США.

Известный датский художник-карикатурист Херлуф Бидstrup в шутку назвал Данию «страной, населенной велосипедами». Сотни тысяч этих двухколесных машин появляются ежедневно на улицах городов и сел страны. Однако не всем по душе традиционная форма классического велосипеда. Инженер из города Орхуса Карл Георг Расмуссен изобрел собственную модель на трех колесах, которую он назвал «Лейтра».

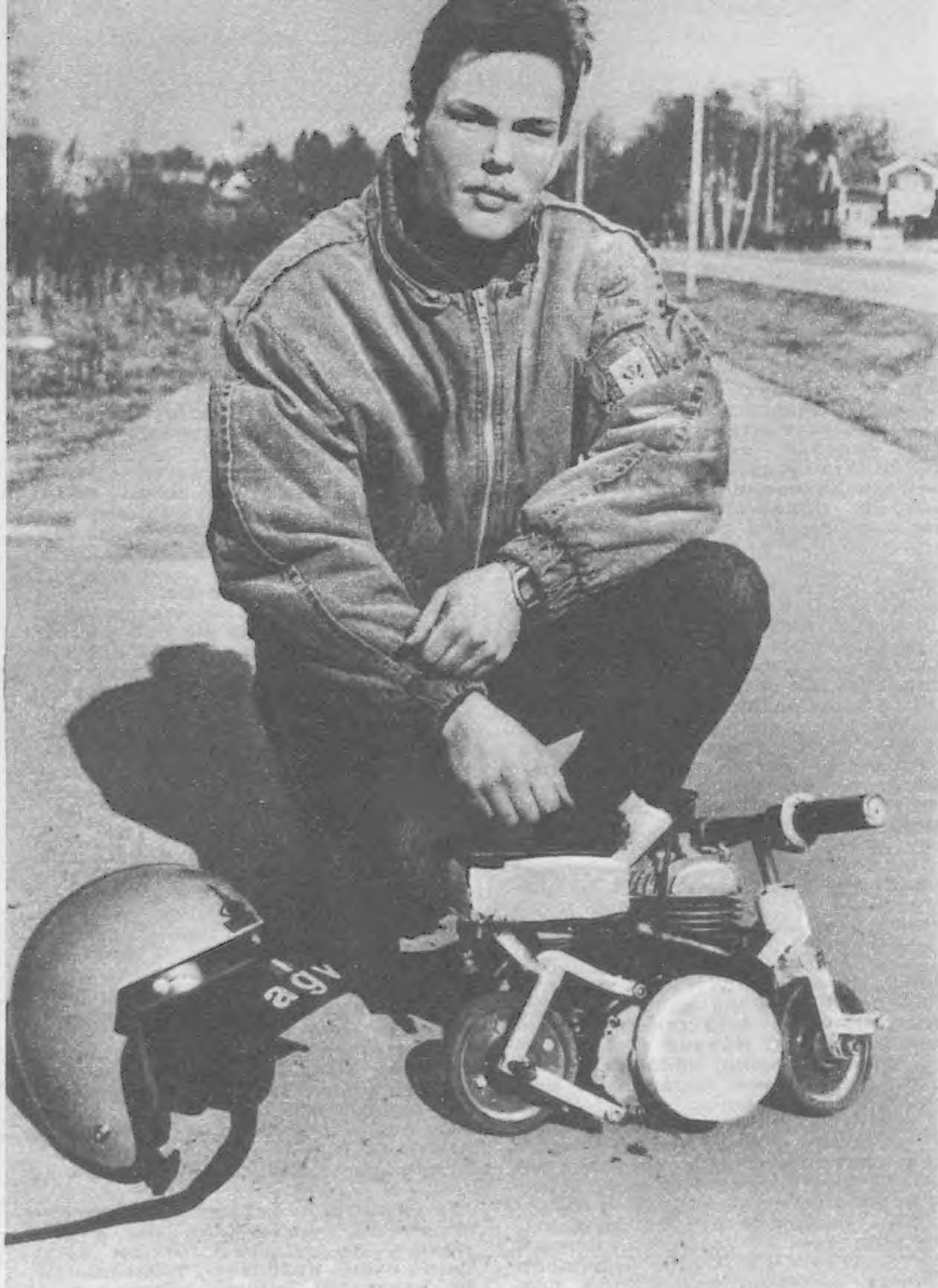
По внешнему виду она напоминает мини-автомобиль: пластмассовая кабина, одно сиденье, три велосипедных колеса — два впереди и одно сзади, небольшое лобовое стекло. Вес сооружения — 25 килограммов, максимальная скорость — 30 километров в час.

Солнечная энергия все шире используется в мире техники. Она применяется для опреснения воды, горячего водоснабжения жилых помещений, электроснабжения космических аппаратов.

Оригинальной конструкции мопед смастерил испанец Хуан Феррет. Основная техническая новинка состоит в том, что вместо бензобака у этого мопеда установлены солнечные батареи, а вместо традиционного «движка» — электромотор.

Новинка французского инженера Гилимोजе — автомобиль для пригородов и небольших провинциальных дорог. Машина проста в управлении, не требует специальной подготовки, довольно быстходна и комфортабельна. Автор рекомендует эту мини-машину пожилым людям и подросткам с 14 лет.

42 сантиметра в длину, 25 сантиметров в высоту и 11 килограммов веса — таковы параметры мини-мопеда, сконструированного и изготовленного семнадцатилетним Андерсом Франссоном, жителем шведской деревушки Недерби. Мопед без труда помещается в спортивную сумку и развивает скорость до 30 километров в час. «Хоть это не самый удобный вид транспорта, — считает молодой изобретатель, — однако позволяет экономить время в пути».

НА КОЛЕСАХ

ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ГАЗЕТ

Два года потратил англичанин К. Аткинсон, чтобы сконструировать этот оригинальный мини-автомобиль в форме апельсина. Автомобиль используется для рекламы одной торговой компании.

Денчо ВЛАДИМИРОВ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

СТЕНА

Все началось так: едва мы вселились в новую квартиру, как у дверей раздался звонок.

— Здравствуйте, — сказал человек деловой внешности. — Я из комбината услуг. Рабочая группа по заколачиванию в стены гвоздей вас приветствует! Имеете ли вы картины для развешивания?

— Конечно.

— Мы так и предполагали. Вопросы эстетики жилой площади очень важны. Наша группа к вашим услугам.

— Спасибо! Но я думаю, что с забиванием гвоздей в стены я справлюсь и сам.

— Сам! Святая наивность! И, я бы сказал, переоценка своих возможностей. Во-первых, современные стены имеют гвоздесопротивляемость. Во-вторых, если вам даже удастся с помощью деревянных пробок забить гвозди так, чтобы они держались, вряд ли вам удастся повесить на них картины так, чтобы они висели прямо. А вы знаете, к чему приводит даже одна криво висящая картина?

— К чему?

— К косоглазью! И особенно у детей. Вам хочется иметь косоглазого ребенка? Ведь малыши учатся воспринимать мир таким, каким они его видят. Кривой лес на стене, кривые мишки, наконец кривое море с кривыми кораблями. Нет! Это безответственно.

— Что безответственно?

— Вешать картины без участия квалифицированных специалистов. Вы рассчитываете на себя, а потом удивляетесь, почему у ваших детей появляются неправильные взгляды: они не уважают старших, не уступают им места в общественном транспорте. Курят в подворотнях. А все это результат искривлений в воспитании. Одним словом, не будем терять время. Где ваши картины?

— Вот одна.

— Где вы собираетесь ее повесить?

— Вот на этой стене.

— Ни в коем случае!

— Почему?

— Хорошую картину надо вешать так, чтобы ее видно было из всех комнат. И жене, когда она готовит на кухне обед, и детям, когда они в детской готовят уроки, ну и, конечно, вам, когда вы у себя в кабинете дремлете на диване. Картину мы повесим на этой стене под самым потолком.

— Зачем так высоко?

— Чтобы ее видели и прохожие, идущие по улице. Нельзя быть эгоистом. Художник писал картину для того, чтобы ее имели возможность посмотреть как можно больше людей. Итак, за работу!

Мой собеседник дал команду кому-то на лестнице. В квартиру нахлынули мужчины с неопознанными инструментами в руках.

— Что вы собираетесь делать? — воскликнул я.

— Демонтировать вашу стену.

— Но зачем? Достаточно забить несколько гвоздей!

— Э нет! В жилом массиве этого делать нельзя. Поднимем стун, шум, помешаем заслуженному отдыху ваших соседей. И потом, чем мы будем забивать гвозди в квартире?

— Молотком, наверное.

— Опомнитесь! На что вы нас ориентируете? Куда вы настянете? Вы знаете, сколько людей поотбивали себе пальцы этими молотками? У нас в цехе гвозди забивают роботы. Без искривления гвоздей, без перерасхода металла, без поврежденных пальцев. Молоток — это наше прошлое. Не беспокойтесь, завтра вы получите вашу стену с забитыми гвоздями. Вот, получите квитанцию.

На другой день стену мне не вернули. Я позвонил в комбинат услуг. Назвал номер квитанции.

— Очень сожалеем, — отозвались там, — но стена за этим номером у нас не значится. Видимо, ее завезли по другому адресу. У нас тут есть одна стена, может быть, ваша. Правда, она под другим номером, но ведь номер могли перепутать. Сейчас мы ее вам пришлем.

Через час огромный грузовик привез стену. Это была не моя стена. Мало того, что вместо обоев она была облицована кафельной плиткой, к ней еще был наглухо приколочен фаянсовый умывальник.

— Берите! — сказал представитель. — За умывальник мы с вас ничего не возьмем. А он чешский, очень красивый. Умывальник в столовой! Это же просто роскошь!

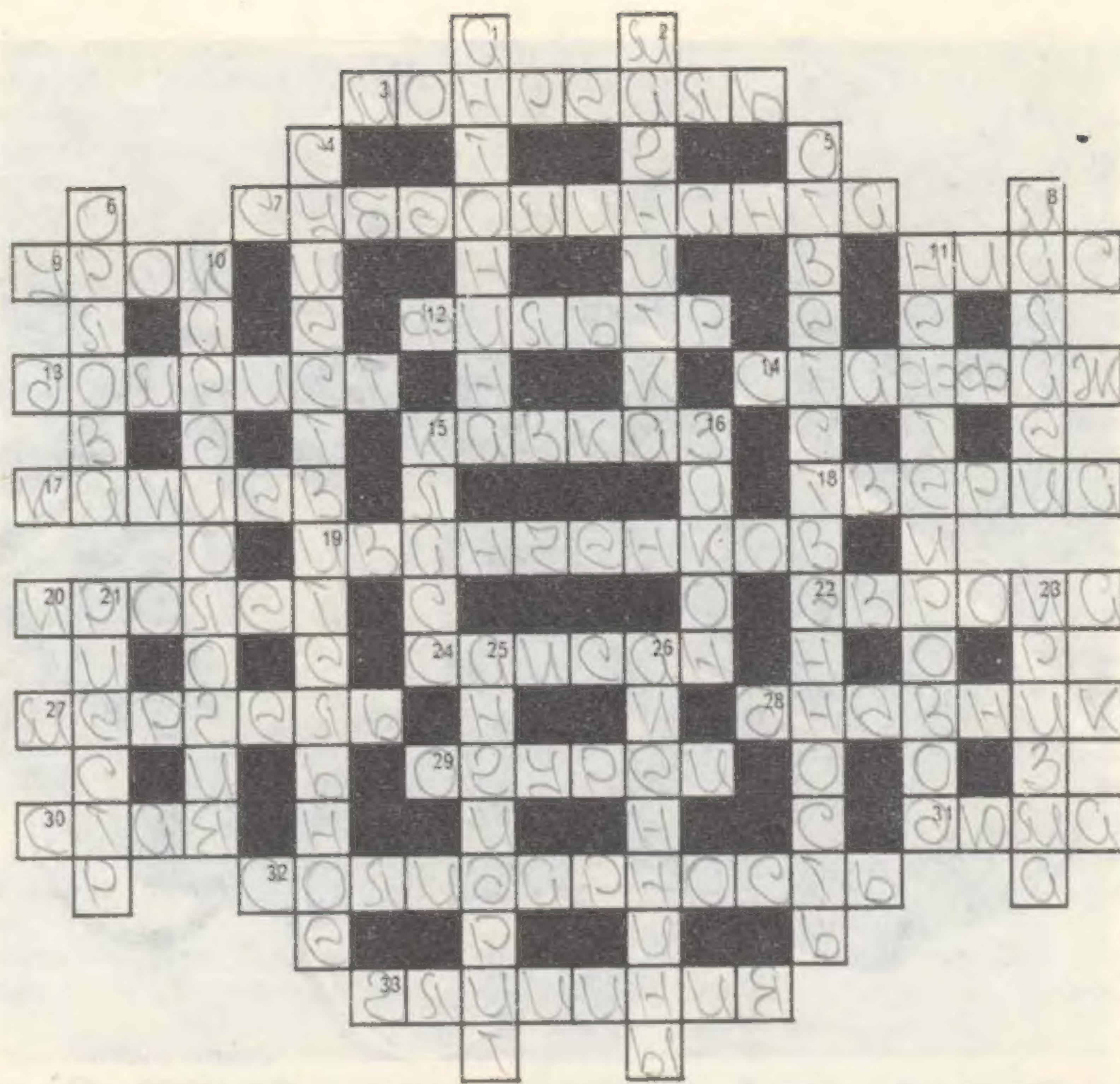
Я взял. Собираюсь уже установить стену, как мне позвонили из комбината услуг. Оказывается, нашелся хозяин стены с умывальником. Вместо нее ему завезли пол, покрытый паркетом. Он согласен поменяться.

Я взял паркетный пол. Мне установили его на место бесследно исчезнувшей моей стены. Кажется, я выиграл. Моя новая «деревянная» стена имеет явные преимущества перед прежней, непробиваемой панельной. Я с легкостью забил в нее гвозди простым молотком и развесил картины.

Раз в месяц я натираю стену мастикой, и она блестит как зеркало. На ее фоне даже копии картин выглядят как оригиналы.

Нет худа без добра. Одно только непонятно: в комбинате услуг гвозди забивают роботы. Это прекрасно. Но отправлять продукцию заказчикам должны были бы все-таки люди...

Авторизованный перевод
с болгарского Н. ЛАБКОВСКОГО

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Город, где проводились XXI Олимпийские игры. 7. Одна из трех основных гармонических функций. 9. Форма организации учебных занятий в школах. 11. Остров, принадлежащий Индонезии. 12. Прибор, устройство для очищения жидкостей от твердых частиц. 13. Исполнитель на струнном инструменте. 14. Фигуры людей, животных в пейзажной живописи. 15. Стихотворение А. С. Пушкина. 17. Советский дагестанский писатель. 18. Приток Волги. 19. Советский летчик-космонавт. 20. Часть моста между двумя опорами. 22. Часть света. 24. Настоящий сокол. 27. Осадочная горная порода, строительный материал. 28. Тетрадь для записи заданий, отметок. 29. Овощ. 30. Группа птиц, рыб. 31. Французские писатели XIX века. 32. Общность интересов, единодушие. 33. Декоративная южная лиана.

По вертикали: 1. Действующее лицо пьеса М. Горького «Егор Булычов и другие» и «Достигаев и другие». 2. Стихотворение Я. В. Смелякова. 4. Часть речи в грамматике. 5. Высокоразвитое чувство долга. 6. Популярная киноактриса, народная артистка СССР. 8. Представитель коренного населения стран Юго-Восточной Азии. 10. Раздел медицины. 11. Сооружение для транспортировки жидкого горючего. 15. Помещение для занятий в школе. 16. Постановление высшего органа государственной власти. 21. Список, перечень, опись. 23. Многогранник, деталь оптического прибора. 25. Минерал, поделочный камень. 26. Горная система в Италии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали: 5. Стаханов. 7. Стенолаз. 9. Антониды. 10. Текст. 11. Шахта. 12. Переплас. 16. Ванта. 17. Дерн. 18. Бирна. 19. Ребро. 21. Тема. 22. Иртыш. 25. Тарантас. 28. «Малыш». 29. Смета. 30. Гольдони. 31. Виннипег. 32. «Обезьяны».

По вертикали: 1. «Птицелов». 2. Солнце. 3. Стадия. 4. Каватина. 6. Хьюстон. 8. Олеандр. 12. Плашкоут. 13. Радиатор. 14. Ландшафт. 15. Сибелиус. 19. Редакция. 20. Бусыгин. 23. Таймень. 24. Шестерня. 26. Апогей. 27. Аннаба.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Тяжелый транспортный самолет АН-124 «Руслан» на стоянке. (См. в номере материал «Руслан, сын Антея»).

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На закате.

Фото С. САФОНОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

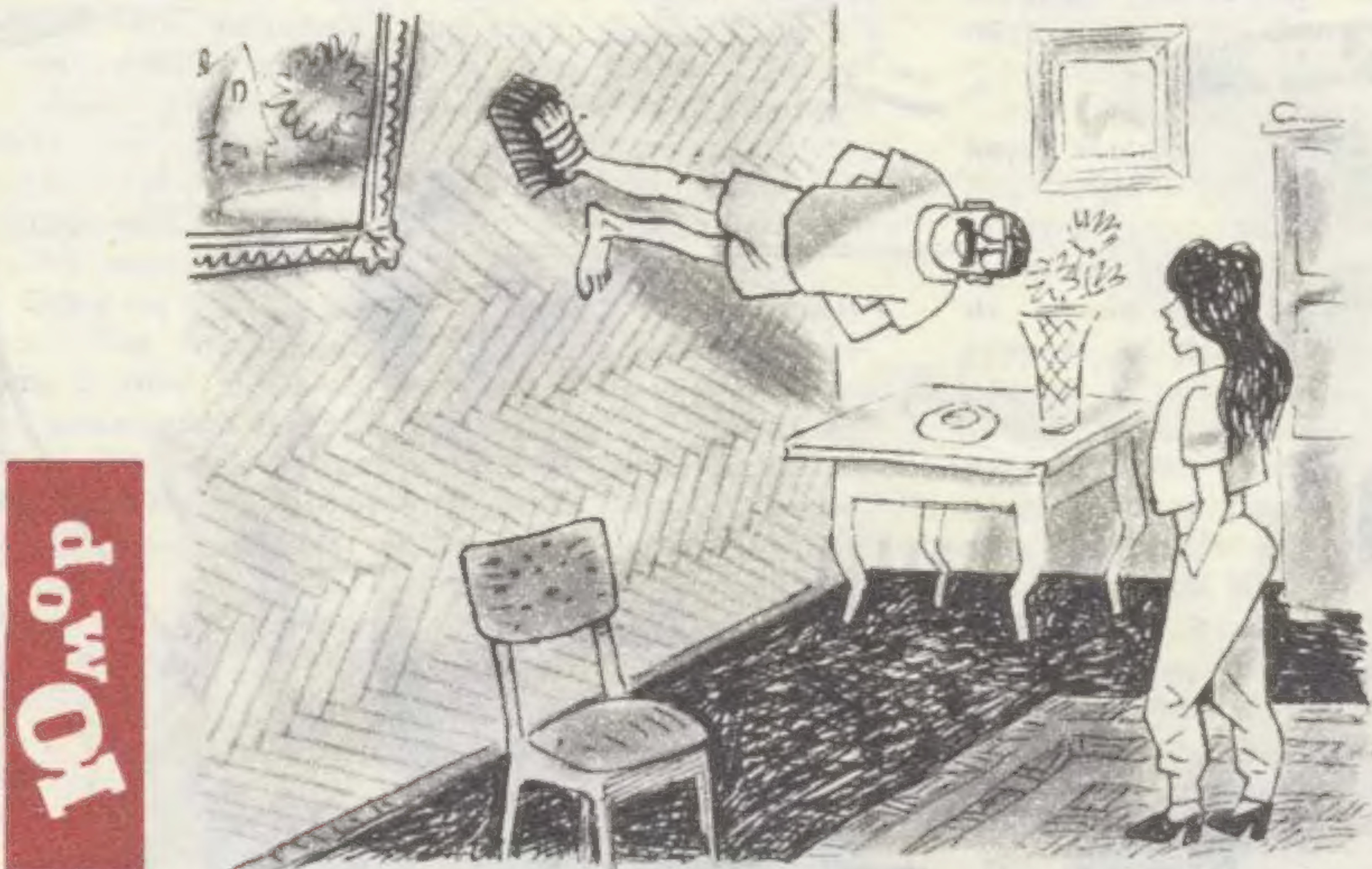
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономика быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патристический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 12.08.85. Подписано к печати 28.08.85. А 00387. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 2159. Заказ № 1224.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

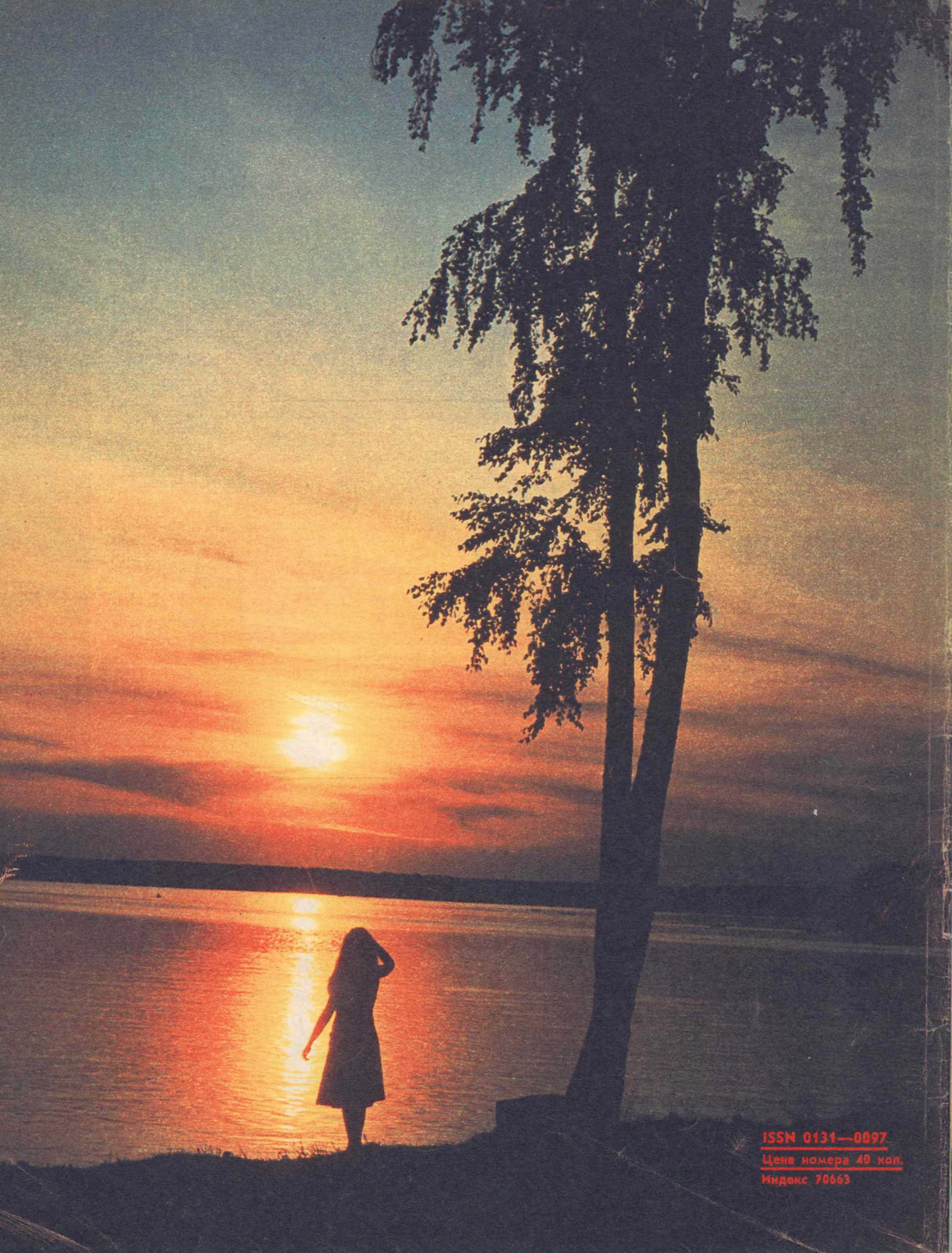

Юмор

Рисунок
Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Казнокрады

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663